

ISSN 2345-1734 (Print)
e-ISSN 2345-1742 (PDF)

Rusin

Journal Library

Библиотека журнала
«Русин»

2018, Vol. 8. Is. 1

Association Rus'
Tomsk State University

Rusin

Journal Library

Библиотека журнала

«Русин»

2018. Volume 8. Issue 1

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

Библиотека журнала **Русь**

Основаи в 2015 г.

Редакционная коллегия:

главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия),
Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака
(Молдова)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича
(Украина)

Адрес редакции: Республика Молдова, Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028,
а/я 1041. Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Rusin

Journal Library

~~Established in 2015~~

Editorial Board

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia),
Grigorii Tsamblak State University of Taraclia (Moldova)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria
(Moldova, Transnistria)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Editor's address: Association "Rus". P.O. box 1041, Kishinev, MD 2028, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Страница редактора	5
<i>Editorial</i>	
 <i>Будилович А.С.</i>	
О значении русского похода 1849 г. для австро-угорских народов	6
<i>A.S. Budilovich</i>	
<i>O znachenii russkogo pokhoda 1849 g. dlya avstro-ugorskikh narodov [Regarding the Significance of the Russian Campaign of 1849 for the Austro-Ungarian Peoples]</i>	
 <i>Головацкий Я.Ф.</i>	
Об исследовании памятников русской старины, сохранившихся в Галичине и Буковине	27
<i>Ya.F. Golovatskii</i>	
<i>Ob issledovanii pamyatnikov russkoi stariny, sokhranivshikhsya v Galichine i Bukovine [Regarding the Research of the Monuments of the Russian Past Which are Preserved in Galicia and Bukovina]</i>	
 <i>Кочубинский А.А.</i>	
Славянские рукописи Пештского музея и, в частности, «русская» рукопись 1803 года (Посвящается моему товарищу Ф. И. Успенскому)	59
<i>A.A. Kochubinskii</i>	
<i>Slavyanskie rukopisi Peshtskogo muzeya i, v chastnosti, «russkaya» rukopis' 1803 goda (Posvyashchaetsya moemu tovarishchu F.I.Uspenskomu) [Slavic Manuscripts of the Museum of Pest and, in particular, the Russian of 1803 (dedicated to my friend F. I. Uspenskii)]</i>	
 <i>Кочубинский А.А.</i>	
О русском племени в Дунайском Залесье	81
<i>A.A. Kochubinskii</i>	
<i>O russkom plemeni v Dunaiskom Zales'e [Regarding the Russian Tribe in the Danubian "Lands Beyond the Woods"]</i>	

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

В данном номере журнала опубликованы статьи известных русских исследователей XIX в. А.С. Будиловича (1846–1908), Я.Ф. Головацкого (1814–1888), А.А. Кочубинского (1845–1907), посвященные истории Карпатской Руси.

Ряд статей А.С. Будиловича был опубликован нами ранее в № 1 (6) «Библиотеки журнала "Русин"» за 2017 г. В материале, публикующемся в этом номере, известный русский славист дает свою оценку Венгерского похода 1849 года и его значения для населения Венгрии.

Я.Ф. Головацкий представляет краткий обзор древнерусских памятников, сохранившихся на территории Галиции и Буковины, а также ставит вопрос о необходимости помощи со стороны России в их изучении и сохранении.

А.А. Кочубинский поднимает в своих исследованиях малоизученную в русской науке тему Дунайского Залесья (Трансильвании). Он проводит параллель с Залесьем Верхней Волги, доказывает, ссылаясь на многочисленные источники, наличие в средние века на территории Трансильвании многочисленного русского (русинского) населения.

Данные статьи были опубликованы в журналах «Русская беседа», трудах Первого и Седьмого археологических съездов, «Русском филологическом вестнике».

Журнал «Русская беседа» выходил в Санкт-Петербурге в 1895–1896 гг. Издателями журнала «Русская беседа» были А.В. Васильев, В.С. Драгомирецкий и Е.А. Евдокимов, редактором – В.С. Драгомирецкий. Журнал возник из переименованного журнала В.С. Драгомирецкого «Галицко-русский вестник» (1894 г.). Приложением к «Русской беседе» был ежемесячный журнал «Благовест». В 1856 – 1860 гг. в Москве выходил одноименный близкий по тематике журнал, издававшийся славянофилом А. И. Кошелевым. Его соредакторами были в свое время Т. И. Филиппов, П. И. Бартенев, М. А. Максимович, И.С. Аксаков.

«Русский филологический вестник» был основан в 1879 г. М.А. Колосовым. После его смерти издателем-редактором стал А.И. Смирнов, с 1905 до 1918 г. – Е.Ф. Карский. Ежегодно выходило 4 номера в 2 томах. До 1914 г. журнал издавался в Варшаве. В 1915–1916 – в Москве, в 1917 – в Петрограде, в 1918 – в Казани.

Во всех вышеперечисленных изданиях принимали участие известные русские ученые.

С.Г. Суляк,
главный редактор журнала

УДК 94(436).07

UDC

DOI: 10.17223/23451734/8/2

О ЗНАЧЕНИИ РУССКОГО ПОХОДА 1849 г. ДЛЯ АВСТРО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

А.С. Будилович

Резюме

Автор рассказывает о походе русской армии в 1849 г. под началом генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича-Эриванского для подавления венгерского восстания. А. Будилович считал, что поход принес пользу не только славянам и румынам Венгрии, но и простому венгерскому народу.

Поход 1849 г., по мнению автора, доказал, что Среднедунайская долина находится в сфере интересов России, которой небезразлична судьба живущих здесь народов. А. Будилович напомнил, что русские (русины) проживают до сих пор в верховьях Тисы и Бескид. К статье прилагается записка о походе 1849 г. одного из австрийских военных комиссаров, прикомандированного во время похода к III корпусу графа Ридигера.

Ключевые слова: А.С. Будилович, русины, Венгрия, Трансильвания, Австрийская империя, Россия, Венгерская революция 1848 г., экспедиционный корпус И.Ф. Паскевича.

REGARDING THE SIGNIFICANCE OF THE RUSSIAN CAMPAIGN OF 1849 FOR THE AUSTRO-UNGARIAN PEOPLES

A.S. Budilovich

Abstract

The author tells about the campaign of the Russian army, under the leadership of Field Marshall I.F. Paskevich-Erivanskii, to quell the Hungarian uprising in 1849. He considers that the campaign brought opportunity not only to the Slavs and Rumanians of Hungary but also to the common Hungarians. According to the opinion of the author, the campaign of 1849 showed that the Middle-Danubian Plain was located in the sphere of the interests of Russia, to whom the fate of the inhabitants was not of little concern. A. Budilovich reiterated that the Russians (Rusins) inhabit the area around the source of the Tisza and the Beskid Mountains up to the present. A note about the campaign of

1849 by Count Ridiger, one of the Austrian Military Commissioners assigned to the Third Corps during the campaign, was attached to the article.

Keywords: A.S. Budilovich, Rusins, Hungary, Transylvania, Austrian Empire, Russia, Hungarian Revolution of 1848, Paskevich expeditionary corps.

Недавняя смерть бывшего мадьярского диктатора Кошута вновь воскресила в памяти его современников и потомства события 1848–1849 годов, в ряду которых русский поход в Угriu, бесспорно, имеет весьма важное, отчасти решающее значение. При оценке этих событий и особенно нашей «венгерской кампании» мнения и историков, и политиков сильно расходятся, так что стоит труда при-смотреться к ним несколько ближе, чтобы решить вопрос: полезен или вреден был этот поход для России, для австро-угорских народов и вообще для образованного человечества, по крайней мере, в политическом отношении?

Если мы сравним положение Австрии в начале марта 1848 г. с ее положением год спустя, в марте 1849, т. е. непосредственно перед нашей «венгерской кампанией», то не можем не заметить громадной разницы. В начале 1848 г. Австрия находилась, по общему признанию и своих, и чужих политиков, в очень благоприятных условиях для внутреннего и внешнего развития. Меттерних, уже 40 лет стоявший во главе не только иностранной, но отчасти и внутренней политики Габсбургской монархии, пользовался славой не только самого опытного, но и самого гениального государственного человека понаполеоновской Европы. Очень выдающейся личностью был признаваем не в одной Австрии и гр. Коловрат. Болезненный император Фердинанд I не мог, правда, управлять самостоятельно большой империей, но это и не требовалось от государя, окруженного такими министрами и, сверх того, опиравшегося на домашний совет (камарилью) с эрцгерцогом Людвигом и эрцгерцогиней Софией во главе. Внутреннее управление, суды, финансы казались вполне благоустроенными, и антагонизм народов империи не выходил из рамок лояльности и легальности. Международное положение империи, стоявшей во главе Германского союза и имевшей обширные владения в Верхней Италии, возбуждало во многих удивление и ревность. Народы Балканского полуострова чаще обращали свои взоры к Вене, чем к Петербургу, тем более что гр. Нессельроде и другие русские дипломаты его школы считали себя как бы учениками Меттерниха и охотно подчинялись водительству этого столба «священного союза». В не менее дружественных, отчасти зависимых отношениях к Меттерниху находились тогда и Гизо во Франции,

а Пальмерстон в Англии. Вполне забытым казалось тогда унижение Аустерлица, заживленными раны Ваграма.

Австрия представлялась твердыней монархизма, оплотом консервативных идей на всю Европу.

Но не прошло и одного года, как в той же Австрии перед нами открывается картина совершенно другого рода. К марту 1849 г. мы там не находим уже ни Фердинанда I, ни Меттерниха, ни камарильи, а вместо них видим на престоле юного Франца Иосифа; во главе администрации — Шварценберга, Стадиона, Баха; вместо патриархального абсолютизма — кромерижский парламент и — правда, октроированную и чисто бумажную — Конституцию 4 марта. Даже резиденцией была тогда уже не Вена, а после тирольского Инсбрука — моравский Оломуц. Вместо прежней лояльности видим волнения и смуты даже в кровно немецких владениях Габсбургов: Вена за повторительные мятежи бомбардирована Виндишгрецем и оставлена императором; штирийский Градец (Graz) кишит пангерманствующими республиканцами; богобоязненный и династический Тироль разбит междоусобиями немцев и итальянцев; Верхняя Италия в открытой войне с императором, склоняясь, скорее, на сторону короля сардинского, даже мадзиниевской республики, чем австрийского дома, несмотря на военные подвиги Радецкого и его полуславянских полков. Даже консервативная чешская Прага, бомбардированная в июне 1848 г. за непослушание Виндишгрецу, является теперь очагом оппозиции, равно как и вообще чешский народ в лице своих парламентных депутатов Палацкого, Ригера, Браунера; бунтуют и поляки, вынуждая сами гр. Стадиона к обстреливанию г. Львова; и русские жители Галиции, Буковины, Угрии не довольствуются прежним своим «счастьем», а заявляют притязание на уравнивание своих прав с правами поляков, немцев, мадьяр; словаки, сербы, хорваты с оружием в руках, под предводительством Гурбана, Штура, Годжи, Шупликаца и Раячича, Елачича и Кничанина, восстают против терроризма мадьяр и громко требуют против них помощи — если не со стороны Австрии, то России; брожение все шире распространяется и между издревле пассивными и забытыми румынами, а отчасти и между саксами Семиградья.

Но всего более забот и опасений вызывали тогда в Австрии смуты мадьярские, начавшиеся еще с марта 1848 г. Они не только не были подавлены ни уступками, ни угрозами, ни, наконец, военными действиями Виндишгреца, Елачича и Кничанина, но, наоборот, все более принимали характер настоящей революции, так что в марте 1849 г. австрийское правительство имело уже полное основание бояться с этой стороны не то что за Пешт или Пребсбург, но за саму Вену.

24 апреля австрийские войска принуждены были очистить Пешт, а 26 — снять осаду Коморна, который вследствие того стал в руках Гергея операционным базисом против Пресбурга и даже Вены. Но еще раньше, 14 апреля, мадьярский сейм в Дебречине, по предложению Кошута, объявил Габсбургов низложенными, а Венгрию — независимой республикой с Кошутом как губернатором во главе. Быть может, Австрия и справилась бы с этими затруднениями в Венгрии, если бы она могла отозвать из Италии армию Радецкого; но это значило отказаться от Ломбардии и Венеции, которые считались драгоценнейшими перлами в короне Габсбургов. Наконец, и международное положение значительно ухудшилось вследствие великогерманской агитации в Германии и явных поползновений Пруссии стать во главе пангерманистов и таким образом отодвинуть на задний план Австрию, дотоле первенствовавшую в немецком союзе. Правительственная перемена во Франции расстроила прежнюю дружбу ее с Австрией, к которой заметно охладел и Пальмерстон, перенесший свои симпатии к Савойскому дому в Италии и отчасти даже Кошуту в Венгрии.

При таких условиях мы не должны удивляться, что в марте 1849 г. император Франц Иосиф был вынужден обратиться к Николаю I с просьбой о военной помощи против мадьярских мятежников; несколько же позже, в апреле, князь Шварценберг настоятельно просил князя Паскевича поспешить с высылкой в Моравию хотя бы только 25-тысячного отряда, объясняя, что Вена находится в величайшей опасности. Вследствие того 23 апреля 1849 г. отряд генерала Панютина вступил в Моравию, а затем в Венгрию для усиления войск, прикрывавших столицу Австрии от мадьярских мятежников. Общее же число русских войск, назначенных императором Николаем I для действий в Угрии и Семиградии, простиралось до 191 587 ч. и 59 929 лошадей. Значительность этой вспомогательной армии, которая понадобилась Австрии при совместном с князем Паскевичем действии всех наличных австрийских сил, кроме армии Радецкого, может служить доказательством полной недостаточности тогдашних собственных средств Габсбургской державы для подавления революции и успокоения страны.

Не входя в обзор событий этой войны, мы не можем, однако, не отметить, что, несмотря на ее непопулярность между русскими офицерами, которые, в сущности, предпочитали мятежных мадьяр союзным австриякам, офицеры эти совместно с русскими солдатами с честью исполнили свой долг.

Не более двух месяцев понадобилось князю Паскевичу для полного разгрома мятежников, несмотря на полупартизанский харак-

тер военных действий и трудность комбинировать их, как некогда Суворову, с ревнивыми, а нередко и бестолковыми операциями союзной австрийской армии. Русские войска, равно свободные от упреков как в нерешительности, так и в жестокости, чем нередко грешили тогда и мадьярские, и австрийские войска, прошли всю Венгрию как триумфаторы, с восторгом встречаемые населением угро-славянским и румынским, а под конец стяжавшие себе уважение и доверие даже в среде мадьяр, так что перед ними, а не перед войсками австрийскими сложили, наконец, свое оружие армии Гергея, Казинца, Вечея и гарнизон Арадский. Если же гарнизон Петроварадинский и Коморнский сдались не русским, а австрийцам, то это произошло лишь по отсутствию русских в этих местностях в период сдачи. Сдаваясь, многие мадьярские офицеры и солдаты просили о принятии их в русскую армию, в чем, однако, им было отказано. Не согласился князь Паскевич и на ходатайство временного мадьярского правительства о принятии Венгрии под русское покровительство с назначением на ее трон одного из Романовых или принца Лейхтенбергского.

Многие славянские и неславянские публицисты считают неприятие императором Николаем I положенной тогда у ног его короны Угрии крупной политической ошибкой, которой объясняются-де многие позднейшие неудачи и разочарования России в ее отношениях к западному и южному славянству, а также к Австрии, Турции и Западной Европе. Но если вспомнить, что, приняв корону Угрии из рук мадьярских мятежников, император Николай I или его наместник в Угрии поневоле был бы вынужден принимать во внимание желания и интересы этих мятежников, находящееся нередко в противоречии с желаниями и интересами румыно-славянских населений Венгрии и Семиграда, что, следовательно, Россия очень легко могла бы наделать в Венгрии таких же ошибок, как в Польше при Константине Павловиче, отчасти и позже, то упомянутый отказ импер. Николая I от столь щекотливой короны окажется не только рыцарским в отношении к союзникам, но и политичным по отношению к интересам самой России (?).

Переходя затем к главному вопросу настоящей статьи — об историческом значении и политических последствиях нашей венгерской кампании, мы остановимся прежде всего на ее последствиях для Австрии, а потом уже для России и ее исторических союзников в среде народов Габсбургской монархии.

Для Австрии эта кампания была, бесспорно, весьма благотельна: она не только возвратила в ее полное обладание обширную и богатую область, составлявшую с Могачской битвы (1526 г.) главный

предмет вожделений австро-венгерской политики, а затем самый драгоценный перл в короне Габсбургов, но и положила конец немецкой революции во всех прочих австрийских областях, обеспечила авторитет правительства в Чехии и Галичине, Штирии и самой Вене, восстановила «обаяние» Австрии в Германии, Италии, Турции — словом, ее положение, спасла ее в смысле политическом.

Были, правда, политики и историки — именно немецкие, которые старались уменьшить значение этой кампании для Австрии, даже свести ее на нуль, уверяя, что Австрия сделала громадную политическую ошибку, обратившись в марте 1849 г. с просьбой о военной помощи к России, что с мадьярской революцией она могла справиться и без этой помощи, вызвав, например, из Италии армию Радецкого, который не хуже Паскевича сумел бы разделаться со сбродом Кошута и Гергея. Но если бы это было вообще возможно, то ни Франц Иосиф, ни Шварценберг не стали бы и обращаться к императору Николаю Павловичу и князю Паскевичу с настоятельным зовом на помощь. Не говоря уже о важности для Австрии ее верхнеитальянских владений, которыми немцы так дорожили еще со времен Гогенштауфенов, даже Оттонов и Карла Великого, армия Радецкого в марте 1849 г. не превышала 70—80 000 ч., причем она была составлена из элементов очень разнородных: немецких, славянских, румынских, которые могли бы отчасти оказаться и непригодными для войны с мадьярами и поляками. Армия эта была уже утомлена и, следовательно, никак не могла бы сделать с равным успехом того подвига, который совершен почти 200-тысячной и совершенно свежей и однородной армией князя Паскевича. Так и в 1866 г. австрийские войска оказались вполне пригодными для поражения под той же Кустоцкой, что при Радецком итальянской армии Виктора Эммануила; но под Кенигрецом и вообще на северном театре австро-прусской войны те же войска вполне оправдали ту «проклятую привычку — быть битыми», в которой упрекал их еще Суворов.

Но обратимся к другой, более важной части поставленного вопроса о нашей венгерской кампании: была ли она полезна для России и славян или, вернее, греко-славян и румыно-славян? Издавна привыкли и наши, и многие инославянские писатели, военные и светские, давать на этот вопрос ответ отрицательный, ссылаясь в доказательство на то, что, во-первых, Австрия оказалась впоследствии неблагодарной России и румыно-славянам, во-вторых, что положение румыно-славянских подданных Габсбургов после этой кампании вовсе не улучшилось, а наоборот — еще более ухудшилось, и, в-третьих, что Австрия собственно отжила свой век и, следовательно, для блага человечества должна бы исчезнуть с политической карты

Европы, что и случилось бы в 1849 г. без русского вмешательства. Если разобрать каждое из этих трех положений, то оказывается, что, хотя каждое из них в отдельности довольно близко к истине, тем не менее вытекающей из них вывод представляется при ближайшем его обсуждении довольно сомнительным.

Австрийская неблагодарность представляет бесспорный факт в отношениях ее к России как во время кампании, так и после нее. Князь Паскевич не раз имел основание жаловаться на несоблюдение как австрийским интендантством, так и Генеральным штабом условий военной кооперации. Этим главнейше обусловлены были и некоторый частные неудачи русских военачальников, особенно же прорыв через русскую операционную линию армии Гергея, благодаря которому война затянулась по крайней мере на месяц и окончилась сдачей этой армии не под Вацовом, а под Вилагошем. После же этой сдачи, когда и другие отряды мятежников положили оружие перед русскими же, главным образом, войсками, в приказах о прекращении мятежа генерала Гайнау (от 6/18 октября), в поздравлении австрийской армии с этой победой от имени генерала Радецкого (9/21 октября) и, наконец, в манифесте по сему поводу императора Франца Иосифа (23 августа) нас поражает полное и, конечно, не случайное умолчание о заслугах в этом отношении русских войск. Несколько же позже, когда началась восточная война, тот самый Шварценберг, который в марте 1849 г. так смиренно упрашивал князя Паскевича о содействии в обороне Вены от мадьярских мятежников, с неприличной похвальбой в 1854 г. «удивил мир австрийской неблагодарностью», очень недвусмысленно приняв сторону «союзников» в борьбе со спасителем Австрии императором Николаем I.

Но вольно же было этому рыцарственному императору рассчитывать на благодарность в политике, которая, между тем, как всем известно, направляется интересами, а не чувствами. И русский поход в Париж для спасения «Европы от тирана» не вызвал особенной благодарности в сердцах немцев и итальянцев, испанцев и англичан, в интересах которых русские солдаты проливали свою кровь под Лейпцигом и Ватерлоо. Даже более родственные нам по плоти и духу народы и государства, например, Сербия, Румыния, Греция, Болгария, не раз забывали в отношении к России свой долг благодарности, когда он приходил в действительную или мнимую коллизии с так называемыми «национальными аспирациями» этих. Так и Германия лет через 8 после Седана забыла об исторической телеграмме Вильгельма I к Александру II о вечном долге благодарности. Не помнит и нынешняя Италия французской крови, пролитой

под Маджентой и Сольферином за освобождение и объединение итальянцев.

Император Николай I, бесспорно, погрешил в 1849 г. против интересов России и славянства. Положение австро-угорских славян со включением столь близких нам по крови и духу червонорусов, если и не стало — особенно на первых порах — хуже, то не стало и лучше; по крайней мере, это улучшение ничем не было обеспечено, так что с 60-х годов оно вновь ухудшилось, и в настоящее время большинство этих славян или даже все они, за изъятием поляков и отчасти хорватов, подавлены еще более, чем как это было перед венгерской кампанией. Но виновником этого ухудшения следует, по нашему убеждению, считать не кампанию, а мир, ее заключивший, или, вернее, отсутствие всякого мира, всякого договорного обеспечения тех славянских и румынских прав, за которые Россия ратовала — быть может, не вполне сознательно, а полуинстинктивно — в памятном 1849 году. Выводя свои войска с театра польско-мадьярского мятежа, Россия не заручилась никакими гарантиями против возвращения тех порядков или, вернее, беспорядков, которые вызвали и мадьярскую революцию, и румыно-славянскую контрреволюцию, потребовавших русского военного вмешательства и стольких кровавых жертв. Если бы Россия не сделала этого промаха и заручилась по окончании войны какими-нибудь материальными обеспечениями против повторения смут в соседних австрийских областях, вроде, напр., тех, какими заручилась сама Австрия в Боснии, а Англия в Египте, то не могли бы в 60-х годах и позже повториться в Венгрии и Семиградии, Хорватии и Славонии, Чехии и Моравии, Галичине и Буковине те же волнения, те же народные смуты и польско-мадьярский террор, которые довели некогда до революции 1848 г. и потребовали русского вмешательства в 1849 г.

Что касается третьего вышеуказанного довода приверженцев распространенного доныне мнения о бесполезности и даже вреде этого русского вмешательства, то, конечно, в настоящее время ни Палацкий, ни Елачич не приняли бы уже своим политическим девизом или даже боевым знаменем известного изречения: «Если бы Австрии не было, то ее (как Вольтерова бога) нужно бы выдумать», которое мотивировано было главным образом силой России и слабостью отдельных австро-угорских народов. В самом деле, если *raison d'être* Австрии лежит не в ней самой, а вне ее, положим, в могуществе России и слабости Германии, вообще в условиях политического равновесия народов и государств Европы, то из этого бы следовало, что Австрия становится излишней, как скоро эти условия изменятся, напр. по ослаблении России по Парижскому миру или

усилении Германии по миру Пражскому и Франкфуртскому. Из-за Шварценберга и Гайнау, Голуховского и Бейста, Андраши и Тафе, конечно, не стоило России в 1849 г. тратить 10–15 000 русских солдат и сотни миллионов сбережений русского народного труда. Не стоило это тем более, что не только Деакова, но и Кошутова Венгрия воскресла затем в новой силе, получив в австрийских немцах и польских панах, отчасти в династии Габсбургов, могущественных союзников для издевательства над Россией и ее ближайшими единоверцами и соплеменниками в Цислейтании и Транслейтании.

Но, с другой стороны, возможно ли утверждать, что в случае распада Австрии в 1849 г. положение и России, и этих ее союзников было бы непременно лучше, чем каким оно представляется в настоящее время?

Вряд ли. При решении этого вопроса нужно ведь принимать в соображение не те политические комбинации, которые следовали за русским походом 1849 г. и в значительной степени были именно им обусловлены, а те, которые, судя по историческим вероятностям, возникли бы в Европе в случае распада тогдашней Австрии. Как страна смешанного населения, не имеющая плотного зерна, Австрия поневоле распалась бы на народности, родственные соседним племенным группам, а потому и тяготеющая к последним. Между этими народностями итальянцы нимало не колебались бы в своей нравственной принадлежности к Италии — в форме ли республики, с папой во главе или монархией, объединенной Савойским домом, как это и случилось впоследствии благодаря деятельности Кавура и Виктора-Эммануила. Австрийские же немцы тогда, как и теперь, тяготели, конечно, к Германии, одни — республиканской, другие же — монархической, с прусским королем во главе. 28 марта 1849 г. Фридрих Вильгельм IV был даже избран франкфуртским сеймом в немецкие императоры, но не мог утвердиться в этом звании отчасти по протестам Австрии, но еще более по несочувствию к этому со стороны императора Николая I. Таким образом, при распаде Австрии в 1849 г. национально-политическое объединение как Италии, так и Германии, столь сильно изменившее международные отношения Европы, конечно, не в пользу России, совершилось бы в Италии за 10 лет, а в Германии за 20 лет раньше и гораздо полнее, чем это видим ныне, когда именно Австрия является полем для развитая ирредентизма: на юге — итальянского, на севере же — немецкого. Но еще более затруднений представило бы для русской внешней и внутренней политики при распаде Австрии в 1849 г. неизбежное образование двух революционных республик — мадьярской и польской, из коих первая явилась бы опасным врагом для народного разви-

тия не только словаков, угрорусов, сербов, хорватов, румынов, но и всего подбалканского славянства; вторая же создала бы в Галичине революционный центр для восстановления Речи Посполитой, как говорится, «от моря до моря». Конечно, осуществление коштувской программы о дунайско-балканской федерации с мадьярами во главе встретило бы столько же существенных затруднений, сколько и восстановление польской республики в исторических ее границах. Быть может, в конце концов, ни мадьяры, ни поляки и не справились бы с подобными затеями, которые неизбежно вызвали бы сопротивление в поработаемых ими народах, тем более что последние могли бы при этом опереться именно на России. Но все же появление на ее границах двух враждебных ей республик, которые надолго стали бы центрами притяжения для всех революционных элементов Европы, бесспорно, создало бы для России бесчисленные затруднения, которые парализовали бы на несколько десятилетий ее успехи в международной области.

Но если бы даже Австрия и без русского вмешательства в 1849 г. справилась со своими затруднениями настолько, что спасла бы династически свой принцип, как это удалось ей в 60-х годах, после разгрома под Садовой, то все же это была бы уже Австрия дуалистическая — полунемецкая и полумадьярская, которая, как мы видим ныне, оказалась бы еще враждебнее к России, чем Австрия старая, меттерниховская и баховская. В 1854 г. такая Австрия бросилась бы не то что на Молдо-Валахию, а на Киев, Вильну, Варшаву, причем России пришлось бы отражать ее не в союзе с габсбургскими войсками, как это было в 1849 г., а на свою руку, одновременно с отражением «союзников» от Севастополя. Так и в 1863 г. Австрия дуалистическая, с господством немцев в Чехии, поляков в Галичине, а мадьяр в Венгрии, послужила бы, конечно, более надежным оплотом для польских мятежников Царства Польского, Литвы и Волыни, чем каким послужила для них Австрия Шмерлинга.

Но Россия не привыкла, быть может, и не должна как всемирно-исторический деятель высшего порядка определять свою деятельность, свою политику единственно своими собственными и непосредственными интересами: она призвана быть историческим представителем всего славянского племени, а культурным — еще большей группы народов греко-славянских. Следовательно, и при выяснении исторического значения венгерской кампании необходимо задаться вопросом: не была ли она полезна, быть может, даже необходима для этих народов, поскольку они населяют Австрию и связаны с ее судьбами, например, для червонорусов, словаков, чехоморавян, румынов и, наконец, самих мадьяр?

Ответ на этот вопрос по отношению ко всем этим народам, за изъятием разве последних, давно уже представлен наиболее компетентными знатоками их истории и жизни в политической литературе этих народов.

Для червонорусов русский поход 1848 г. был чуть ли не эпохой в истории их возрождения. Со времени войн наполеоновских тут впервые увидели червонорусы своих закордонных братьев в грозном величии силы и победы, как миротворцев Австрии и своих освободителей от гнета польского по сию сторону Бескидов и мадьярского по ту их сторону. Это не только улучшило их положение, по крайности на первое время, но, что еще важнее, возродило их надежды, следовательно, и энергию в борьбе, которая без помощи со стороны России не могла бы не представляться безнадежной. Этим объясняется восторг, с которым встречали в 1849 г. червонорусские поселяне наши войска, и искренние сожаления, с которыми они провожали их по окончании войны.

Таково же было освобождающее и ободряющее значение похода 1849 г. и на словаков, которые, бесспорно, составляют самую даровитую часть угорского населения и которые играли чуть ли не первенствующую роль в истории Закарпатья, начиная с Ростислава и Святополка Великоморавских, а затем в период гуситский, реформационный, вплоть до XIX в. Даже и в ближайшее к нам время словаки, несмотря на измену своей народности со стороны значительной части их мадьяронствующего дворянства, из среды которого вышел, между прочим, и Кошут, наряду со множеством других мадьярских деятелей и писателей, произвели, однако, столь важных в истории славянского возрождения людей, как Шафарик, Коллар, Кузmani, Гурбан, Годжа, Штур и mn. др. Под предводительством трех последних словаки организовали даже в 1848–1849 гг. особый отряд, действовавший против войск Кошута и вообще мадьярских террористов. Положим, действия эти были не особенно удачны до прибытия на подмогу русских войск. Все же они служат неопровержимым доказательством согласия политики имп. Николая I в венгерской кампании с желаниями и интересами самых выдающихся славянских патриотов, таких людей, как Гурбан, Годжа, Штур между словаками и Адольф Иванович Добрянский между угрорусами. Все эти люди, как и многие другие славянские патриоты между угрорусами и словаками, лишь с трудом спасли тогда свою жизнь от мадьярских вешателей, и если впоследствии они могли продолжать и развить свою деятельность на пользу народа, если несколько лет спустя Штур мог, правда, лишь в рукописи, составить свой блестящий трактат «О славянстве и мире будущего», изданный в русском

переводе проф. В.И. Ламанским в 1867 г., то этим и словаки, и славянство обязаны именно русскому походу 1849 г. Правда, надежда тогдашних словаков и угрорусов обеспечить свое народное развитие в особых административных округах, выделенных от округов мадьярского, румынского, сербского и т. д., не оправдалась, тем не менее в 50-х и 60-х годах, до появления и утверждения бейстовско-деаковского дуализма, положение словаков и угрорусов было значительно лучше, чем в 40-х годах, особенно под Кошутом. Таким образом, русский поход 1849 г. доставил словакам и угрорусам если не народную свободу, то хотя некоторую передышку, благодаря которой могло в них несколько укрепнуть народное самосознание, служащее им ныне единственным щитом против ударов фанатизованного мадьяризма и разнузданного иудаизма.

Чехоморавские соплеменники словаков, хотя непосредственно не страдали от мадьяр и мадьяронов кошутовского правительства, немало, однако, выиграли от разгрома революционеров, ибо прямым следствием его было обуздание и франкфуртских германистов, считавших Чехию членом немецкого союза и подготовлявших военную экзекуцию против несогласных с этим чехов и моравян, имевших во главе своего знаменитого историографа Палацкого.

Польская шляхта в Галичине, а еще более польские эмигранты с Бемом и Дембинским во главе, конечно, потеряли после русской кампании не одну утопическую надежду. Мечты о восстановлении польской Речи Посполитой, хотя бы в форме австрийской секундогенитур, отодвинуты были этим походом в неопределенную даль. Но для народных польских масс это могло быть лишь полезно, ибо интересы, да и чувства панов и шляхты с одной стороны, а польского крестьянства — с другой вовсе не были и тогда тождественны, а, наоборот, глубоко различны, как это выразилось, между прочим, и в кровавой расправе 1846 г., учиненной польскими крестьянами в Бохне и других смежных округах Западной Галичины над панами, ксендзами и евреями — во вкусе наших гайдамацких бунтов прошлого века. Возможность повторения подобного бунта была и в 1848—1849 гг. уздой, сдержавшей революционную рать польских шляхтичей, которые, быть может, и по этой причине предпочли перенести свою деятельность в Венгрию и Семиградию вместо Галиции и собственной Польши.

Солидарность с русской политикой 1849 г. сербохорватских стремлений и интересов доказывается прежде всего тем, что сербы и хорваты собственно и положили начало вооруженному протесту против мадьяризаторских притязаний Кошута и его партизанов. Духовный вождь сербов патриарх Раяич за полгода до русской кам-

пании, в октябре 1848 г., обращался к русскому консулу в Белграде с ходатайством о вооруженном вмешательстве России в защиту сербохорватов и других угорских славян от мадьярского террора. Хорватский же бан Елачич был и деятельным соратником русских войск в походе 1849 г. Благодаря тому и улучшилось несколько с 1849 г. национальное положение угорских сербов и хорватов, так что для первых восстановлена была – правда, более номинально – особая административная область Воеводина, а для хорватов был сохранен особый бан, поставленный во главе автономных учреждений, в лице сначала Елачича, а после – известного хорватского поэта Мажуранича. Лишь со времени дуализма (1867 г.) постепенно ухудшилось положение хорватов, которые, однако, и доныне сохранили права своего языка, по крайней мере, в домашнем обиходе, в областном управлении, судах и школах. Конечно, все это является крайне непрочным при нынешних отношениях Хорватии к Венгрии под управлением мадьяронствующего бана Куен де Гедервари. Отторжение от Хорватии г. Реки (Fiume) с его отличной гаванью является тревожным прецедентом для постепенного отторжения и других лакомых кусков из древнего достояния Хорватии. Но все же процесс ее разложения не сделал доныне таких успехов, как если бы он начался в 1849 г., т. е. целым поколением раньше.

Вряд ли возможно оспаривать пользу русского похода 1849 г. и с точки зрения румынской народности.

Всем известно, в каком забитом положении находилась она до 1848 г. в Семиградии, а равно в Банате и смежных жупаниях Венгрии. Составляя в Семиградии бесспорное большинство населения, румыны были тем не менее совершенно оттеснены в ней мадьярами, секлерами и саксами на задний план, так что лишь эти *tres nationes* считались политическими единицами по законам этой страны, как будто в ней и не было румынов. А между тем они составляют не только самую многочисленную, но и самую древнюю – наряду со славянами – часть семиградского населения, в сравнении с которою секлеры, мадьяры, саксы являются уже позднейшими пришельцами, гостями в этой срединной части римской Дакии. Если к этому национальному гнету еще прибавить социально-экономическую, а даже и религиозную поработченность православных румын со стороны иноверной знати и венгерского правительства, то легко понять крайнее их недовольство своим положением и стремление к освобождению от вековых пут. Румыны и предполагали этого добиться, но не при помощи мадьяр и Кошута, а без них и даже вопреки им, по крайней мере в автономной и совершенно независимой от Пешта Семиградии. Понятно, что при таких отношениях русские

войска должны были показаться румынам, как и червонорусам, словакам, сербам, хорватам, освободителями от вековых притеснений, ничуть не уступавших турецким, но более изысканных и опасных для духовной свободы народа. Стой, собственно, поры и начинается развитие народного самосознания семиградских и угорских румынов, достигшее к нашему времени такой энергии, которая уже не может быть подавлена ни «бичами», ни «темницами». Здоровое же направление этого самосознания, зародившегося и окрепшего при совместной борьбе румынских партизанов и николаевских солдат 49 г. против мадьярского террора, выражается теперь в полной солидарности румынов со словаками, сербами и др. угорскими славянами, в обороне своих народных прав от притязаний и насилия мадьяронского правительства и полуиудейского парламента нынешней Венгрии.

Вдобавок к сказанному я решаюсь утверждать, что русский поход 1849 г. принес пользу не одним славянам и румынам, но и самим мадьярам, если под ними разуместь не верхний слой, а народную массу. В самом деле, поход этот, во-первых, рассеял в мадьярских головах манию мнимого величия этой мелкой финской народности, которая раздувалась искусственно до роли немцев, итальянцев, славян, вообще крупных деятелей европейской жизни и образованности; во-вторых, крушение в 1849 г. здания единой Мадьярии, с такими усилиями сооруженного двумя или тремя поколениями мадьярских писателей и деятелей с эпохи Иосифа II, доказало тщету всех попыток насильственного претворения многомиллионных масс славянского, отчасти и румынского населения Венгрии и Семиградии в финно-мадьярский племенной тип, а, следовательно, содействовало, по крайней мере, для будущего воскрешения заветов св. Стефана, внушавшего своему сыну, что *unius linguae uniusque nationis regnum imbecille et fragile est*; в-третьих, очевидная недостаточность помощи западноевропейских народов в борьбе мадьяр со славянством и его вождем – Россией не могла не пробудить в них сознания, что Угрия принадлежит Востоку, а не Западу, что, подобно Чехии, Польше, Галичине, Румынии, она не может быть оторвана от принадлежности к миру греко-славянскому, не может в угоду политикам или эксплуататорам перейти в чуждую ей сферу притяжения и интересов мира романо-германского; наконец, в-четвертых, разгром революционного сброда, собравшегося со всех концов Европы под знаменами Кошута, Бема, Дембинского, Гергея, освободил хотя на время страну и мадьярский народ от терроризма и эксплуатации со стороны этих *conquistadores*, а вместе и от примкнувшего к ним сословия венгерских немешей, которые искали для себя в политике

вознаграждения за отмену «работ» и «десятин», вообще дарового труда и поборов с простолюдины.

И эти полезные последствия русского похода довольно рано были осознаны мадьярским крестьянством, отчасти и лучшими элементами в мадьярском обществе, не исключая офицерского. Этим главнейше и объясняется сдача Гергея и других мадьярских армий не Гайнау и другим австрийским генералам, а князю Паскевичу, к посредничеству которого мадьяры прибегли и для призвания на венгерский престол одного из членов дома Романовых. Если же в среде мадьярской интеллигенции, отчасти и мадьярского дворянства проявлялись и тогда, и ныне неприязненные чувства к России и даже предпочтение к немцам, то это объясняется немецким воспитанием этой интеллигенции и остатками в Венгрии феодализма, роднившего ее знать с немецкой, вообще западноевропейской, подобно как это имеет место в среде панства и шляхты польской!

Только для итальянцев и немцев, которые в 1848 г., по-видимому, так уже близко стояли — первые от панитализма, а вторые от пангерманизма или, вернее, от всенеметчины, русский поход 1849 г. оказался невыгодным или даже прямо вредным. В самом деле, без этого похода не мог бы Радецкий восстановить господства Габсбургов в Верхней Италии, так что объединение ее с Средней и Нижней Италией под домом ли Савойским или в виде Апеннинской республики совершилось бы задолго до Кавура и, вероятно, полнее, чем при нем. Торжество Пруссии над Австрией и объединение немцев под скипетром Гогенцоллернов также совершилось бы раньше окончательного разгрома в 1849 г. Габсбургской монархии мадьярами и вообще революционными элементами. Не пришлось бы тогда немцам ожидать своего Бисмарка до 1866—1870 гг. и вторично сколачивать свою всенеметчину с такими тяжелыми жертвами и при столь нежелательной для них зависимости от воли царя.

Но, с точки зрения высших интересов европейской или вообще мировой образованности, был ли полезен или вреден этот поход?.. Полагаю, что, как ни плохо было во многих отношениях обусловленное этим походом управление Шварценберга и Баха, а потом Шмерлинга, Голуховского, Гербста и др., все же оно было гораздо лучше смут революции, анархии, террора. К тому же революция венгерская не может быть сравниваема по своим стремлениям ни с североамериканской, ни с Великой французской, ни даже с сербской, греческой, румынской. Она не развилась самостоятельно из положения и потребностей мадьярского народа или венгерских народностей, а, наоборот, была им искусственно навязана эмиссарами Запада, беглецами из Парижа, Франкфурта, Берлина, Вены. Скорее

всего, можно сравнить эту революцию по ее идейным задачам с польскими бунтами 1830 и 1863 гг. Герой этой революции Людвиг Кошут не был ни Вашингтоном, ни Мадзини, ни даже Парнелем, а скорее Стамбуловым, но несколько лучшего тона и в более широком круге действия. Он ратовал не за освобождение венгерских народов, а за их порабощение мадьяризмом. Воюя с Австрией, он был в постоянных сношениях с великонемецкими революционерами и в этом смысле – союзником и орудием немцев. Напуская на себя вид принципиального демократа, даже республиканца, он не прочь, однако, был после Вилагоша подчинить Венгрию хотя бы Николаю I, но с тем чтобы остаться в ней «губернатором» или хотя бы конституционным министром. Если же все забыто и исторический образ Кошута возвышается ныне как некий идол мадьяризма, то это объясняется чрезвычайным сходством большинства мадьярских немешей по психическому типу с типом Кошута. При болезненном их самомнении, которому так хорошо умел льстить Кошут, в его лице они обожают себя, свою испорченную волю, неудержимый шовинизм и своекорыстный племенной фанатизм. Никто из нынешних мадьярских патриотов не вменяет Кошуту в вину его позорного бегства, как не осуждают они и сдачи гергеевой армии, ибо того требовала-де безопасность первого и самосохранение последней. Не на идеальных, а на чисто материальных, оппортунистических началах и соображениях построен и держится мадьяризм. В самом деле, как и чем идеализовать превращение славянина, румына, немца или даже цыгана – вообще арийца – в мадьярина, т.е. финна? Ведь это, очевидно, не прогресс, а регресс в смысле и антропологическом, и этнологическом, и психологическом, как это уже давно и наглядно доказано Вильгельмом Гумбольдтом в его трактатах о связи языков с психическим строем, вообще даровитостью народов. Потому-то между мадьярами и не было настоящих мучеников за народность, подобных мученикам славянским или румынским. Не могла иметь мучеников за себя идея, которая основывается – как у Аттилы и Тамерлана – не на обороне своего, а на насильственном и незаконном присвоении себе чужого достояния.

Итак, император Николай I не погрешил против интересов России, славянства, человечества подавлением в 1849 г. мадьярского мятежа, а ошибся лишь в том, что не признал нужным при заключении мира выговорить прочные гарантии улучшения участи единоплеменных и единоверных России народов в пределах Австрийской монархии, подобно как это было им же сделано в договоре Андрианопольском по отношению к грекам, румынам, сербам и отчасти болгарам.

Поход 1849 г. доказал, что Россия столь же мало расположена взирать безучастно на порабощение своих современников в Венгрии, как и в Турции, что долина Среднедунайская не лежит вне сферы законного русского влияния, и что судьба живущих в этой долине народов не может быть окончательно решена без участия и согласия России.

Не даром уже Начальная наша летопись считает Дунай прародиной славян вообще и русских в частности; не даром он признается столь заветной для русских рекой и в «Слове о полку Игореве»; не даром и в новейших наших песнях — и лирических, и эпических — так часто упоминается Дунай сын Иванович; не даром доньне охраняют наши русские соплеменники и верховья Тисы и Бескид как сторожевой вал нашего племени на западе.

В русской и вообще в славянской науке уже давно признана органическая сопринадлежность Hungarica к Slavica, след. и к Rossica. Эту связь необходимо признать основным тезисом и русско-славянской политики. Император Николай I понимал это инстинктивно. (?) Слава ему за это, а нам пример и урок для ближайшего и отдаленного будущего.

Приложение

В распоряжении автора имеется записка о походе 1849 г. одного из тогдашних австрийских военных комиссаров, прикомандированного во время похода к III корпусу графа Ридигера. Вот некоторые выдержки из этой записки.

«...Русские войска, как должно быть памятно всем участникам 1849 г., еще перед вступлением в Галицию и Силезию были приветствуемы как освободители не только русскими галичанами, но также галицкими мазурами (поляками) и чехомораванами, ибо эти мазуры столь же боятся восстановления Польши, как чехи и моравяне усиления наступательного германизма, против которого они борются в течение уже тысячи лет. Еще с большим одушевлением встречаемы были войска кн. Паскевича славянами и румынами Угрии и Семиградья, которых они спасали от терроризма мадьярских верховодов. Лишь с этого времени прекратилась деятельность мадьярских правительственных комиссаров и военных судов, которые покрыли страну виселицами и наполнили тюрьмы ослушниками из немадьяр. Неудивительно, что русское население жупаний Шаришской (Sáros), Абауйской (Abauj), Боршодской (Borsod) целыми массами устремлялось к главной дороге, по которой двигалась из Дукли к Мишковцу (Miskolcz) превосходно снаряженная русская армия, охотно снабжая ее и подводами, и продовольствием, и вообще угощая по мере средств своих братьев и избавителей. С таким же восторгом встречены были в Семиградии войска генерала Лидерса единоверным им румынским населением, которое также страдало не менее славян от мадьярских комиссаров и кровавых судов».

«Одушевление славянского населения Угрии еще более возросло, когда оно убедилось, что может объясняться с русскими воинами на своем языке, молиться с ними в одних (червонорусских) храмах, когда открыты были по приказанию военных комиссаров этой армии тюрьмы, переполненные политическими преступниками, и когда за поставляемые армии подводы, продовольствие и т. п. народ получал золото и серебро вместо господствовавших дотоле кошутовских банкнот. И русские войска были радостно удивлены, встретив в неприятельской стране столь дружественное и даже родственное население. Многие солдаты были даже искренне убеждены, что они все еще находятся в России и все спрашивали, где же, наконец, находится земля неприятельская, мадьярская. Лишь к югу от Мишковца, где протекает р. Топля, еще в XI в. служившая (по Chronicon Hungaropolonicum) границей между Венгрией и Русью, совершенно изменились эти условия, ибо в самом Мишковце солдаты могли еще

объясняться с жителями даже мадьярского происхождения на языке славянском».

«Поход через мадьярскую часть Угрии между Мишковцем и Великим Варадином не занял бы много времени, если бы авангардному III корпусу гр. Ридигера не пришлось дожидаться у Дёндёша (Gyongyos) армии Гергея, пробивавшейся из-под Коморна и Вайцена на юг для соединения с главными мадьярскими силами. При этом в армии Гергея оказалось много дезертиров: например, у Балаша-Дярмат от 4 до 6000 славян и румынов спрятались в кукурузу и затем отдались русским, которые распустили их по домам. В Дебречине и мадьярское население было очаровано гуманным обращением русских войск с жителями по взятии этого города и, между прочим, торжественным молебном этих войск на главной площади».

«Вообще, после Дебречинского сражения изменился взгляд на русских и в среде мадьярского населения, которое по прокламациям своего правительства привыкло считать русских солдат какими-то разбойниками, вообще вырождаками человечества. Уже в Беретьо-Уйфалу (Berettyo-Ujfalu), по пути из Дебречина в Великий Варадин, явился к военному комиссару III корпуса один из влиятельных местных обывателей и заявил ему по секрету, что жители Беретьо-Уйфалу и его окрестностей, незаконно лишённые своих прав, коими они прежде пользовались как вольные гайдуки, охотно подчинятся русскому царю и даже примут его веру, которая некогда господствовала у их предков. Несколько же дальше, в селении Артанде (Artand) близ Великого Варадина, явилась особая депутация, состоявшая из генерала Пельтенберга (Pölsenberg), подполковника Беницкого (Beniczky) и ротмистра гр. Бетлена (Bethlen), от имени уполномоченной на то диктатором Кошутом армии. Депутация эта просила у генерала гр. Ридигера свободного пропуска в русскую главную квартиру, чтобы поднести угорскую корону и армию императору Николаю или, буде это окажется невозможным, великому князю Константину, либо, наконец, герцогу Лейхтенбергскому, и испросить для сего содействия фельдмаршала кн. Паскевича».

«Хотя гр. Ридигер откровенно высказал свое мнение, что вряд ли кто возьмется передать такое ходатайство императору Николаю, столь дружелюбно расположенному к австрийскому императору, тем не менее названная депутация отправилась в русскую главную квартиру, и мадьяры были убеждены в благоприятном ее приеме кн. Паскевичем, как это обнаружилось при дальнейшем следовании III корпуса из Великого Варадина в Киш-Ены (Kis-Jenö)».

«Хотя страна эта заселена почти исключительно румынами, однако в ней встречаются и отдельные мадьярские селения, например

Салонта (Szalonta), Фекете Ардов (Fekete Ardö), затем Надь Зеренд (Nagy Zeren) и др. Во всех этих селениях народ с одушевлением рассказывал о предстоящем счастье включения Венгрии в состав могущественной и богатой России. Для русской армии эти поселяне доставляли охотно и в отличном виде нужный провиант, тогда как к Австрии относились самым враждебным образом. Известно, что и генерал Гергей не желал сдаться австрийским войскам, а единственно русским, как он и действительно сдался под Вилагошем русскому корпусному командиру гр. Ридигеру. Необходимо заметить, что сдача эта была вызвана крайней необходимостью, а именно усиливающимся дезертирством солдат и очень враждебным отношением к революционным войскам со стороны местного румынского населения. Австрийскому военному комиссару при III русском корпусе, следовавшему со взводом казаков из Вилагоша в Киш-Ены, после сдачи Гергея пришлось лично освободить от неминуемой смерти нескольких мадьярских кавалеристов, захваченных по пути румынскими крестьянами.

«Пленные мадьяры сумели скоро расположить к себе русских офицеров и солдат указанием на то, что они поднесли императору Николаю I корону и армию Венгрии, и вообще своим умением прилаживаться. Всем бросалось тогда в глаза демонстративное братанье победителей с побежденными, тогда как между офицерами союзных армий, т. е. русской и австрийской, постепенно развился труднообъяснимый антагонизм, так что с обеих сторон пришлось принимать энергические меры против все учащающихся поединков между этими офицерами. Этим обусловлено было и ускорение передачи мадьярских пленников австрийским войскам. Но и после того мадьярские поселяне с отвращением относились к Австрии и сопротивлялись снабжению австрийских войск необходимым провиантом. Это случилось, например, в селении Фекете-Ардов с эскадроном австрийских кавалеристов с бар. Рейшахом во главе. Когда австрийский комиссар III русского корпуса, прибывший в это селение с 20 казаками, спросил у местных стариков о причине отказа в доставке провианта войскам австрийским, тогда как русским он был доставлен исправно и охотно, старшины ему ответили: “Мы имеем основание считать русских солдат своими друзьями, а австрийских – врагами”. Конечно, этот резон не подействовал, и провиант был реквизирован силой».

«Когда по окончании войны была отчеканена в память ее медаль с надписями: “За усмирение Венгрии и Трансильвании” и “Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог”, то австрийское правительство, дозволив своим подданным – участникам похода принять эту

медаль, не разрешило ее носить, может быть, предполагая в этой надписи намек на предложение царю венгерской короны».

Источник: Будилович А.С. О значении русского похода 1849 г. для австро-угорских народов // Русская беседа. 1895. Декабрь. С. 137–156.

Source: Budilovich A.S. Regarding the Significance of the Russian Campaign of 1849 for the Austro-Hungarian Peoples. *Russkaya beseda [The Russian Colloquy]*. Dec. 1895. pp. 137–156.

Будилович Антон Семенович (1846–1908) – русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875–1881), профессор Варшавского (1881–1892), профессор и ректор Дерптского (1892–1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Anton S. Budilovich (1846–1908) – Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875–1881), Professor of the Warsaw University (1881–1892), Professor and Rector of Derpt University (1892–1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.

УДК 94(477)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/8/3

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ СТАРИНЫ, СОХРАНИВШИХСЯ В ГАЛИЧИНЕ И БУКОВИНЕ

Я.Ф. Головацкий

Резюме

В статье сделан краткий обзор археологических памятников в Галичине и Буковине. Также в ней ставится вопрос о сборе сведений и дальнейшем изучении древнейших языческих и русских памятников старины. Для этого ученый предлагает привлечь литературные общества и ученых Галичины и Буковины, оказать в этом помощь Народному дому во Львове, создать археологическое отделение при «Галицко-русской матице». Я. Головацкий обращается к россиянам с призывом относиться «сочувственно к русской Галичине и Буковине, включить их в круг своей деятельности и умственного литературного общения, принять их как своих к своим и собрать всех как родных к родным, в одну русскую семью».

Ключевые слова: Я.Ф. Головацкий, русины, Буковина, Галиция, археология, памятники.

REGARDING THE RESEARCH OF THE MONUMENTS OF THE RUSSIAN PAST WHICH ARE PRESERVED IN GALICIA AND BUKOVINA

Ya.F. Golovatskii

Abstract

A short essay of archeologic monuments of Galician and Bukovina is presented in the article. The question about the collection of evidence and further research of the ancient pagan and Russian monuments of the past placed under question. For this the scholar suggests the enticing of literacy circles and scholars of Galician and Bukovina, extend help in this to the "National Home" in Lvov, create an archeologic department in the Society of the "Galician-Russian Matica". Golovatskii addresses the Russians (of the Russian Empire) with the appeal to respond "empathetically to Russian Galicia and

Bukovina, include them into the circle of their activity and intellectual literacy contacts, accept them as their own within their own and gather all, as relatives among relatives, into one Russian family”.

Keywords: Ya.F. Golovatskii, Rusins, Rusins, Bukovina, Galicia, archeology, monuments.

Мне хотелось бы напомнить о моей родной земле, незабвенной для меня Галичине, чтобы на русском археологическом съезде не осталась забытой Галицкая или Подкарпатская Русь. Я желал бы развернуть картину всей Подкарпатской полосы и нагорной страны, заселенной и до сих пор сплошными массами русского народа, страны, бывшей с древних времен славянской и русской и разыгравшей во все времена не последнюю роль в истории.

Нет сомнения, что с древнейших времен разные племена в передвижении своем с востока на запад останавливались у северного подножия Карпат, а разбитые в междоусобных бранях остатки народов спасались и находили удобный приют в карпатских ущельях. Соляные источники, столь изобильно бьющие на северном склоне наших гор в нынешней Галичине, и без труда доставлявшие соль, вероятно, еще с древних времен привлекали к себе жителей, которые, поселившись здесь, дорожили этим даром природы, равно необходимым и для полудикого кочевника, и для более образованного земледельца и торговца. Без всякого сомненья, в этой стране пребывали в давнее время и чудские, и кельтские, и германские племена, и все они оставили после себя следы своего прежнего быта. До сих пор возвышаются по всей Подкарпатской стране многочисленные курганы и насыпи, скрывая внутри себя еще неизведанные памятники первобытной старины, и ожидают научного, систематического расследования археологов. Еще в 20-х годах Зорьян Ходаковский находил и расследовал здесь курганы и городища и, составляя свою статью *«О дохристианской Славянщине»*, тут же, в Сеньяве над Сяном, уверял, что Русская земля гораздо более сохранила преданий древности, чем Польша, и его обучила многому, а ученый немец Клемм в предисловии своего сочинения *«Deutsche Alterthümer»* по собственным соображениям утверждал, что на северной покатости Карпат должны преимущественно сохраняться многие памятники самой отдаленной древности. И в самом деле, в этой стране были находимы вещи, принадлежащие каменному, медному и бронзовому периодам: молоты, цельты, оружие, убранства и пр.; многие из них хранятся в публичных музеях и частных собраниях в Галичине, а со временем, вероятно, найдется еще больше памятников древности. Почему бы не могли быть здесь открыты и следы свайных

строений, какие находимы были в Швейцарии, Германии, прусском Поморье и др. местах?¹ Но наша страна еще не тронута в археологическом отношении; здесь предстоит еще обширное поприще для раскопок и исследований, и, вероятно, найдется немало добычи для археологии.

После этих общих замечаний хочу указать на некоторые местности и предметы, вызывающие русского археолога к ближайшему расследованию.

Выходя из Днестровских равнин и вступая в первые ущелья длинной цепи Карпатского хребта, видим ряд громадных скал песчаника, словно порог, отделяющий долины от высших террас подгорья. Во многих местах находятся замечательные иссеченные в скалах пещеры или комнаты неизвестно какого назначения. Такие пещеры встречаются преимущественно в Стрыйском уезде. Обратим внимание на урочища в Бубнице и Розгорчье и иссеченные там в скалах комнаты, изображенные на приложенных рисунках. При выезде из местечка Болехова на юг, к верховьям притока Бряжка, за селом Тисовом путешественнику открывается панорама Карпатского предгорья значительной высоты. Вершины гор покрыты громадными массами скал, дико-фантастически разбросанных и представляющих издали, среди букового и елового леса, большую цепь камней в виде развалин громадного замка. Подле селения *Бубнице* эта горная цепь достигает наибольшей высоты и соединяется с другими отрогами горного хребта. Здесь оканчивается скалистая цепь, но, вместе с тем, скалы огромной вышины представляют в виде полукруга, обращенного к югу, как бы природную великанскую стену. Вся картина дика и весьма живописна. Громадные скалы, увенчанные острыми, наподобие сфинксов торчащими верхушками, разорванными влиянием дождей и сырого воздуха, приводят в изумление зрителя. По приближении к месту заметно, что к этим диким скалам уже прикасалась рука человеческая: видны иссеченные внутри их отверстия или входы в комнаты. На вершине горы находится небольшая площадь, которая с одной стороны, кажется, обведена была стеной из дикого камня, ныне почти совсем сровнявшейся с землей. Сами скалы состоят из мелкозернистого песчаника и очень тверды, так что нужно было много труда и усилия, чтобы иссечь такие значительные углубления и комнаты. Дверей или входов три; они ведут

¹В 20-х или 30-х годах между селом Туря и местечком Соколовка Золочевского уезда при спущении пруда находимы были на дне многочисленные дубовые сваи, неизвестно когда и с какой целью вколотенные в землю. Не были ли это свайные строения, на которые только в новейшее время обращено внимание?

в небольшие комнаты, иссеченные в цельной скале. Две комнаты, находящиеся по сторонам, продолговаты, и в них во всю длину стен заметны скамьи, также иссеченные в скале. Средняя комната, кажется, не докончена: она иссечена только на несколько футов в глубину, а над ней, как видно, сделана была какая-то ниша в виде балкона; ко всему этому были, по-видимому, приделаны какие-то пристройки, ныне совсем уничтоженные. Подле этих трех входов в комнаты было еще два, но они теперь совсем завалены обломками скал. За вышесказанными комнатами находятся две расселины: одна широкая, другая уже; к ним, кажется, были прикреплены двери. Проходя далее через эти расселины, можно взойти по новоприделанной деревянной лестнице на верхний ярус скалы, около трех сажен вверх. Тут опять видны следы человеческой руки: нечто вроде сеней или коридора, затем - яма, иссеченная в скале в виде колодца около двух сажен глубины, засыпанная камнями и мусором, так что нельзя узнать настоящей ее глубины. Все это столько же замечательно, сколько загадочно. Оттуда по извилистой, в скале высеченной лестнице можно подняться на самый верх скал. Здесь незаметно ничего приделанного человеческой рукой: только одни фантастически разбросанные камни в естественном виде; впрочем, может быть, и были какие-нибудь изваяния, фигуры или пристройки, но все уничтожено всеокрушающею рукой времени. С вершины скал, господствующих над всей окрестностью, открывается прекрасный ландшафт: на севере виднеется вся Стрыйская долина с ее цветущими селами и местечками, а на юге открывается чудная панорама гор, поросших непроходимыми еловыми лесами, с синеющими вдали вершинами коренных Карпат. Знакомый с местностью горец расскажет вам все типические названия вершин: вот видна вдали прямо *Магура*, а там к востоку торчит *Яворник*, далее - *Люта*, *Забой*, *Батын*; за ними к югу синее длинный *Зелемен*, а там *Черная река*, *Калиновец*, *Илемский Горган*, *Попадья*; направо к западу виднеются опять верхи: *Киевец*, *Прибышин*, *Кременец*, *Остра*, далее за ними *Лыса*, *Кичера*, *Козакова полянка*, а там на угорской (венгерской) границе конический *Пикуй*, а за ним идет *Русский путь* и т. д. На верхних ярусах Бубнищских скал кое-где заметны зарубы в камнях; здесь, вероятно, прикреплены были бревна или деревянные пристройки, но нигде не заметно каменного строения, кирпича, извести и т. п., а все один дикий камень. Какое назначение имели эти постройки, кто иссек эти помещения в скалах, кто имел здесь свое жилище или прибежище, о том молчит история. Время построения этих комнат и употребления их столь отдаленно, что не осталось и предания в народе; вероятно, племя, трудившееся над постройкой этого здания, давно вымерло

или погибло, а новые поселенцы, занявшие эту страну еще в доисторическое время, не нашли никакого события, не услышали никакого имени, к которым могли бы привязать предание, или на канве которого можно бы было засновать сказку из отжитой, чуждой им древности; только глухая, неопределенная повесть носится в народе, что тут жил *поганий царь*, враг народа, губивший и угнетавший его, так что, наконец, народ, вышедши из терпения, со всей силой напал на замок и разорил его. В той же полосе Карпатского предгорья, на левом берегу р. Стрия, возле с. *Уречья*, находятся также подобные скалы с иссеченными в них комнатами, колодцами и следами построек. Об этой местности уже упоминает история: там был старинный город русский *Тустань*; но о Бубнице нет ни малейшего намека в истории.

Третье столь же замечательное урочище находится в *Розгорчье*. Верст за десять по прямой линии от Бубниц, по направлению к северу, лежит село Розгорчье над рекой Стрием; возле него идет шоссейная дорога из города Стрия через Карпаты в Угорщину (Венгрию). В этом селе на левом берегу реки выступает из горы скала белого песчаника, в которой находятся также иссеченные внутри комнаты, с наружной стороны имеющие следующий вид:

Одна из комнат - обширная, с лунообразно высеченным гладким сводом и большим отверстием, служащим вместо дверей, и с окошком над ними, другая, возле нее, - поменьше, низенькая комнатка, в которую идет вход через довольно просторный в скале иссеченный коридор. Третья комната, также иссеченная в скале, находится в верхнем ярусе. Она довольно просторна, с двумя окошками и глубокими с правой стороны нишами. К этой комнате ведет иссеченная в скале лестница в 30-40 ступеней; перед входом - большие каменные скалы, поросшие дерном. Назначение этих комнат также неизвестно и столь же загадочно, как и в Бубнице. Одни утверждают, что здесь было селище разбойников, другие говорят, что в этой скале была будто бы монастырская пещерная церковь, и в доказательство того указывают на вырезанное в скале над дверью что-то в виде четырехконечного креста. Последнее предание может быть и верно касательно позднейшего назначения пещер, так как в с. Розгорчье был действительно девичий монастырь¹; но самая неопределенность преданий и сбивчивость их насчет первоначального иссечения комнат могут служить поводом к предположению здесь более отдаленной древности. Другие исследователи, по некоторым соображениям, полагают, что как в Бубнице, так и здесь были места идолопоклонения и языческие жертвенники если не славян, то, конечно, живших в этих странах кельтов или чудских племен, а покойный Иван Вагилевич находил в Розгорецких пещерах будто бы рунические надписи. Его статья о *Розгорецких Бердах и Ущолбах* напечатана в Часописи Чешского музея 1836 г., а письмо его о мнимых рунах к проф. Погодину напечатано в «Московском наблюдателе» 1834 г. Это было в ту пору, когда М.П. Погодин, первый из русских ученых, посетил Львов и вновь открыл для России Галицкую Русь, а для нас, русских галичан, присылкой книг - русскую литературу. Затем я нарочно посещал урочища в Бубнице и Розгорчье, осмотрел все стены, но не нашел никаких рун, кроме царапин от плохо нарезанных и размытых сыростью имен посетителей. После и другие искали, но не нашли рунических надписей, и находки Вагилевича приписаны разгорячившейся фантазии. К сожалению, у меня не было журнала Чешского музея, и во всей Вильне нет ни одного

¹ Епископ Онуфрий Шумлянский пишет в описи своей Перемышльской епархии 1769 г.: «In cadem diocesi Premisliensi reperiuntur moniales s. Basilii, habent suum monasteriuni in Smolnica et alias duas residentias, unam in civitate laworow et aliam in villa *Rozhorze*, sed quia pauperes sunt, et ex fundatione congruam sustentationem non habent, etiam opera manuum suarum et elemosynis vivere coguntur». (Перемышлянин, месяцеслов на 1857 год, стр. 127).

экз. «Московского наблюдателя» 1834 г., а потому я и не мог сверить моих записок с статьями Вагилевича и сообщить подробное описание этих замечательных урочищ. На всякий случай следовало бы подвергнуть эти местности ближайшему рассмотрению археологов и с точностью исследовать все подробности: может быть, и найдутся какие-нибудь указания для определения времени этих построек, принадлежащих, вероятно, первобытным жителям страны.

Не менее замечательны пещеры, находящиеся во многих местах вдоль среднего течения Днестра. Здесь упомяну о пещере св. Онуфрия подле бывшего монастыря в с. *Рукомыше* около Бучача Чортковского уезда. В одной из таких пещер устроена даже небольшая церковь. Местность *Рукомыш* еще тем достопримечательна, что на одном поле этого селения находят глиняную посуду в виде древних урн; следов., в доисторические времена было там языческое кладбище. Таких мест нашлось больше в Галичине, и открытые там урны и другие курганные находки можно видеть в музее Оссолинского во Львове, в собраниях гр. Тарновского в Дикове, у кн. Чарторийского в Сеняве, Павликовского в Медыве и др. Я старался было получить экз. урны из Рукомыша, но с выездом моим в Россию прекратились все сношения мои с местными любителями древностей.

Наконец, надо заметить, что здесь же, в Галичине, найден в 1848 г. возле с. Городницы, в русле р. Збруча, большой каменный истукан Световида (или, по изъяснению А. Петрушевича, собственно Дажьдбога-Хорса), совершенно похожий на идола Свантовита прибалтийских славян. Этот истукан перевезен поляками из нашей русской земли, где ему подобало оставаться, на польскую территорию в Краков. Т. Жебровский, посланный археологическим отделением Краковского ученого общества для исследования этого места, находил здесь следы каменных фундаментов, где, по его предположению, стояло капище Святовида.

Вероятно, это не последняя находка в стране, в которой попадались и другие подобные идолы. Так, например, в с. Каменке возле Коломы находился какой-то каменный болван, называемый *Каменная баба*, которую суеверный народ во время засухи и бездождья переворачивал на другой бок, предполагая, что от того соберутся тучи и дождь оросит землю. Во Львове показывают на лестнице музея Оссолинских найденный будто бы на прилежащей горе каменный идол загадочного Леля-Полеля. Припомним здесь другие находки, относящиеся к доисторическим временам; между ними замечательны кремневые клинья и топоры, весьма гладко обделанные, найденные и добытые из каменного гроба в селе Беремянах Чортковского уезда, при впадении притока Стрыпы в Днестр. Там в

одном кургане найдены небольшие остатки трех великанских скелетов и при каждом из них - гладкий кремневый клин или топор. При раскопке этого кургана, под которым оказался довольно глубоко в земле каменный гроб, выбрано около ста возов камня. Два таких же еще не разрытых кургана находятся в небольшом отсюда расстоянии. Подобные кремневые топоры и долота найдены в селах Острове, Рожисках, Мокрове, Дорошове и др. При впадении р. Сяна в Вислу выкопана урна, хорошо сохранившаяся, с остатками недогоревших костей. В с. Сушине Тернопольского уезда также найдена урна особенной формы. Глиняные слезные урны выкопаны в с. Звенигороде на Днестре. В с. Жабинцах Чортковского уезда отрыты разные орудия и сосуды языческих времен. Бронзовые мечи, жертвенные ножи, дротики и др. орудия из доисторической эпохи выкопаны в с. Баличах Стрыйского уезда и в м. Залозцах Золочевского уезда. Серебряные нашейники найдены в м. Олеске того же уезда. Серебряные браслеты выкопаны в с. Сидорове Чортковского уезда. Два золотых перстня выкопаны в с. Звенигороде, прежней столице княжества, около Львова; также старинные серьги и перстни вырыты в г. Теребовле Тернопольского уезда. Эти вещи находятся в библиотеке Оссолинского музея во Львове (см. *Przewodnik wystawy starożytniczej Lwowskiej urządzonj przez zakład narodowy imienia Ossolinskich w. r. 1861*, стр. 28 и след.).

Должно надеяться, что при усердных и всесторонних поисках найдутся в этих местностях еще многие, хотя полуистлевшие памятники древнего быта. Теперь перечислим места, на которых преимущественно следовало бы делать поиски за древностями, и укажем на некоторые известные курганы, называемые в Галичине *могилами*, чтобы обратить на них внимание будущего исследователя. Таковы *Могилка* к востоку от г. Дрогобичи, могила к югу от села Горыглады, могилы возле г. Тисменицы, большие могилы возле Галича, между которыми должна быть известная *Галичина могила*, на которую галичский боярин Илья Щепанович вывел князя Пересопницкого и, осклабясь, сказал: «Княже, уже еси на *Галичини могиле* посидел, тако и в Галиче княжил еси» (Ипат. лет., стр. 157); могилы возле м. Глинян, могилы возле Зборова, Обертина, могила в Годовице, *Турецкая могила* в с. Речичанах, могилы в Вишневе и Черемхове, *могилка* в с. Загорье, *могилка* в с. Белой, могила в Подлисью, *Панская могила* в Червоногороде, *Поповая могила* близ впадения р. Стрыпы в Днестр, *Дуплавая могила* возле м. Устьечка; *Розбитая могила* возле с. Коцюбинчики, две могилы в с. Беремянах (о которых упомянуто выше), *могилка* в Суходолах, *могилка* в Яксманичах, могила в с. Павлове, большое количество могил в Плеснеске возле Подгорец

(около 80 больших и меньших курганов), *Печенежская могила* возле с. Печенея, *Сенаторская могила* в с. Полюхове, *Коцурова могила* возле с. Жолтанцы, могила возле Банюнина, Поздмирская могила возле Поздмир, *курганы* у с. Щенятина, наконец, могилы возле г. Сочавы и возле с. Собранец на Буковине и пр. Во многих местностях находится большое количество курганов: напр., в одной местности за Днестром, между речками Свечей и Сивкой, Червинский насчитал на пространстве двух миль больше ста курганов, и в самой его деревне находилось их девять (См. Okolica Za-Dniestrzka medzy Stryjem i Lomnica p. Jgn. Lubick Czerwinskiego. Lwow 1817, стр. 26). В Крилосе находятся тройные валы, поросшие лесом и кустарниками, окружавшие прежнюю столицу галицких митрополитов; в Золочевском уезде видны следы длинного вала, тянувшегося между верховьями р. Стыра и Иквы. Все эти курганы, могилы, насыпи, валы и пр. ожидают ученого исследования археологов и, конечно, в свое время приведут к замечательным открытиям частностей, которые, будучи подведены к общему знаменателю, дадут зрелые плоды для науки.

Теперь обратим внимание на второй период, именно период славяно-русский в Галичине.

Вся Подкарпатская страна и Карпатское погорье заселены были с доисторических времен племенами славянскими. Отсюда, вероятно, вышли сербы и хорваты, а может быть, и чехи и заселили ныне занимаемые ими земли; здесь полагал еще Нестор хорватов, а в соседстве с ними другие славянские племена: бужан, дулебов, древлян, тиверцев, угличей. С самого основания Русского государства владели всей этой землей русские князья Рюрикова племени; они завели здесь русское управление и русский гражданский быт. В то время, когда в Москве, составляющей ныне первый город в России, насквозь русский, насквозь славянский, князь Юрий Владимирович (1147 г.) давал пир на весь мир и водворял русских жителей, а кругом на всем пространстве жили еще инородцы, среди которых только что водворялась русская жизнь, как теперь, если позволительно сравнить, на Амуре, - в это время в нашем Перемышле и Ярославле, в нашей Теребовли, в наших городах Галиче, Бельзе, Бужске, Звенигороде и др. давно уже кипела русская жизнь, процветала русская гражданственность и развивалась русская культура.

Здесь, по сказаниям летописей, прославились имена знаменитых в истории Володаря, Владимирка и Василька; здесь было главное поприще деятельности Романа, Даниила, Льва. Здесь, в Галичском замке, высоко сидел Ярослав Осмомысл на своем златокованном столе, подперши своими железными полками горы Угорские (до сих пор виднеющиеся в синих облаках из развалин Галичской крепо-

сти); отсюда затворял он врата Дунаю, суды рядил до Дуная и стрелял *с отня злата стола салтаны за землями*. Здесь Роман Мстиславич принимал греческого императора и с гордой осанкой указывал папским послам на свой меч при бедре, которым он побеждал своих врагов. Отсюда, наконец, выплыло вдоль по Днестру на тысяче ладьях русское воинство, столь храбро сражавшееся вместе с своим юным князем Даниилом в несчастной битве при Калке. Словом, здесь была вполне расцветшая русская жизнь могущественного Русского государства. Вся Подкарпатская страна – столько же русская, как и смежный с ней юго-западный край, тот же самый народ тут и там, те же русские князья владели землей и упрочили в ней русский элемент, не погибший и до сих пор.

Но спросите, мм. гг., что осталось от этого блистательного периода древнерусской Галичины? Ответ: решительно ничего!.. Нет ни одного монументального памятника, ни одного здания, ни одной церкви, ни одного монастыря, вполне уцелевших, ни одной церковной утвари, ни одного куса древнего оружия или убранства; нет и следа золотого престола Ярославова, или меча Романова, или дорогого прибора Даниилова, которому удивлялись *немцы*¹; не осталось ни одного слитка, ни одной гривны могучих галичских князей, владевших землей около 500 лет! Все лежит в развалинах; все достояние князей наших расхищено, растеряно, попрано, погублено – и ныне, стоя на жалких развалинах древних русских городов, можно выразить всю суть долголетней истории страны, повторив с певцом Игоря: «Тут кровавого вина недостало, тут пир докончали храбрые русины, сватов своих попоили и сами полегли за землю Русскую!..».

Однако же спрашивается, неужели вовсе нет предметов для исследования русского археолога, если не уцелело ни одного вещественного памятника в этой искони русской стране?.. Неужели из развалин старинных церквей и замков нельзя составить ничего научного для изъяснения древнего зодчества? Ужели не найдутся

¹ Приведем здесь слова летописи: «Данило же приде къ нему (королю Угорскому), исполчи вся вои своѣ... бѣша бо кони въ личинахъ и в коярѣхъ кожаныхъ, и людье во ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася. Самъ же (кн. Даниил) ѣха подлѣ короля, по обычаю руску: бѣ бо конь подъ нимъ дивленію подобень, и сѣдло отъ злата жъжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена, иными хитростями, якоже дивитися, кожоухъ же оловира грецького и круживы златыми плоскими ошить, и сапози зеленого хѣза шити золотомъ. *Немцемъ* же зрящимъ, мною *дивящимся*, рече ему король: не взялъ быхъ тысящѣ серебра за то, оже еси пришесть *обычаемъ руским* отцевъ своихъ». Ипат. лет., стр. 187.

еще под щебнем разрушенных стен или в курганах и могилах хотя обломки оружия, древней сбруи и других принадлежностей русских защитников своей страны со времен самостоятельности и славы галичско-русских княжеств? Ужели не найдется ни одна гривна из тех многих гривен, слитых щедрым князем Владимиром Васильковичем и пред смертью им розданных своим подданным, не отыщутся хотя отрывки Евангелия, писанного этим благочестивым князем и подаренного им в Перемышльскую епископскую церковь? Неужели не осталось хоть чего-нибудь от икон, церковной утвари и других драгоценных вещей, которыми этот князь снабжал церкви? Не сохранились ли где-нибудь древние пергаментные рукописи в стране, в которой еще в XVI в. существовало известное Крылосское Евангелие (1143 г.), будущее ныне украшением Синодальной библиотеки?..

Будем надеяться, что найдутся еще важные памятники, свидетельствующие, хотя обломками, о прежней славе русского имени во всей Подкарпатской стране. Надо только приняться за всестороннее их исследование по всем направлениям, преимущественно в местностях, отмеченных в истории, которые, так сказать, сами призывают к себе археолога. Надо поощрить и поддержать галицких ученых и любителей старины, чтобы всякий из них и все вместе действовали и старались отыскивать и приводить в известность всякие археологические предметы.

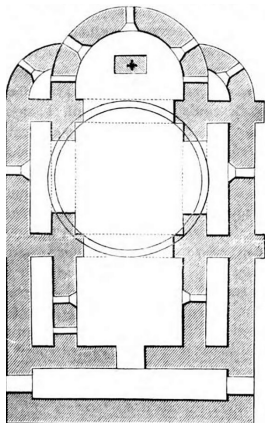
До сих пор остались древние галичско-русские города и местечки, и большая часть местностей и рек, упоминаемых в летописях, сохранила, по преданию верного своей народности люда, старорусские названия. Но многие города, как, напр., Плеснеск, совсем опустели: остались только громадные валы и поросшие лесом курганы. Звенигород, лишенный своего значения, превратился в деревню; другие же обращены в жалкие жидовские местечки: Боберка, Бельз, Бужск, Вишня, Галич, городок Збараж, Зудечев, Любачев, Теревовль, Щирец и пр.; иные еще и до сих пор сохранили значение городов, но, заселенные иноземцами, приняли совсем новый вид, как, напр., Броды, Коломня, Львов, Перемышль, Самбор, Санок, Ярославль; даже село Синеводско, где останавливался кн. Даниил Романович в Богородичном монастыре, существует до сих пор. В нынешнем Вышнем Синеводске находится на горе, среди земляных валов, приходская Богородичная церковь. Невдалеке от нее — урочище *Колодка*, это горное ущелье, в котором могли князья галицкие препятствовать переходу через Карпатские перевалы из Угорщины (Венгрии) — *затворять королеве путь*. Выше этой местности, возле горного местечка Сколье, есть урочище *Святославье*, о котором живет предание, что здесь убит князь Святославчик (т. е. по приказу

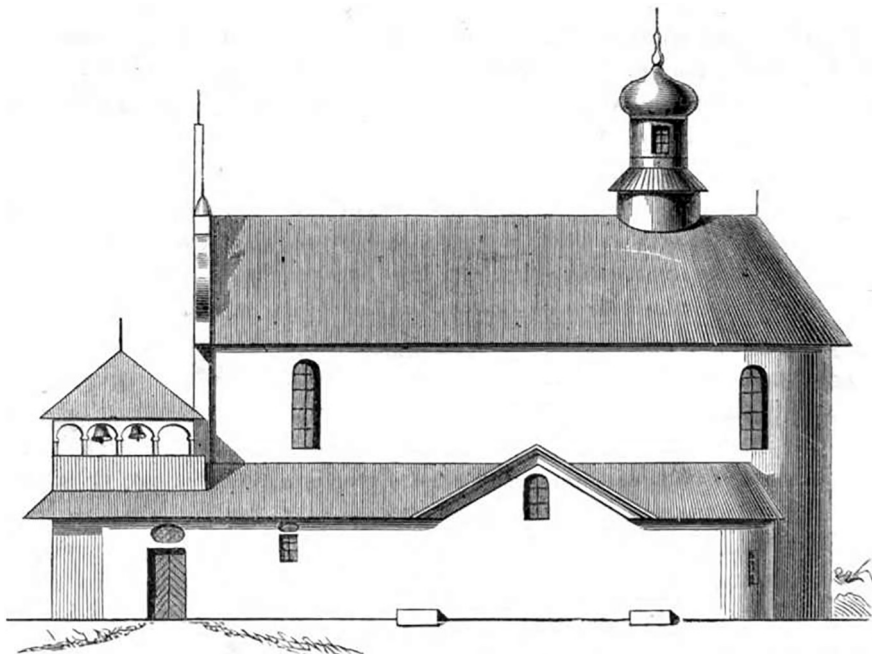
Святополка убили бежавшего в Угры Святослава, о чем упоминает и Лавр. лет. под 1015 г., стр. 60).

Рассмотрим еще некоторые, лучше уцелевшие, памятники русских древностей в Галичине. В г. Галиче, прежней столице могущественного княжества, сохранились стены древнее *Богородичной церкви*, которой построение, по сказаниям летописей и другим соображениям, надлежит отнести к XII столетию. Это единственный памятник древнерусского церковного зодчества, это та самая церковь, в которой погребен был в 1187 г. Ярослав Осмомысл, а в 1205 г. похоронено тело кн. Романа Мстиславича, убитого под Завихвостом. В этом храме (в 1208 г.) посажен быть кн. Даниил Романович на престол отца своего (Ипат. лет., с. 158), и затем (1235 г.), после временных смут, он опять воссел на тот же престол. В последствии времени эта церковь подверглась ужасному разорению. В 1221 г. Фильний, воевода мадыарского короля Коломана, построил на ее сводах засеку (град) и защищался против пришедшего на помощь русским князя новгородского Мстислава Храброго, поразившего совершенно поляков и мадыар и выручившего русскую столицу из рук иноплеменников. Несмотря на такое опустошение и последовавшее затем разорительное нашествие Батыея, от этой церкви остались еще столь крепкие стены, что в 1255 г. кн. Изяслав Владимирович мог защищаться на ее комарах против осаждавшего его кн. Романа Даниловича. И эти крепкие стены и своды сохранились до сих пор. А. Петрушевич написал обстоятельное описание галичской Богородичной церкви, напечатанное в «Галичском историческом сборнике», изд. во Львове 1853 г.; а для любопытных мы прилагаем план и виды церкви в ее нынешнем состоянии.

Одна эта церковь и осталась в Галиче; но где стояли другие церкви и монастыри, где стояла церковь Св. Иоанна, где была Спасская часовня, выходя из которой кн. Владимирко Василькович умер от удара, вовсе неизвестно.

Другие памятники древнего зодчества и иные монументальные древности уничтожены временем или разорены неприятелями в пе-

приод 500-летнего владычества поляков. Здесь надлежит заметить, что в Галичине раньше началось угнетение русского элемента, чем в смежных областях, доставшихся литовским князьям, и польское иго сильнее давило галичан. Король польский, именовавшийся господарем и наследственным владетелем Руси (*dominus et haeres Russiae*), распоряжался бесцеремонно в Галичине, тогда как в литовско-русских землях он должен был соблюдать условные законы. Поэтому еще в XIV в. Казимир, завладевший Галичиной, угрожал константинопольскому патриарху, что если патриарх не поставит галицким епископом Антония, то он, Казимир, крестит Русь в латинскую веру. Ягайло подчинил русские православные церкви львовскому латинскому арцыепископу. Впоследствии Львовская русская епархия, управляемая наместниками, почти двести лет не имела у себя законного святителя и только с большими пожертвованиями приобрела себе православного епископа. В XV ст. польские короли поручили управление области известным фамилиям Одровонжов, Бучацких, Ходечов, которые управляли самовластно так называемым Воеводством Русским. Из фамилии Одровонжов были воеводами Петр, а с 1450 г. — его сын Андрей, и современно с ними двое других из той же фамилии занимали высшие степени латинской иерархии: Иоанн был архиепископом Львовским, Николай — епископом Перемышль-

ским. В это время соборная церковь Св. Иоанна в Перемышле была разграблена поляками, и кости почивающих там князей и епископов выброшены вон, а из твердого материала ее епископ Николай построил свой кафедральный костел. Деспотическое правление фамилии Одровонжов довело русских до крайности; они умоляли короля, чтобы он освободил их от власти Одровонжов. После того староста галицкий Станислав из Ходеч отдал Галицкую епархию мирскому человеку Роману из Осталович, который не только управлял Крилосским монастырем и принадлежащими ему имениями, но присвоил себе и судебную власть над православным духовенством русским, собирал со священников подати, решал брачные споры и даже расторгал супружества, самовластно позволяя разведенным вступать в новый брак. Польские паны прикрепляли к земле русских православных священников вместе с крестьянами и обременяли их тяжелыми налогами. Короли отнимали у русских владельцев земли и отдавали их полякам; мещане и свободные люди, бортники, дьяки превращаемы были в крепостных крестьян, причем помещики старались захватить древние привилегии и льготные грамоты в свои руки и уничтожали их. В городах были поселены жида и немцы с нарушением прав природных жителей; помещики заводили монополию в своих имениях и принуждали крестьян покупать соль, хлеб, напитки, сельди и др. вещи исключительно в своих местечках. Православные лишены были всяких прав и преимуществ и отданы на произвол помещика или его арендатора-поляка, или жида. При этих и других невыносимых угнетениях страна, терзаемая постоянными нападениями татар, турок и других неприятелей, доведена была до совершенного обеднения.

По этой причине нечего и удивляться, что в Галичине так мало сохранилось предметов, любопытных для русского археолога. Тем не менее следует посетить эту историческую страну, подробно исследовать, привести в общую известность сохранившиеся в ней памятники и дать толчок новым всесторонним поискам.

Упомянем еще о некоторых древних русских церквях и монастырях, ныне уничтоженных. Возле Галича, за р. Луквой, был православный монастырь Св. Пантелеймона. Созданный князьями галицкими из твердого материала, но разоренный Батыем, он стоял 180 лет в запустении. Тогда король Ягайло подарил развалины францисканским монахам, которые в них отстроили себе кляштор и костел, существующие до сих пор. Говорят, что уже в тридцатых годах приор францисканцев приказал все русские надписи, находящиеся на стенах здания, вырубить, чтобы не осталось и памяти о бывшей тут рус-

ской церкви¹. В Перемышле епископский собор разорен поляками (как выше сказано), и из материала его латинский епископ построил свой кафедральный костел. Местное предание гласит, что фанатические католики возили каждый камень на р. Сяну и обмывали его от схизматической ереси. В Лаврове в 1767 году, после пожара в тамошнем деревянном монастыре, открыта часовня, в которой нашлись в подземной каменной могиле две гробницы, обложенные толстыми серебряными плитами и украшенные искусной резьбой. На одной из них было вырезано имя *Льва* (кн. Льва Даниловича); но игумен Поликарп Волянский, вероятно, боясь, чтобы тогдашнее польское начальство не присвоило себе открытых сокровищ, приказал тайно переплавить серебро и употребил его на обновление монастыря и церкви². Другой древний монастырь, Преображенский, был в местности Самборского уезда «Спас». Стебельский (*Genealogia Ostrogskich*, стр. 44) утверждает, что будто в этом монастыре постригся и умер князь Лев Данилович. В библиотеке Перемышльского русского собора находится пергаментное Евангелие, подаренное (по записке, на нем сделанной) Спасскому монастырю. Этот монастырь со многими другими (равно как и последний православный Скитский монастырь в Маняве) упразднен австрийским правительством в 1786 году, и в его стенах помещена Гвоздецкая казенная управа. Древняя монастырская церковь, лишенная церковной утвари, существовала до 1816 г., в котором по приказанию местной администрации и была разрушена. Напрасно умолял перемышльский епископ Иоанн Снегурский австрийское правительство о сохранении этого великолепного памятника древнего зодчества; пока пришло из Вены разрешение оставить нетронутым старинное здание, проворные чиновники государственных имуществ с вандальской беспощадностью разрушили церковь и из камней и хорошего кирпича успели построить себе дома и хозяйственные здания. Одна только башня, воспротивившаяся крепостью стен своим разрушительному железу, свидетельствует ныне развалинами своими о месте древней церкви (Зоря Галицкая, 1854 г., стр. 88).

Русских монастырей было много в Галичине. Автор статьи «Погляд на монастыри и русское монашество» (см. Шематизм чина св. Василия В. в Галиции, Львов, 1867 г.) насчитал в Львовской епархии 130, в Перемышльский 106 мужских, в обеих епархиях 36 женских

¹ Об этом рассказывал мне покойный священник Иосиф Левицкий, сын Петра, брата покойного митрополита Михаила Левицкого, бывшего приходским священником в Залукве.

² Денис Зубрицкий. Критич.-историч. повествование о Черв. Руси. Москва, 1845 г., стр. 63.

бывших монастырей (в Угорской Руси было их всего 24), в Буковине 23 православных монастыря, итого 295 монастырей. Из этого числа осталось ныне во всей Галичине 14 мужских монастырей, 2 женских, в Угорщине 7, а в Буковине только 3 православных монастыря. Известно, что в монастырях хранились иконы, церковная утварь древней работы, старинные рукописи и проч. древности; после упразднения их эти вещи были продаваемы и доставались окрестным церквам. По этой причине надлежало бы расспрашивать о них по близким приходским церквам, и должно надеяться, что в них многое сбережено из прежних монастырей.

В девяностых годах прошлого столетия австрийское правительство приказало отобрать у церквей всю золотую и серебряную церковную утварь на государственные потребности тогдашнего военного времени, вознаграждая церкви за золото и серебро бумагами - процентными облигациями; и немецкие чиновники, увлеченные австрийским патриотизмом, брали без разбора церковные сосуды древней работы, беспощадно их ломали на сплав и отдавали в казну¹. Итак, ни татары, ни ляхи, ни немцы не щадили русских древностей; что сохранилось от хищничества татар, алчности поляков и фанатизма католиков, то заграбила и уничтожила австрийская администрация!..

Тогда как в центре прежнего Галичского княжества истреблены почти все древние и даже старинные памятники, надлежит подробно обозреть соседнюю Буковину, которая хотя не однажды разоряема была турками, татарами и ляхами, но не испытала тяжкого ига польско-католического и сохраняла, пользуясь большей самостоятельностью, свой древний быт, свой русский язык и православие. Плодородная Буковина по самому своему местоположению на восточной покатости живописных Карпат с древних времен привлекала к себе русских князей, стремившихся к Дунаю и Черному морю. Галичские князья владели этой землей и всей Молдавией до Дуная (Ярослав Осмомысл затворял Дунаю ворота, суды рядил до Дуная). По прекращении династии Романовичей и завладении Галича поляками эта юго-восточная область Галичского княжества примкнула к румынам, и в союзе с ними и с помощью их установилось с половины XIV века русско-румынское государство, похожее на русско-литовские княжества Гедиминовичей. И эта страна - древнее достояние святой Руси, временно прикрытая чужестранной плесенью, в археологическом отношении еще вовсе не тронута и не исследована, скрывая в себе многие памятники русской старины. Буковина -

¹Ein Wort an die Zeit, von einem Russinen. Jordan's Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst u. Wissenschaft. Leipzig, 1846.

это основа Молдавского господарства, которого начало совпадает с падением самостоятельности Галицкого княжества. Неосновательно жалуются молдавские историки на скудость документов, оставшихся от первых времен их государства. Они искали их в Нижней Молдавии, а не в Буковине, первом селище румынских господарей. Они пренебрегали древними, на русском языке писанными грамотами и другими актами, пополняя недостаточные и неопределенные данные первоначальной своей истории извлечениями из скудных и притом малонадежных упоминаний мадьярских и польских летописцев. От ложного воззрения на историю произошли смешение данных, касающихся молдавских владений, с валашскими, запутанность в хронологии и неопределенность сказаний о начале и устройстве земли. Первая летопись Молдавской земли, бесспорно, писана была на русском языке, и почти все старинные грамоты молдавских господарей писаны на том же русском языке, на коем писались и грамоты Гедиминовичей в Литве. В Буковине существуют еще до сих пор православные монастыри и церкви, учреждённые и созданные первыми господарями Молдавии. Многочисленные надгробные камни с русскими надписями указывают места, где покоится прах первых князей и княгинь молдавских. Живое предание, подтверждаемое учредительными грамотами, свидетельствует, что воевода Богдан Драгош, вышедший из Марамороша в Угорщине и перешедший горы между верховьями Тисы и Молдавицы, поселился в прекрасной долине при реке Фурмосе (Formosa) и создал церковь в с. Воловец, где и почивают Драгошевы кости (Грам. 24 июля 1428 г.). На месте деревянной церкви, построенной Драгошем, господарь Стефан Великий соорудил нынешнюю церковь из твердого материала. Деревянная же церковь, древнейшая во всей стране, перенесена в пустынный монастырь *Путна* и существует до сих пор. В том же монастыре Путне, обведенном крепостными стенами, стоит церковь, извне и внутри украшенная иконами замечательной живописи: в ней, в каменном гробе, покоится тело Стефана Великого (†1492 г.), его супруги Марии и сыновей Петра и Богдана (1517 г.). Надписи на каменных гробницах, покрытых багряными, вышитыми золотом покрывами, все на русском языке. В монастыре находятся многие старинные рукописи, между которыми несколько пергаментных Евангелий, писанных рукой господаря Стефана Великого. Замечательна также за притоком Путной песчаная скала с иссеченной пещерой, в которой жил во время Стефана Великого отшельник Даниил. Из Путнянского монастыря вышло 16 иеромонахов, занимавших потом кафедру Молдавской митрополии¹.

¹ См. Die Bukowina im Königr. Galizien von Theophil Bendella, Rector am

На расстоянии 14 верст от Путны находится другой, не менее замечательный православный монастырь в *Сучавице*, лежащий в долине между горами над притоком Сучавицей. В его каменной церкви сохранились гробницы учредителя монастыря воеводы Иеремии Могилы (с русской надписью 1613 г.) и его княжеской фамилии. У паникадила в церкви висят волосы супруги Иеремии Могилы, которая, попавшись в плен к туркам, обрезала свои косы и переслала их в монастырь, чтобы в нем отправлялся молебен за спасение ее души. В приделе церкви достопримечательны два стеклянных шкафа, из которых в одном хранится драгоценная плащаница, а в другом находятся портреты всей фамилии Могилов, из которой происходил и славный киевский митрополит Петр Могила, племянник господаря Иеремии. Портреты в старинных живописных костюмах так превосходно вышиты шелком на красном бархате, что и искуснейший живописец не мог бы лучше изобразить их своей кистью. Каждая картина представляется как бы отлитой, и только при внимательном рассмотрении можно увидеть, что она вышита¹. Сверх того, картины обложены драгоценными камнями: аметистами, смарагдами, рубинами и множеством настоящего восточного бисера. В библиотеке монастырской хранятся древние рукописи; между ними замечательна рукопись XVI века - «Цароставник, или Летопись сербского архиепископа Даниила», современная копия с которой хранится в университетской библиотеке во Львове.

Не менее важна для осмотра церковь в местечке *Радовцах* (Radautz), в которой был до 1786 года епископский православный собор. В нынешней приходской церкви, прежнем соборе, замечательны надгробные монументы предков господаря и воеводы Стефана Великого. Затем достойны посещения православный монастырь в *Драгомирне*, особенно же город Сочава, или *Сучава*, прежняя столица господарей и митрополитов молдавских; в этом городе когда-то было 40 православных церквей (ныне их только 5). В Сучаве замечательны митрополичья церковь, развалины воеводского замка и другие здания. Митрополит Сучавский долгое время посвящал и определял священников в епархию Галичскую, после того как в ней упразднена была поляками епископская кафедра. Повидимому, в Буковине должно найтись много памятников старины, спасенных из Галича. Как в Литве, так и здесь, в Молдавии, долгое время удерживался русский язык в правительственной переписке и дипломатических сношениях; в церкви же употреблялся славян-

bischöflichen Seminarium in Czernovitz, mit sechs Lithographien, an Original-Zeichnungen v. J. Schubirsz. Wien, 1845, стр. 28 и след.

¹ Bucovina, von Th. Bendella, стр. 29.

ский язык. По этой причине и осталось много грамот и других актов, писанных на русском языке. Грамоты хранятся в правительственном архиве в Черновцах; из них сделал выбор Викенгаузер и напечатал в немецком переводе целый том¹. Мне удалось получить несколько грамот в подлиннике от частных владельцев; они сообщены мною в верных копиях академику А.Ф. Бычкову.

Следовало бы сделать ученые поиски во всех монастырях, существующих и упраздненных, и собрать описания, снимки и копии со всех достопримечательностей, надгробных камней, портретов, икон, церковной утвари и проч. Молдавские господа щедро наделяли монастыри и церкви, и до сих пор почти две трети поместий в Буковине принадлежат Православному церковному фонду. Каждая фамилия господарей, владевших Молдавией, строила монастырь, в котором и покоится прах господарей и их семейств; над гробницами их постоянно теплится лампада, а в урочные дни отправляются службы о упокоении благочестивых учредителей. Во многих церквях Буковины, в которых вывелось богослужение славянское и заменено румынским, находятся рукописные и старопечатные книги, которые без труда отдаются требующему. Что касается стиля церковных и других зданий, то он не старше XV века; между тем надлежало бы и в этом отношении точнее исследовать страну для соображения, насколько сохранился в ее постройках византийский или подновленный русский стиль, или же из того и другого образовался какой-нибудь сложный стиль.

Не менее важно и полезно было бы посетить в Буковине селения русских старообрядцев и беспоповцев в Климовцах, Белокринице и Драгомирне и осмотреть в их церквях иконы и церковную утварь. Для археолога здесь важны древние иконы в драгоценных старинных окладах, старинная церковная утварь, разные орнаменты, старопечатные книги и рукописи, наконец, русский быт со всей его обстановкой, сохранившийся у этих переселенцев из великорусских губерний. Вот чем может Буковина подарить русского путешественника!

Так как в Галичине не осталось ни одной из древних русских церквей, сохранившей в целости прежний византийский или византийско-русский стиль в плане, постройке и орнаментах, то следует нам обратить внимание на позднее развившийся стиль церковного зодчества, который преимущественно обнаружился в постройке деревянных церквей. Под влиянием неизвестных нам образцов

¹ См. *Moldawa oder Beiträge zu einem Urkundenbuche für die Moldau und Bukowina*, von Fr. Wickenhauser. I. Abth. Urkunden und Inschriften der Klöster in der Bukowina. Wien, 1860.

с течением времени образовался особого рода стиль церковного зодчества, который водворился в Галичине и стал традиционным достоянием русского народа. План или основа церкви крестообразна, строится ли она с пятью или только тремя куполами, из которых средний всегда шире и выше крайних. Способ возведения из бревен восьмиугольного купола (восьмёрки) в шаровидной или грушеобразной форме, иногда приближающейся к пирамидальному виду, с своими особыми *луками, причёлками, подстрешинами, столбцами, банями, арками, голосниками*¹ и прочими принадлежностями, - все это стало столь естественно для русского человека, что нынешние церкви большего и меньшего размера строятся даже безграмотными крестьянами, которые являются в этом случае искусными плотниками, получившими свои сведения, по преданию, от своих предков. Церковный стиль в Галичине так типичен, что в любой деревне по первому взгляду можно отличить русскую церковь от латинского костела. По этой причине ненавистники русской народности и противодействуют строению церквей в так называемом русском стиле, а Голуховский даже приказывал инженерам, чтобы они при постройке новых церквей, отстраняя русский обычай, чертили для них планы по образцу римско-католических костелов. Видно, эти церкви, будучи заветом древнего православия, остаются залогом и ругательством восстановления его в Галичине.

Церкви этого рода - все деревянные. В странах на Карпатском погорье, где удобнее получить хороший материал, строят церкви из еловых бревен, в лесистых областях Северной Галичины - из сосновых, местами из дубовых брусьев. Бревна бывают или целые (*цевки, обловое дерево*), или тесаные (*протесы*), но всего чаще разрезанные пополам (*пленицы*) или на несколько брусьев (*брусы*). Основа церкви, как сказано, представляет четырехраменный крест. Если церковь по плану должна быть пятиглавая (*основана на пять бань*), то она в основании своем представляет крест из четырех равных рамен, если же трехглавая, то два побочных рамена *замыкаются*, т. е. ограничиваются небольшими выступлениями *в причелках* без верхних куполов (*баней*). Строение закладывается или на каменной подкладке, или на толстых дубовых бревнах (*подвалинах*); затем *засновывают* всю церковь, полагая *пленицы* или брусья один на другой и спаивая их плотно по углам в *карбы* или *замки*, особого рода зарубы. *Протесы* обыкновенно обтесываются топором или *бардой* до *шимиги* и выглаживаются стругом, кладутся наружу круглой стороной (*облом*,

¹ Мы нарочно приводим технические термины местных жителей, чтобы доказать, как крепко этот род зодчества утвердился в русском народе в Галичине.

виблом) и сбиваются деревянными гвоздями (*дыблями*). Основанное таким образом здание называется *зруб* или *струб*. Подвысив этот *зруб* аршина на два, оставляют извне по всем углам концы бревен постепенно до двух аршин (*припускают острубины*), затем следующие вверх бревна опять сокращают (*закрывают углы*). На этих *припусках* навешивается крыша (*подстрешье, поддашье*), прикрывающая всю заснову кругом церкви. Иногда в больших церквях окружается церковное *поддашье* деревянной решеткой или низким забором, из которого выступающие (*от пресла до пресла*) столбики с прикрепленными к ним арками поддерживают крышу. Такие же арки, у которых один средний между двумя столбиками урезан и соединяет желудеобразным окончанием две висящие на нем арки, делают на *комарах*, т. е. верхних галереях, кругом внешних стен церковных; подобные арки строят и у колоколен, и тогда эти лукообразные окошки называются *голосниками*. *Струб* подносится выше уровня крыши (*подстрешья*) прямо вверх, но внутри церковь разделяется на арках *вязанными* бревнами на три части: алтарь (*пресвитерия*), середину церкви (*мужчинник*) и придверную часть (*женочник, бабинец или бабник*). На предалтарной стене *струба* помещается *иконостас* или *деисус* с *наместными* образами, *царскими* и *дьяконскими вратами*, на противоположной арке прикрепляют иногда хоры для певцов. В этой полосе стен оставляется *светло* для окошек. Выше окон опять делают небольшой *припуск* в виде гзимса, покрываемого извне гонтами, затем образуют *заломы* и *причелки*, суживают *острубины* и закладывают *столец* или основание для *восьмерки*, которую, подведя немного вверх, суживают по мере того, хотят ли устроить купол (*баню*) в виде полушара или грушеобразный, более или менее расширенный, или же вовсе похожий на пирамиду. Не доводя купол до полного *засклепления*, ставят дощатый *столец*, на котором вколачивают отвесные столбики для *светильницы* или *лихтарни*, со *светлыми* окнами или *слепыми*, которые опять покрываются макушкой, *банькой*, т. е. стропилами из брусьев, вырезанными в сердцевидной форме и покрываемыми обыкновенно блестящей бляхой. На верхушке маковки ставится дубовый кол, в который водружают железный, нередко раззолоченный крест.

Крест бывает четырехконечный, шестиконечный, семиконечный, даже восьмиконечный, а если сосчитать все *перекрестья, промени*, лучи и другие прибавки, то выйдет иногда десять, двенадцать и больше концов. Его вбивают в золоченый шар; под крестом обыкновенно виднеется золоченая луна с обращенными вверх рогами. Крест водружается с большим торжеством, и тот из мастеров-строителей, который закладывает крест, должен исповедаться и причаститься,

одевшись непременно в новую белую рубашку. По народному преданию, крест поднимать на веревке нельзя (*не годится*), а к тому делу надо взять *полсоток* нового полотна, которым привязывают крест и тянут вверх. Крыши церквей покрывают обыкновенно сосновыми или еловыми гонтами; нередко и внешние стены верхней части церкви *обшиваются* гонтами, причем концы гонт прикрашивают нарезками (зубцами).

Такие церкви строятся ныне во всей Галичине, и в них, очевидно, сохраняется старинный церковностроительный стиль, который, кажется, восходит к отдаленной древности. Церковностроительный стиль столь оригинален, что деревянные церкви Венгерской Руси обратили даже внимание инородцев. Епископ Гаазе посвятил целую статью исследованию о русских церквях в Северо-Западной Угорщине (Венгрии) и напечатал свой ученый труд в издании Венского археологического общества: «Die Baudenkmälers des Mittelalters» 1867 года. Впрочем, надо заметить, что в стиле деревянных русских церквей и орнаментов между галицкими и угорскими большая разница, и любопытно было бы сравнить оба стиля.

Везде свой обычай и свое местное предание. Позвольте, мм. гг., в этом отношении верить в силу и незыблемость народного предания. Если гоцулы в Карпатских горах до сих пор выделывают медные топорики и посохи, совершенно похожие на курганные, если на шеях у гоцулов находим такие же ожерелья из спирально-крученой медной проволоки и почти такие же медные запонки и побрякушки (лелетки), какие встречаются при курганных раскопках в Литве и Южной Руси, то легко могло стать, что силой той же незыблемой традиции сохраняется и старинный стиль церковных строений и орнаментов.

В подтверждение этого положения предлагаем здесь изображение монастырских церквей Креховской обители XVII века. Оно представляет почти все оттенки ныне еще употребительного способа строить церкви. В этом самом монастыре, находящемся в с. Крехове Жолковского уезда, хранится старинная деревянная таблица с изображением монастыря. В 1852 году, будучи управителем Львовской Ставропигийской типографии, я, получив эту таблицу, приказал сделать с нее щеточный оттиск, здесь прилагаемый (см. табл. XII). Он представляет настоящий вид Креховского православного монастыря 1699 года, изображенного иеромонахом обители Дионисием Сенкевичем, бывшим после игуменом львовского Свято-Георгиевского монастыря. Картина о. Дионисия представляет в птичьем проспекте целую обитель внутри и вне крепостных стен, со всеми церквями, зданиями, часовнями и хозяйственными строе-

ниями, довольно искусно и отчетливо изображенную. Она дает нам образец церковных строений и образец православного монастыря и монастырского хозяйства того времени в Галичине. По сторонам картины о. Дионисий вырезал объяснение всех подробностей и, так сказать, начертал краткую летопись Креховской обители. Разберем эти интересные приписки. С левой стороны от востока представляется нам вверху:

- а) «Церковь в лесу на скале Св. апостолов Петра и Павла»;
- б) «Благовещение пр. Богородицы в скале» (часовня); ниже
- в) «Крест в лесу» с надписью:

«Аще кто до Львова пытае,
Ото в лево дорогу мае»;

г) «Печара в скале». Возле пещеры шла лесом тропинка и лестница вверх к ограде церковной и церкви Св. Петра и Павла. Ныне нет ни церкви, ни часовни, ни креста, ни лестницы - показывают только места, где это все находилось, а в провале есть скала и в ней небольшая иссеченная пещера. Это та самая пещера, которую, по преданию, основатель обители Иоил вместе с другим братом выкопал и в ней жил, пока не построили монастырь. На правой стороне картины с запада, вверху, изображена вторая застенная церковь с какими-то строениями, а ниже ее - рыбий пруд. Теперь ни церкви, ни строений, ни пруда нет. Перейдем теперь к рассмотрению самого монастыря. В середине картины нарисована обитель, кругом обведенная каменными стенами с бойницами и глубокими рвами, а по углам ее четыре крепкие башни. Объяснительные заметки о. Дионисия показывают с левой стороны внизу по буквам все строения подробно. Внутри крепостных стен стоит в середине к полуночной стороне:

- а) «Церковь соборная Преображения св. Спаса»; направо от нее:

б) «Св. Покрова, в ней же икона чудотворная Пр. Богородицы, о чем свидетельствует книжица: Новое Небо, чудов 29 о церквах ее»; затем влево к углу крепости;

- в) «Церковь Св. Троицы»; немного ниже:

- г) «Св. Николая»; направо к югу:

д) «Дзвонница и дзигарь» (колокольня и часы); налево в восточной стене крепости:

- е) «Брама» (ворота с башней и мост); опять в середине:

ж) «Кирица и великий дзвон (колодезь и большой колокол) над водой»; позади строений с западной стороны:

- з) «Поварня»; спереди ее:

- и) «Пекарня»; возле поварни при западной стене:

- к) «Полата»; у той же стены к югу:

- л) «Пивоварня»; напротив, у восточной стены:
- м) «Кравечня»; у северной стены:
- н) «Больница»; затем вне крепостных стен за большими воротами:
- о) «Брамка от поля», а возле нее:
- п) «Келия фортианова» (привратника); на ближайшей к тому башне:
- р) «Икона Преч. Богородицы на башне»; на западном углу:
- с) «Икона св. Николая на башне»; спереди, возле первой башни:
- т) «Поклонница»; от востока:
- у) «Фольварк» - мыза с хозяйственными строениями и огородом, обведенная забором или решеткой; возле огорода «студня» (колодезь), а выше - водопровод в крепость с надписью: «ту руры до монастыря»; наконец, в самом верху:

ф) «Видение над монастырем, егда бысть нахождение безбожных агарян, еже видеша многие христолюбцы; мерзкие же агаряне сие видевше зело уstraшены побегоша. Сия обитель донеле же начать созидатися, скитающу блаженному Иоилу, фундатору сея св. обители, на месте, идеже ныне обитель; а идеже поклонница пред монастырем, ту быше церковь мала св. Преображения Господня, ту приеде молитвы ради к блаженному некий богодухновенный старец Герасим, слеп очима, но светом небесным просвещен, пророчествуя, яко имать Господь Бог воздвигнута обитель велику на месте сем, в ней же спастися имут многие. Посем повел себе водити по месту, идеже обитель имать быти, показуя на места, идеже ныне церкви суть созданы, поведаше же и ударяя в землю жезлом, каков храм где имать быти». При этой записке прибавлен год и имя резчика: «~~А~~ХЧД Иеромонах Дионисий изобрази непременно».

Вот содержание замечательного эстампа, который представляет в изображении строений все роды деревянных церквей, до сих пор употребляемые. Эстамп и сам по себе интересен как памятник ксилографического искусства XVII в., произведенный русским человеком. (О. Дионисий рожден в местечке Роздол Стрыйского уезда, пострижен в Креховском монастыре, был после игуменом львовского Свято-Юрьевского монастыря и кафедральным визитатором монастырей. Он умер около 1730 г.)

В дополнение к рассказу о. Дионисия сообщаем некоторые подробности об этом монастыре. По преданию, блаженный Иоил вместе с другим монахом неизвестного имени прибыл, вероятно, из Киева в окрестности Крехова (около 1618 г.), где и поселился, ископав в горах «на камени», близ нынешней обители, пещеры. Но вскоре, желая пустынное житие заменить общежительным, бл. Иоил испросил

у гетмана коронного Станислава Жолкевского урочище и несколько земли под горой Побойной на построение монастыря, в котором и создал церковь Преображения Господня, а потом другую - во имя св. Николая. Испросив для основанного им монастыря благословение патриарха Константинопольского Кирилла и «привилей» Ставропигии (19 февраля 1628 г.), он написал схимнический устав для братии, собравшейся в обители. Подлинная рукопись Иоилева устава хранится в Креховской монастырской библиотеке. По кончине Иоила монастырь расширялся от подаяний, милостыни и пожертвований благочестивых людей, а чтобы обеспечить свои святыни от хищных нападений татар и других неприятелей, монахи обвели свою обитель глубоким рвом и крепостными стенами с бойницами, поставив четыре башни по углам и пятую у ворот. Король Михаил поощрял их в этом деле в грамоте своей от 16 октября 1669 г. Церковь Преображенскую расписывал (1659–1660) львовский живописец Николай, любимец короля Яна Собеского. В 1668 г. Иосиф Шумлянский приготавливался в этом монастыре иноческим искусом к принятию епископской митры. В 1672 г., когда казаки с помощью турок и татар воевали с поляками, польский гарнизон, скрывавшийся в монастыре, сделал вылазку и разбил подъезд татарский и казацкий. Вследствие этого гетман Петр Дорошенко, стоявший тогда лагерем под Львовом, написал к игумену упоминательное письмо с требованием уплаты за убытки для хана 4 000 талеров. Подлинное письмо находилось в библиотеке нынешнего Креховского монастыря, и я при посещении монастыря в 1833 году снял с него верную копию. Тогда я видел там также несколько татарских ярлыков. М. Б. Стенжинский в своем иллюстрированном издании «Описание Галиции» (Okolice Galicyi, Lwow, 1847), упоминая о письме Петра Дорошенко, пишет, что оно находится в монастыре в *копии на польском языке*; стало быть, подлинник его утрачен¹. Неизвестно, уплатил ли мона-

¹ Так как письмо Дорошенка, ныне может быть совсем утраченное, не было нигде напечатано, то мы сообщаем его здесь вполне, предполагая, что оно будет интересно для историков Малороссии.

«Петро Дорошенко гетман с войском казацким. Вам отцу игуменови со всей законной братией Креховскому, также всем забеганом в том монастыре находящимся, тым писанием нашим ознаймуем, иж дошла нас весть жалю, же вы оногдашного дня подъезд наш казацкий и татарский, с чаты идущих, которых с своего звычайу о зобрание товару, кинулися, згромили в не мало барзо поранили и побили, что аж нас и гана его милости вельми образило. Бо чим бы сте мели милосердия о захованье свое у нас и у гана его милости просити, то есте кровь пролили, чого ся не годило чинити, прето за такой ваш неприятельский поступок, абы сте знаючи гана, его милости и милосердия запобегаючи, зараз четыре тыся-

стырь требованную Дорошенком контрибуцию или нет, но угрозы его не исполнились: монастырь остался цел и невредим. Многочисленные поклонники стали приходить сюда на богомолье из близких и дальних стран, из-за Днестра, из Молдавии, даже из Греции. В Креховском помяннике записаны имена богомольцев *из Греции*, из такого-то острова в Греции и пр.¹

В 1698 году Петр Великий, возвращаясь из-за границы и пребывая в Жолкве и в м. Раве Русской, где он виделся с королем Августом II, посещал несколько раз уютный Креховский монастырь. Он щедро одарил и поддерживал эту обитель, оставшуюся православной среди совращенной в униатство окрестности. По всему вероятно, о. Дионисий, желая сохранить память о посещении монастыря царем русским, вырезал и настоящую таблицу, чтобы поднести монарху изображение благодетельствованной им обители. И действительно, Петр Великий помнил об этом приюте православия, сохранившемся среди всеобщего наводнения латинства и униатства, и долгое время присылал в монастырь денежные пособия и другого рода подаяния на молебны православным иконам креховским. В 1833 году, когда я посещал монастырь, покойный игумен Иоанникий Иоахимович показывал записки о посылавшихся от царя Петра Алексеевича и царицы Екатерины Алексеевны разных дарах и рассказывал, что покойный старичок ключарь помнил, как ежегодно присылаемы были целые фуры с хлебом, рыбами, икрой и пр., и я сам видел большие липовые кадушки, в которых присылаем был из России провиант для Креховского монастыря. Огромную кадушку с хлебом, крупой или мукой, по рассказу ключаря, клали лежа на фуру (мажу), впрягали шесть украинских волов и отправляли в Крехов. Вozy и волы «с

чи талеров сложили, а не только дня, леч ан години не бавячи. Конечно от жалю приказуем, бо если бысте того не имели учинити, теды за сим же письмом всех войск наших конных и пехотных с гарматами, также турецких войск с пашами и гана его милости с ордами потугу под своею кучкою обачите, которую огнем и мечем, бо жадному ани духовному, ани свецкому, ани старому, ани молодому, не фольгуючи, певне знесут. Чого уходячи абы сте зараз суму выше описанную доброю монетою тим теперь посланием нашим ганским выстарчили и отдали и себе от згубы ратавали и нас от пращи, бо певне вам того не покинем. При том вас Господу Богу поручаем.

Дан в таборе под Львовом дня 25 септемврия 1672 года. Петро Дорошенко.

Гетман.

¹ См. «Погляд на монастири и монашество русское» - статью, напечатанную в «Шематизме чина св. Василия Вел. в Галиции». Львов, 1867 г., стр. 185.

борошном и всяким добром», говорил ключарь, оставались в пользу монастыря, а только извозчики с одними батогами возвращались домой. Но это царское попечение о монастыре возбудило зависть врагов православия. Поляки и рьяные униаты прижали бедных иноков так, что они должны были еще в 1721 году волей-неволей принять унию. Это был последний монастырь в этой стране, согласившийся на унию; во всей Галичине и соседних областях не было уже ни одной православной церкви. В Станиславовском уезде, в горах возле с. Манявы, удержался единственный православный монастырь Скитский, на Ските, до 1785 года; он упразднен австрийским правительством, а развалины его стоят до сих пор.

Но возвратимся опять в Креховскую обитель. После принятия унии монахи построили вместо деревянных церквей и других монастырских строений из твердого материала довольно просторную церковь и монастырь. Некоторые иконы и церковная утварь перенесены из деревянных церквей в новую каменную церковь Св. Николая, другие же вместе с деревянными церквями проданы и развезены по окрестным деревням. Крепостные стены с башнями удержались кое-как. Церковь построена совершенно в виде католического костела; внутри устроен алтарь и иконостас с некоторыми униатскими прибавками; обитель потеряла свой прежний вид русского монастыря и ныне скорее похожа на латинский клаштор.

Итак, по мере сил мы кончили нашу картину, представили обозрение предметов археологии в Галичине и в Буковине, указали на важнейшие места, в которых находимы были древние памятники, и где по соображению следовало бы искать их. Потребность археологических исследований в этой исконно русской стране явствует сама собою; нужно только найти средства к успешному собиранию сведений, сличению данных и критическому разъяснению вопросов, касающихся археологии языческой и русской. К осуществлению этого предложения надо бы:

1. Завязать близкие сношения с литературными обществами и учеными людьми в Галичине и Буковине, поощрить их к деятельному участию и с помощью их расследовать страну, разведать о местных археологических трудах и привести в общую известность все находимые достопримечательности старины. В особенности же надлежало бы:

2. Выслать ученого археолога с инструкцией, по которой он должен бы был осмотреть по возможности все важнейшие музеи и библиотеки, публичные и частные, и составить перечень находящихся в них редкостей по части археологии. Посетитель Галичины должен прежде всего остановиться в Кракове и осмотреть золотой крест, ко-

торый похитил польский король Казимир по взятии им города Львова, также каменный истукан Святовида и др. древности, хранящиеся в музее Общества любителей наук, университетскую библиотеку и пр. Затем, по дороге, он должен остановиться в Перемышле, осмотреть капитульный архив, библиотеку епископского собора, хранящую важные церковнославянские рукописи, соборную ризницу и в ней - замечательную по своей старинной форме епископскую митру, которая, по преданию, будто бы переделана из спасенной короны галицких королей. Во Львове найдется больше предметов, достойных осмотра: библиотека Оссолинских и при ней музей и древности, университетская библиотека, в которой хранится Евангелие-тетр на пергаменте, писанное монахом Воронежского монастыря Феофилом в начале XVII столетия и, по повелению митрополита Сочавского Афанасия Крымковича, великолепно иллюстрированное Стефаном, *маляром Сочавского торго* (города Сочавы). Оно весьма любопытно для исследователей древней книжной иконописи русской. Также замечательна рукопись XVI в., содержащая Цареставник сербского архиепископа Даниила и пр. Надлежит осмотреть во Львове архивы: магистратский и центральный архив древних актов Бернардинов (акты со всей Галиции с половины XIV до конца XVIII века). В церкви Онуфриева монастыря находится надгробный с надписью камень Ивана Феодоровича Москвитина, первого типографа московского. В библиотеке и архиве Ставропигийского института важны учредительные грамоты патриархов на греческом языке, с которых переводы напечатаны в памятниках временной киевской комиссии, подлинники же их нигде не были напечатаны. При митрополичьем соборе Св. Георгия замечателен колокол, вылитый в 1341 г. при князе Димитрии-Любарте. На другие достопамятности обращено внимание выше в нашей статье.

3. Желательно, чтобы были посещены известные исторически достопримечательные местности и приисканы люди и средства для исследования древностей в них.

4. Снять рисунки, фотографии, копии, снимки со всех важнейших предметов, и сочинить подробные описания хотя таких предметов, каковы, напр., буковинские церкви, надгробные в них надписи, древние иконы, фрески, орнаменты, портреты, грамоты, рукописи и пр.

5. Следовало бы посредством высылки книг и изданий по части археологии знакомить местных ученых с ходом археологической науки в России, готовить юные силы к археологическим занятиям и поддерживать исследования и работы на этом поприще моральными и материальными средствами. Наконец,

6. Всего лучше помогать учреждениям при Народном доме во Львове и устроить археологическое отделение при обществе «Галицко-русской матице», задачей которого было бы распространение науки археологической и исследование древностей. По мере средств и обстоятельств такое местное общество могло бы собрать и привести во всеобщую известность все сделанные раскопки в крае и приобретенные в них вещи; оно могло бы начертать карты и планы всех по части археологии замечательных мест, древних городов, замков, развалин и др. монументальных памятников, городищ, курганов, могил и пр. Оно могло бы через своих сотрудников и корреспондентов обращать внимание на всякие находки древностей, доставлять скорые известия о случайных открытиях древностей и сохранять всякие древние обломки меди, бронзы, серебра и золота от алчных рук сребролюбивых евреев или нерадивых ляхов. Светское духовенство, имеющее в Галичине университетское образование, профессора, учителя и др. патриоты служили бы живым звеном нерасторжимой цепи исследователей и любителей старины во всей земле.

Одним словом, нужно русским людям обратиться сочувственно к русской Галичине и Буковине, включить их в круг своей деятельности и умственного литературного общения, принять их как своих к своим и собрать всех как родных к родным, в одну русскую семью.

ПРИБАВЛЕНИЕ

**Об археологических находках в Галиции
и о местностях с памятниками древности**

Выжляны, село в расстоянии 1 ½ мили от г. Золочева; возле села большой курган.

Утишков, с. 2 мили от г. Бужска Золочевского уезда; возле села две большие могилы.

Словита, с. того же уезда с женским монастырем базилианок; возле села большой курган.

Подгорцы, на расстоянии 2 ½ миль от г. Брод, село с замечательным замком. В прилежащем лесу замечательны следы укреплений и валов, где был древний русский город Плеснеск; там же много могил и курганов.

Накваша, с. 1 ½ мили от Брод; возле села три голые холма пирамидальной формы, наверху одного насыпан курган.

Куровицы, с. 4 мили от Львова, при Бродском шоссе; недалеко большой курган.

Годов, с. 4 мили от Золочева. В окрестности находится много могил и каменный памятник королю Яну Собескому, побившему в 1694 г. татар.

Глиняны, мест. 1 ½ мили от Золочева. В окрестности несколько курганов; там же находимы были древнее оружие, монеты и глиняные урны или пельники.

Бужск, древний русский город; в прилежащем лесу находится 14 курганов.

Доброполе, с. 2 ½ мили от Теревовля; вблизи курган, в котором, по преданию, покоится прах казацкого атамана Небабы.

Турка, с. 1 миля от Гвоздца Коломыйского уезда; в прилежащем лесу много курганов.

Обертин, м. 3 мили от Коломыи. На дороге между Каменкой и Обертином много курганов.

Сосница, с. 1 миля от Радимна Перемышльского уезда.

Судовая Вишня (польск. *Sądowa Wisznia*), м. Перемышльского уезда; возле него большой курган «Татарская могила».

Перемышль, древний город; возле него много курганов.

Яворки, с. 1 ½ мили от Пивничной Сандецкого уезда. В этом селе группа скал, называемая «Гомола», на которой находимы были могилы древних времен. В 1840 году Гвальберт Павликовский делал раскопки могил и нашел глиняные пельники, остатки старинного оружия и военных снарядов. Некоторые из выкопанных вещей посланы были в институт Оссолинских во Львове, прочие же должны храниться в с. Медыке, поместье Павликовского, при станции железной дороги на пути из Перемышля в Львов.

Жегартовицы, с. с скалами, на которых, по преданию, стояло капище славянского идола Перуна.

Одриконь (польск. *Odrzykoń*), с. Саноцкого уезда, 1 миля от Кросна, с развалинами замка, о котором упоминается уже в XII веке. Предание гласит, что там стояло капище язычников.

Треница (польск. Trzenica), с. 1 миля от г. Ясла; возле него при раскопках в 20-х годах найдено несколько штук металлических истуканов.

Улянов, м. Тарновского уезда при р. Сане. В 1820 г. открыто древнее языческое кладбище, на котором найдено много глиняных пепельников, чанов и др. посуды.

Пнёв (польск. Pniów), с. того же уезда; при нем открыто такое же языческое кладбище с урнами или пепельниками.

Чернелев Мазовецкий, прежде был город, ныне село; в окрестности его найдены древние военные приборы.

Каменка Струмилова, с. 3 мили от г. Бужска; в окрестности находят древнее оружие, стрелы и пр.

Белый камень, м. 2 мили от Золочева. Прилежащая гора называется «Святая гора»; на ней следы каменных строений.

Топоров, м. Золочевского уезда, 4 ½ мили от Бродов; здесь видны следы укреплений, в которых находили обломки древнего оружия.

Новоселки, с. ½ мили от Золочева. Возле села — место, называемое «Виноград»; на этом месте находимы были глиняные урны и угли.

Нароль, м. 2 мили от Русской Равы Желковского уезда с развалинами замка, разоренного Богданом Хмельницким. В 30-х годах здесь найден был значительный клад старинных монет и других драгоценностей.

Язловец, м. 4 мили от Черткова, с развалинами замка и армянской церкви со многими армянскими надписями.

Мухар (польск. Mucharz), с. 2 мили от г. Вадовиц, с древней римск.-кат. церковью IX столетия, будто бы сооруженную св. Войтехом во время его миссионерских странствований из Чехии в Польшу и Угriu. Там же показывают его церковные облачения.

Беч, древний город Сандецкого уезда, с громадными развалинами крепостных стен. Приходский костел XIV ст. замечателен постройкой и своими орнаментами и историческими надгробниками. Не менее важно здание городского суда и башни при нем. Город Беч был богатым торговым городом, и по этой причине называли его «Paґva Sґasovia».

Щирец, м. 3 ½ мили от Львова. В прилежащих известковых горах — длинная пещера.

Янов, м. 3 мили от Львова. Здесь находится также пещера, в которой находимы были человеческие кости и обломки оружия.

Страдче (польск. Stracz), ¼ мили от Янова, село; возле него находится пещера длиною во 120 сажень, с многими залами, нишами и углублениями, кажется, искусственно выделанными. В 1616 г., во время нашествия татар, народ в числе 2 000 душ скрылся в этих пещерах, но татары, открыв местопребывание, разложили у входа большой огонь и поддерживали его навозом, пока скрывшиеся не были удушены. Монахи близлежащего монастыря старались умоли́ть татар, вышедши против них в священнических облачениях с крестами, но дикие варвары отрубили им головы¹.

¹ Das Königreich Galizien und Lodomerien von Hippolit Stupnichi. Lemberg, 1853.

Жулин, 1 1/2 м. от г. Стрия, село; в прилежащих скалах большие пещеры. Межигорцы, с. 1 миля от Галича; здесь находится также пещера.

Белче, с. 3 мили от Залещик. В прилежащей горе листового гипса замечательные подземные ходы и пещеры, содержащие несколько зал и сводов с естественными алебастровыми стенами. Народ утверждает, будто бы эти подземные ходы простираются даже до Киева. В пещерах находимы были человеческие скелеты и чашки, также монеты со времен императора Адриана.

Борщов, с. 2 мили от м. Скалы Чортковского уезда. В развалинах замка были далекие подземные ходы.

Высучка, с., бывшее прежде местечко, 2 1/2 мили от скалы с развалинами замка, которого подземные ходы будто бы соединены с замком в Борщове.

Крутилов (польск. Kręciłów), с. 2 мили от м. Грималова; в прилежащей горе несколько пещер и подземные ходы.

Источник: Головацкий Я.Ф. Об исследовании памятников русской старины, сохранившихся в Галичине и Буковине // Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869 / Изд. под ред. гр. А.С. Уварова. М.: Синодальная типография. 1871. С. 219-242.

Source: Golovatskii Ya.F. Regarding the Research of the Monuments of the Russian Past Which are Preserved in Galicia and Bukovina In: Uvarov, A.S. (ed.) Trudy Pervogo arkheologicheskogo s'ezda v Moskve [Proceedings of the First Archeological Congress in Moscow]. Moscow: Synodal printing house. pp. 219-242.

Головацкий Яков Федорович (1814–1888) — деятель галицко-русского возрождения, поэт, писатель, историк, филолог, этнограф, фольклорист, один из основателей группы «Русская триада», профессор и декан кафедры русской словесности Львовского университета, его ректор (1863–1864), председатель Виленской археологической комиссии (1867–1888), доктор русской словесности Новороссийского университета, действительный статский советник. Автор многочисленных стихотворений, беллетристических произведений с содержанием из народной жизни (под псевдонимом Яцек Балагур), исторических, археологических, библиографических, этнографических, филологических статей.

Yakov F. Golovatskii (1814–1888) — Galician-Russian Rebirth activist, philologist, ethnographer, one of the founders of the "Russian Triad", professor and dean of the faculty of Russian Literacy of the University of Lvov, its rector (1863-64), president of the Vilnius Archeologic Commission (1867-1888), doctor of Russian Literacy of the New-Russian University, advisor. Author of belles accounts of ordinary life (under the pseudonym Iatsek Balahur), historical, archeologic, bibliographical, ethnographical and philological articles.

УДК 94(436).07

UDC

DOI: 10.17223/23451734/8/4

**СЛАВЯНСКИЕ РУКОПИСИ ПЕШТСКОГО МУЗЕЯ
И, В ЧАСТНОСТИ,
«РУССКАЯ» РУКОПИСЬ 1803 года
(Посвящается моему товарищу Ф.И. Успенскому)**

А.А. Кочубинский

Резюме

Работая в 1875 г. в Национальном музее Будапешта, А. Кочубинский обнаружил рукопись, названную «*Cantilenae sive specimina linguae Ruthenicae et Valachicae in Transylvania*». В ней, в частности, приведены песнопения славянских жителей – «рутен» лютеранского исповедания четырех сел Южной Трансильвании. Позже ученый пришел к выводу, что язык этих песнопений – русский. Это население было ассимилировано венграми и валахами (румынами). Однако на севере Венгрии до сих пор сохранилось русское (русинское) население. Автор показывает его численность и этнографическую границу

Ключевые слова: А. Кочубинский, русины, Венгрия, Дунайское Залесье, Трансильвания, венгры, валахи, румыны.

**SLAVIC MANUSCRIPTS OF THE MUSEUM OF PEST
AND, IN PARTICULAR, THE RUSSIAN OF 1803
(dedicated to my friend F.I. Uspenskii)**

A.A. Kochubinskii

Abstract

Working in the National Museum of Budapest in 1875, A. Kochubinskii uncovered a manuscript called “*Cantilenae sive specimina linguae Ruthenicae et Valachicae in Transylvania*”. In it, in particular, are given the songs of the Slavic inhabitants – of the “Ruthenians” of Lutheran confession from four villages of Southern Transylvania. Later the scholar came to the conclusion that the language of these songs was Russian. This population was assimilated by the Hungarians and the Vlachs (Rumanians). However, in the north of Hungary, the Russ (Rusin) population was preserved up to the present time. The author shows its numbers and ethnographic boundary.

Keywords: A.A. Kochubinskii, Rusins, Hungary, Danubian Lands "Beyond the Woods", Transylvania, Hungarians, Vlachs.

В своем третьем «Отчете о путешествии в славянские земли» («Записи Имп. Новоросс. унив.», т. XX, 1876 г.) я посвятил несколько страниц вопросу, который составит содержание настоящей статьи. Если я позволяю себе спустя шесть лет возвратиться к старому предмету, то имея в виду: 1) дать несколько более подробный отчет о просмотренных рукописях мадьярского Национального музея (Nemeth Museum) в Пеште; 2) издать полный текст церковных песнопений по «русской» рукописи 1803 – «*Cantilenae ruthenicae*» из лютеранского Кацционала – единственный оригинальный и первый по времени более значительный памятник языка славянских жителей – «руте-нов» лютеранского исповедания – четырех загадочных сел Южной Трансильвании (Семигради), и в тот момент, когда эти «рутен-ы» уже вымирали – умирали как славяне. Текст «русских» лютеранских песнопений издается голый, без исследования языка и его народа: задача эта, вероятно, будет предметом особого труда.

Таким образом, в настоящей статье будет предложен простой материал: заметки и текст. Немногие воспоминания из моих странствований по Северной, русской Венгрии ранней осенью 1875 года нарушат, быть может, спокойный тон рассказа, за что и прошу извинения.

I

Искание русских памятников

В воскресенье, 21 сентября (ст. ст.) 1875 года, я из Межилаборца (Mezőlaborcz, ныне крайняя станция железной дороги из Перемышля, уже в Венгрии) через Гуменное (Гомонна) и Мишкольцы приехал в Пешт, окончив беглый этнографический осмотр северных комитатов Венгрии: словацких (Туроч, Липтов) и «русских» (в народе «русын» в ед. ч., «русыны людэ» во мн., без с, – Абууйварский, Землинский и Шаришский).

В Пешт я ехал в надежде добыть следы старого языка «русских людей» в Северной Венгрии. Мне не раз случалось слышать от местных русских нарекание на Пешт: «Все, что ни найдется у нас, – вещь или какая, книга, рукопись – все это забирается правительством для музея», и Пештский музей стал конечной целью моих стремлений.

25 сентября я посетил музей, величественное здание которого представляло такую противоположность убогому помещению моего старого знакомого – Чешского музея в Праге.

Прием я нашел самый приветливый. Для знакомства с отделением

славянских рукописей были предложены тотчас на просмотр шесть громадных картонов с заманчивым ярлыком: «Manuscripta Slavica».

Но громадные картоны были весьма легки — ясный знак, что немного внутри них было карточек славянских рукописей.

Первый картон заключал «Codices manuscripta vetero-slavica», т. е. церковнославянские. Но это были пять бумажных рукописей не старше XVIII века, работы сербских писцов.

Второй картон — «Codices manuscripta Russica, Ruthenica». С любопытством я набросился на него. Оказалось — четыре рукописи, и для меня, по-видимому, без значения: 1) «Adoratio clem. servatoris D. N. I. Christo, saec. XVI»; здесь же «Celebratio», т. е. служба Казанской Божьей Матери, прошл. стол.; 2) Манифест Петра Великого о войне 1711 года; 3) Медицинские наставления XVII века и 4) «Cantilenae sive specimina linguae Ruthenicae et Valachicae in Transylvania, saec. XIX», 25 p. in 4.

И четвертый номер этого картона — «Образчики русского и валашского языка в Трансильвании», несмотря на заманчивость заглавия — *ruthenicae*, не остановил было меня: пометка «XIX столетие» и 25 страниц указывала, что это какая-нибудь случайная тощенькая запись нескольких «песен» валахов, составляющих, как известно, главную массу населения Трансильвании, запись, сделанная в наши дни. Прибавка «*ruthenicae*» была несколько странной: запись русских — «русинских» — песен вместе с валашскими я объяснял себе, что она сделана или со слов русских работников откуда-нибудь из Мармароша или Землина, почти ежегодно летом отходящих от себя на юг, к мадьярам, на жнива и попавших в соседнюю Трансильванию, в какой-нибудь северо-восточный комитат ее, или в одной из русских колоний Баната, основавшихся среди валахов в половине XVIII стол. Поэтому я отметил просмотреть четвертый номер под конец, не придавая ему ни малейшего значения.

Таким образом, второй картон славянских рукописей Пештского музея не отвечал моим исканиям: весьма тощий русский отдел не давал ни одной местной русской рукописи старины, писанной где-нибудь в Северной «русской» Венгрии, хотя бы церковного или служебного содержания. Дивным образом попал в число четырех мадьярского музея экземпляр знаменитого манифеста Петра Великого «за свободу» славян (не из наследия ли союзника Петра мадьяра Ракоци?), служба Казанской Божьей Матери из самой Москвы, и в то же время — ни следа даже простой письменной деятельности из русской Венгрии, словно русские там со вчера жили тем «зверинским образом, живуще скотски» — вне христианского общения с миром, без церкви, без грамоты, без книг...

А, может быть, действительно, русские в Северной Венгрии — вчерашние пришельцы, и мы неправо требовательны?..

Только что сделанное предположение, невозможное, как мы докажем ниже, вышло в догму мадьярской науки, т. е. политики, старающейся обосноваться на науке. Нам необходимо своротить в сторону.

Новейший ученый и талантливый историк и этнограф Венгрии проф. *Гунфальви* (Hunfalvy) в своем во многих отношениях образцовом труде «Die Ethnographie von Ungarn» (нем. перевод *Швикера*, 1876) допускает русских в Северной Венгрии лишь как зашельцев лет 200 тому назад и низводит их на ступень кочевников.

Не буду говорить о том, как тщательно умалчивает автор исторической «Этнографии Венгрии» о драгоценных по собранному материалу громадных трудах венгерских ученых прошлого века: *Вагнера* («Analecta Scepussii», «Diplomatarium com. Sarosiensis»), *Бардоши* («Supplementum Analectorum ter. Scep.»), в которых можно найти любопытные указания о следах *славянского* православия в Северной Венгрии ранее XIV столетия; г. Гунфальви забывает про многие обстоятельства, которые не вправе обойти венгерский этнограф данной минуты. Позволяю себе указать их.

1) Многие русские церкви в русских униатских епархиях, Мукачовской (*Мукачевской*. – С.С.) (Munkacs) и Пряшевской (Eperies, последняя с 1818 г.), несмотря на свое обычное убожество — убог и целый русский край, где часто секут на высоких пунктах Бескид, в лесных прогалинах, исключение верховье Тисы — ведут свою историю с XVII и начала XVIII стол. Пользуюсь т. наз. «схематизмами» обеих епархий, Мукачовской за 1839 год, Пряшевской за 1870. Церкви располагаются по их возврату, причем почти только тех приходов, где отмечено: «lingua ruthenica».

С 1641 года деревянная церковь Св. Параскевы в Вышнем Селище, в Мармароше (М. стр. 78).

С 1642 г. деревянная церковь Сошествия Св. Духа в Ясине (Körösmező-Also), в Мармароше. Схематизм замечает «in statu ruinoso» (М. 66).

В 1678 году была построена каменная церковь Воздвижения Креста в Ужгороде (Unghvar); до этого же времени на месте ее стояла деревянная церковь. Приход существует с половины XVI стол. (М. 226).

Приход *Rafajvéz* в Шаришском комитате существует ранее 1690 года (Пр. 170).

С 1690 г. каменная церковь Святителя Николая в селе *Eör* Сатмарского благочиния (архидиаконата) Мукач. епархии. Епископ Иоанн

de Camelis, управлявший Мукачовской епархией с 1690 по 1705 год, собственноручно занес в свой «Дневник» о постройке русской церкви в Eör'e: «die 3-ia Augusti dedi licentiam D. Sigismundo Orosz, ut aedificare possit in suo pago Eör ecclesiam pro Ruthenis» (М. 220).

Знаменитый в целой Венгрии своей чудотворной иконой Богородицы василианской Успенский монастырь Maria-Pocs Саболичского благочиния, куда 15 августа, в храмовой день, стекаются массы богомольцев — русских, мадьяр, католиков и даже кальвинистов (говоря со слов тамошнего монаха), существует ранее конца XVII стол., ибо икона явилась уже в 1696 году (М. 130). Только в недавние годы живет в монастыре и католический священник, — а то братия чисто русская.

С 1701 г. деревянная церковь Архангела Михаила в Дунковиче Берегского комитата (М. 40).

С 1709 г. каменная церковь Покрова Богородицы в селе Сачуре Землинского комитата (М. 236).

С 1718 г. каменная церковь Арх. Михаила в с. Тополянах Землинского комитата (М. 248).

С 1719 г. деревянная церковь Успения в Дубриниче Сатмарского благочиния (М. 194).

С 1735 г. каменная церковь Успения в Ласковцах Землинского комитата (М. 245) и мн. др.

Далее, почти каждый русский приход имеет еще «филиальные» села, где меньше, где больше. В них нередко, несмотря на малочисленность жителей — обыкновенно менее 300 душ, есть *свои* церкви. Беру для примера Буковецкий и Стропковский уезды (*districtus*) в горах северной части Шаришского комитата.

Буковецкий уезд. Приход Дрична. В самом селе Дрична 256 душ, церковь Василия Великого; в приписных (филиальных) селах: Суха — 160 душ, но своя церковь Введения во храм; Владыча — 105 душ, но своя церковь Свят. Николая. Приход Медведже. В самом Медведже 86 душ, церковь Св. Дмитрия; в приписном селе Корейоч 73 души, деревянная церковь Покрова.

Стропковский уезд. Приход Гавай. В селе Гавай 192 души, церковь Св. Николая; в приписных: Быстра (*Bisztra-Orosz*) — 78 душ, дерев. церковь Арх. Михаила; Mákosz — 140 д., дерев. церк. Василия Великого; Сташкоч — 135 д., дерев. церк. Св. Дмитрия. Эти данные взяты из Пряшевского схематизма на 1870 год (стр. 26, 29, 166).

Наоборот, есть приписные села, которые в настоящее время своих церквей не имеют, но имели еще в прошлом столетии. Так, Пряшевский схематизм на 1870 год замечает о приписных селах прихода Пекляны (*Peklin - Orosz*) Пряшевского благочиния: «*Licsert — in hac*

filiali an. 1788 adhuc exstitit ecclesia Graeco-Catholicorum»; «*Somos-Ujfalvu* (Дриновская Новая Весь) – filialis haec an. 1788 habuit suam ecclesiam» (47).

Далее, в известном размадьярском городе Дебрецине (теперь он приписан, 134 души в 1839 году, к городу Bőszörmény-Rács) еще в конце XVII стол. была своя русская церковь – «*curatia graeco-catholica*». Известный уже нам епископ Иоанн de Camelis отметил в своем «Дневнике»: «*Patri lesaiae, monacho Montis Sancti, meo compatriotae, contuli ecclesiam Debreczinensem et subjeci ipsi sacerdotes, qui sunt circa Varadinum et Bihar*» (Мукачовский схематизм на 1839 год, стр. 123).

К слову, о старине сельских русских церквей в Северной Венгрии отмечу еще одно наблюдение.

Путешественнику резко бросается в глаза одна особенность рус. села в Венгрии: церковь, деревянная ли, низкая, в виде нескольких неуклюже сложенных бревенчатых срубов (так и у лемков в Зап. Галиции, к Попраду), или каменная, однообразной формы всюду, с высокой четырехгранной колокольной, часто с золотым куполом, обыкновенно вынесена за село. Она возвышается на пригорке или холме, восход куда всегда бывает нелегок, даже в летнюю пору. Повсеместность этого обычая говорит о его старине и самобытности. Русину, привыкшему ходить ежедневно много верст по горам, не в тяжесть подъем к его церкви, к которой он привязан, как дитя к матери. Возвышаясь над окрестностью, сельский храм всегда окружен рощицей вековых деревьев – дуб, лиственница, липа, кое-где редкий тис. Эти вековые рощицы говорят также в пользу вековой жизни и самой церкви. Крестьяне дают объяснение указанному обычаю – против пожара, и что идет он исстари. Никакой устный рассказ не помнит о его начале. Но этого мало: по обычаю располагать церковь вне села, среди деревьев, вы можете, наверное, сказать, что каждый раз, как вы заметите группу вековых деревьев (не хвойных) на возвышении вблизи села, расположенных симметрично, с пустым пространством внутри, пред вами место, где когда-то стояла сельская церковь. Нередко вы заметите такую «церковную» рощицу неподалеку от нынешней церкви – ясный знак, что нынешняя церковь, продолжая старый приход, сама не на месте старой церкви.

2) Старина русских приходов явствует и из времени правильного ведения в них церковных *метрических книг* (*matricae*). Ограничусь одной Пряшевской епархией как наиболее удаленной на запад. Метрические книги ведутся:

с 1718 года в приходе Репейов Стропковского уезда;

с 1719 г. в приходе Миклушовцы Пряшевского уезда; в схематиз-

ме на 1870 г. замечено под этим приходом: «Миклушовцы, Седлице и Суха Долина (два последних села приписные, но с своими церквами) известны уже в 1370 году как населенные поместья» (стр. 46);

с 1734 г. в приходе Пекляны Пряшевского благочиния;

с 1743 г. в приходе Миково Стропковского уезда.

Со второй половины XVIII стол. метрические книги очень часты, и мы их не отмечаем.

Но Пряшевский схематизм не указывает, на каком языке велись древнейшие метрические книги в русских приходах — на русском или латинском, как теперь? Есть вероятие полагать, что на *русском*.

В бытность мою у известного местного деятеля А. И. Добрянского в селе Чертыжном (Землинского комитата, у самой галицкой границы) я посетил соседнее село Дричну с приходской церковью, но уже Шаришского комитата. Дрична в глубокой котловине, окружена со всех сторон громадой гор, так что сообщение с ней — пешком или верхом — вообще затруднительно. Положение Дричны — это общий ландшафт русских сел в гористом Шарише. Разобщенность одного села с другим — общая черта жизни шаришских русских. Уже одно размещение русских сел Шариша говорит против мысли о их недавности.

В Дричне, в доме священника, мне показали остатки старых метрических книг из русской церкви соседней деревни *Сухой* (теперь церковь приписная к Дричне), с половины прошлого столетия. Книги были на русском языке с необходимой примесью церковнославянского, писаны полууставом, переходящим в скоропись. Для образчика языка и ввиду интереса самого факта ведения русских метрических книг в приходах Шариша в половине XVIII века я выписал начало: «Сиѧ митрика ркѧ ~~дѣ~~ѧ ~~ѧ~~ѧ почаласѧ писати за благословениемъ боголюбиваго епскапа нашего Манѧила когда и кто креститься и кто крестить и коли. Аз ереи Ивань презвитерь цркви Сѧшынскои ркѧ ~~дѣ~~ѧѧ ѡкрестих и миром помазах во цркви Сѧшынскои младенца Стефана мсѧ декембриѧ днѧ кв ѿ родителей законно вѣнчаных; ѡтец власныи Василь Поповичъ ѡтец хресныи сынъ Бльхокого Петра Гриць, мати хресна Скомаренка Грубого жена...».

Эта «митрика» 1751 года из *Сушинской* церкви и позволяет полагать, что деловой язык русских церквей в Северной Венгрии, когда стали вводиться метрики, был местный, русский. В смежной, единой Галиции метрики начались с конца XVII стол. и были ведены на русском языке.

Таким образом, ведение русских «митрик» еще в первой половине XVIII стол. в русских церквях Шаришского и, вероятно, и других русских комитатов указывает, кажется, довольно сильно на старо-

давность русской стихии в краю, который своей убожеством не мог быть приманкой, соблазном для колонизации. Говорить о русских как недавних зашельцах-номадах нельзя.

3) Теперь «русских людэй» в Венгрии немного — несколько более ½ миллиона: в Пряшевской епархии по схематизму 1837 г. — 169 991, 1870 г. — 154 626; в Мукачовской по схематизму 1839 г. — 452 788, 1847 г. — почти столько же; но из последней епархии надо выключить тысяч сто валахов, которые отошли во вновь образованную Сатмарскую униатскую епископию, да прибавить тысяч десять русских из валашской униатской епархии Велико-Варадинской. Мукачовские схематизмы последних лет нам не случалось видеть. Едва ли можно полагать, что если теперь около полумиллиона, то в старину русских было много меньше в Венгрии, что прирост был механический — шел из Галиции. Некоторые данные позволяют утверждать, что чем дальше в старину, тем русских было больше.

а) В Пряшевской епархии число униатского, т. е. русского населения на наших глазах заметно уменьшается. Так,
по схематизму 1837 года униатов было 169 991;
по схематизму 1841 г. « » 178 226;
но по схематизму 1870 г. « » 154 626, т. е. менее на 23 600 душ, или в течение 30 лет русский элемент уменьшился на 12,2 %.

Но это уменьшение числа русских униатов Пряшевской епархии распределяется непропорционально меж комитатов, составляющих епархию:

в Абууйварском ком. — на 2,2 % (в 1841 — 22 698, в 1870 — 22 187);
в Спишском (Zips) ком. — на 5,8 % (в 1841 — 31 640, в 1870 — 29 807);

в Шаришском ком. — на 18,8 % (в 1841 — 66 487, в 1870 — 55 604);

в Землинском ком. — на 20,9 % (в 1841 — 44 037, в 1870 — 34 782).

В одном только Боршодском комитате в указанный период времени обнаружился небольшой прирост русского населения: с 11 364 оно увеличилось на 12 264 души.

Итак, самое сильное уменьшение сказалось в Землинском комитате, т. е., главным образом, на равнине, и менее — в других, в *горах*. Уменьшение в этом случае — синоним оставлению православного обряда и переходу в католичество. Революционная эпоха 48 года оказала, вероятно, свое действие на умаление.

б) Явление, которое мы только что наблюдали в регрессивном движении русского населения Пряшевской епархии на расстоянии 30 лет — 39 по 70 год, — уменьшение, и наибольшее, в *южных частях* имеет для нас особенный интерес: оно как бы воскрешает перед

нами воочию то же явление, но некогда *давно* и на целом пространстве русской земли в Венгрии.

Густое русское население в горах, меж Попрадом на з. и Верхней Тисой на в., становится все жиже по мере уменьшения гористости края, а на равнине Венгерской оно что летняя последь от весеннего разлива Тисы.

Эту форму расселенности русских — густое поселение на с. и жиденькое на юге — можно понимать двояко: или жидкое население в равнине — аванпост того, что в Бескиде, случайные выходцы, что селились то промеж валахов, то промеж мадьяр, или, наоборот, русская территория, вогнанная теперь в горы, раньше расширялась глубоко в равнину сплошной массой русского населения, т. е. движение было *отступательное*, с юга на север.

Где же большая вероятность?

Церковный приход на севере, где одно русское население, невелик числом своих прихожан и вообще мал своим пространством. Но чем далее к югу, тем приход расширяется более и более, захватывает массу земли, пока, наконец, по южной этнографической меже русского населения — приблизительно между рекой Шайо и Средней Тисой — и на восток от Тисы он не доходит до того, что приход чуть ли не комитат.

Таким образом, *фигура* прихода северного и южного — две противоположности.

Далее, в южных приходах язык обиходный двоякий — русский и мадьярский, т. е. есть *православные* (униаты) *мадьяре*, но которые, кроме мадьярской проповеди с церковной кафедры — она всегда соотнобщается с составом населения (даже в монастыре Maria-Pocs проповедь часто по-мадьярски), слушают богослужение на том же церковнославянском языке, а на литургии поют «Господи, помилуй» и поминают даже «Петра, Алексея, Иону и Филиппа». Как понимать появление православных мадьяр и с языком Кирилла в церкви?

О проповеди славянской церкви среди мадьяр никто ничего не скажет: в прозелитизме русские, как «за кордоном», так и там, на Венгерской равнине, не повинны. Обратное явление — апостатство от православия — слишком известно. Или эти православные приходы мадьяр, как, напр., Görömböly, — память о славянском православии первых мадьярских королей Гейзы, Стефана 900 лет назад?.. Но, кроме наклоненного православного креста на короне Стефана да знаменитого «мѣшца» с кирилловской славянской надписью, хранящегося в Вене среди исторических регалий Австрии, никаких осязательно-видимых следов былого православия среди мадьяр нет. Мы не говорим о *неосязательном* присутствии нашего старого пра-

вославия у нынешних мадьяр — в церковно-бытовой терминологии мадьярского языка, в словах, как *kereszt* — крест, *barat* — брат, *szerda* — среда, *csötörtök* — четверток, *péntek* — патокъ, *szombat* — сжбота и пр.¹

Явление православных мадьяр в русских южных приходах объясняется так же, как и появление православной славянской церкви среди соседей и часто односельчан мадьяр, среди валахов (румын). История не знает о проповеди христианства среди румын как румын; своего румынского Бонифация, Кирилла или Войтеха румыны не укажут. А между тем среди румын появляется христианство, насколько помнит память людская, именно в форме православной *славянской* церкви, со *славянским* богослужебным языком, с тем, что и у всех православных славян. Если история молчит о румынском Кирилле, она права: среди предков нынешних румын православная *славянская* церковь формировалась по мере усвоения *православными славянами Трансильвании и прилегающих областей*, получившими свое православие от апостольской деятельности Кирилла и Мефодия в Паннонии, *романского языка прямых потомков выселенцев Римской империи и забвения своего*, т. е. по мере их добровольной румынизации, тянувшейся века. Отсюда церковь продолжала жить старая, славянская, в то время как заново регенеровавшаяся паства ее уже перестала вполне понимать язык ее и формировала из себя иное племя — особь, громадное племя румын — на глазах истории. Сюда не входит вопрос, чем обусловились добровольная румынизация у славян. Таким-то путем очутилась православная *славянская* церковь Кирилла и Мефодия в пастве, отчуждившейся от ее языка, не понимавшей его... Ошибка доселешних толкователей заключалась именно в том, что то, что *делалось* незаметно, веками, они понимали как сразу совершившееся и тщетно искали румынских национальных Кирилла и Мефодия или прибегали (историки румын) к невозможным гипотезам, вроде что до Флорентийской унии (½ XV стол.) румыны были не православные, а латынники.

Vice versa, православные мадьяре — это только *омадьярившиеся русские*, мадьярившиеся незаметно, веками.

По усвоении мадьярского языка прежде русские перестают живо чувствовать потребность в старой церкви своих предков — она им становится чужда своим языком — и отходят легко в мадьярское католичество или в мадьярский кальвинизм. Отсюда-то непомерная

¹ В последние годы правительство Пешта занято вопросом о замене церковнославянского языка в церквях православных мадьяр мадьярским. В настоящую минуту эту замену желают распространить на русские и румынские приходы (см. хорв. газету «Obzor», 1881, № 39).

обширность русского прихода на юге, в равнине, числящего десятки сел с десятками своих душ в каждом. Отсюда в южном приходе число православных более и более умалывается, и где еще в прошлом столетии были русские, православные и имели *свои церкви*, теперь церквей нет. Пример этому мы имели выше в Дебрецине.

Таким образом, постепенная, если позволено так выразиться, *дерусизация* бассейна Средней Тисы и Шайо в пользу мадьярского элемента объясняет различие фигуры русского прихода юга — равнины и севера — гор, указывает, что денационализационное движение шло с юга, движение русских было *отступательное*, а не *наступательное*. Негромкая, но вековая борьба — ассимиляция двух народностей — новый исторический документ о давности русской стихии в Северной Венгрии, а не о номадстве русских еще вчера.

Если на юге и юго-западе русский переходил в мадьяра, то на юго-востоке он румынился: на него наступал также негромко валах-пастух — он оставлял свой язык, и русский элемент отступал к северу.

В Велико-Варадинской валашской униатской епархии есть еще не одно густонаселенное село русских, русских немало и в городах. Так, город *Varad-Olaszi* — 514 русских (по В. Варадинскому схематизму 1854 года), а в 12 его филлах — 97 русских; из этих филлий отметим: *Beregh-Böszörmény*, где всего 5 русских, но форма *Берег* явно русского языка, город *Bihar* — 5 русских, но о русском приходе здесь упоминает еще известный уже нам епископ de Camelis (см. выше); села: *Kakad* (приход с 1730 года), *Nagy-léta* (приход с 1752 г.), *Atsád* (приход с 1740 г.) — во всех трех селах церкви во имя Благовещения; города *Nagy-Karoly*, «pro parte Ruthenorum», приход с 1746 года, метрические книги с того же года, тогда как в том же городе, «pro parte Ruthenorum», хотя и «parochia antiqua», но метрические книги лишь с 1779 года.

Кроме того, есть немало сел, уже чисто румынских, но названия которых, особенно определение *orosz*, т. е. *русское*, говорят, что первые поселенцы здесь были русские. Таковы *Kis-Oroszi*, *Orosz-háza*, *Orosz-lános*, *Orosz-falu* («parochia antiqua»); *Cserepes*, *Cseres-Temes*, *Zsidovin* (чит. Жидовин), *Csernegy-háza* (чит. Чернедь-Хаза), *Cserno-háza* и др.

Мы опускаем топографические названия *юсовые*, как *Kis-Dombrovicza*, и на *-шму*, как *Dobresty*, *Rotoresty*.

Конечно, если из фактов действительности желать выжать политический капитал для своих соотечественников, тогда все вышеприведенные указания и соображения — без значения. А к этой цели, к сожалению, и стремится ученый автор «Этнографии Венгрии», как это видно из его заключительных слов: «из народностей Венгрии,

— говорит г. Гунфальви, — нет ни одной, которая была бы туземной — все пришельцы; но среди них старейшие пришельцы — мадьяре»...

Правда, об исторических показаниях нотариия короля Белы — о русских союзниках Арпада — можно и не говорить, когда речь, и в окончательной форме, о времени появления «русских людей» в Венгрии, в Бескидских комитатах и южнее: но сослаться на знаменитых лодочников — «Ruods» и засим считать лишним говорить о предках бойков и лемков (так «по-уличному» прозываются русские по сю и ту сторону Карпат) нельзя.

Вот почему полное отсутствие в Пештском национальном музее, где есть прекрасные собрания из кельтской и римской эпох, какого бы то ни было следа книжной, письменной деятельности венгерских русских, листка местной рукописи, — явление непонятное. В соседней Галиции в любом собрании, общественном или частном, в Институте ли Оссолинских, или в библиотеке многоуважаемого каноника А.С. Петрушевича у св. Юра, не один местный письменный памятник русской старины, говорящей, что всегда были там книжные русские люди, любили русскую книгу, письмо и помимо знаменитой Клиросской рукописи 1144 года.

Чем объяснить? Ужели и здесь надо искать руку политики в действии?!..

Но возвращаемся к оставленным картонам славянских рукописей Пештского музея.

II

Инорусские рукописи

Третий картон славянских рукописей Пештского музея — «*Codices manuscripta Serbico-illyrica*»: семь карточек рукописей без значения для меня. В интересе славянского текста Нового Завета можно было отметить пергаменную рукопись XIV-XV в., а в интересе литературной истории сербов в прошлом столетии — «Произведения исторические и поэтические» *Арсения Поповича*.

Четвертый картон — «*Codices man. Croatica*». Рукописи вообще нового времени: одна юридическая, XVI в., материалы для истории Зринского и Франкопана, некоего *Посветила* (*Posuetil*) «*Abelis mors, tragoedia e latino in slauicum versa per an. 1756*». Судя по имени автора, *in slavicum* можно понимать и *по-чешски*.

Пятый картон — «*Codices man. Slovenica*», т. е. рукописи, и довольно численные по счету, *чешско-словацкие*, самого разношерстного содержания, составленные, очевидно, случайно, но местные, из Венгрии. Здесь я нашел:

№ 36. Агенда «чешских братьев» (Jednota), XVII в.

№ 7. Bartholomeides «Historia persecutionis protestantium» (1792 г.).

№ 15, fol. slav. «Carmina occasionalia varia idiomate slavico», XVIII в., 14 стр.

№ 44, quart. sl. boh. «Christi vita», чешская рукопись XVI в., 321 стр.

№ 25, quart. sl. «Conciones slavicae ad populum Puchoviensem», 1600–1640, cod. saec. XVIII, 510 стр.

№ 24, quart. sl. Holveith «Epitome gramaticae slavicae», 1737 года, 53 стр.

№ 5, fol. sl. Ribay «Literaria bohemo-slavica».

№ 2, quart. sl. Ero же «Lucubrationes de lingua et natione Slavorum».

№ 3, oct. sl. boh. Ero же «Specimen vocum».

№ 34, quart. sl. Simonides «Conciones dominicales slavicae», XVII века.

№ 6, fol. sl. Procopius «Dictionarium slavico-latinum» XVIII века, в двух томах.

№ 6, duod sl. «Cantus et orationes in ecelesiis hungaricis», XVII века, 500 стр.

№ 40, quart. slav. boh. Milič Jon. «Liber», 290 стр. Вероятно, это рукопись Милича († 1372) «Knižky o zarmúceních», о которой упоминает Юнгманн в своей «Истории чешской литературы» (2 изд., 1849, стр. 43), что она в 4, 1519 года, была у Рыбая.

№ 30, quart. sl. boh. Comenii «Praxis pietatis», 1630 года, 234 стр. Вероятно, оригинал известного печатного текста под тем же заглавием.

Шестой картон – «Cod. man. Polonica», три незначущих рукописи.

Этим исчерпываются карточки славянских рукописей.

Было ясно, что вообще отделение славянских рукописей Центрального государственного музея Венгрии скучно. Явление это довольно странно. Если даже небольшой Словацкий музей в Турчанском Св. Мартине (Szent-Marton) в течение немногих лет своего существования (с 1864 по 1874, когда он был насильственно закрыт) успел собрать значительное количество местных славянских рукописей XVII и XVIII стол.¹ и собрал бы еще больше, то ясно, что собирать есть где, лишь бы была охота. Не могу здесь не вспомнить интересной статьи в IX томе издававшегося до 1874 года журнала Словацкой матицы в Св. Мартине «Летопис» под заглавием «Старый

¹ См. краткие отчеты в журнале Словацкой матицы в Св. Мартине «Летопис», издававшимся с 1864 по 1874 год (вышло 10 томов), I, 92, II, 59, VIII, 2, 112 и др.

славянский крест». Здесь описан православный медный крест с изображением Христа, арх. Гавриила, Михаила и др. святых, и между прочим *Прокопа*, с *кирилловскими* грубыми надписями (к статье два рисунка креста), найденный в земле при оранье поля в Сомоде близ Майки (здесь некогда был бенедиктинский монастырь) в 1852 году (выпуск 2, стр. 50 и след.). Находка подобного креста крайне странная; но, к сожалению, неизвестно, в чьих руках теперь этот православный крест, так что нельзя проверить чтения и толкования автора статьи. Я сделал это указание, чтобы напомнить, что почва Венгрии для славянского археолога старейшей исторической поры - Паннонской - и затем последующей, до окончательного утверждения католицизма, классическая. В 1875 г. Пештская академия наук отправила ученую экспедицию для археологического исследования гор. Нитры и Нитрянского епископства (а оно с эпохи Мефодия Моравского), исследования архивов, описания древностей: может быть, что-нибудь и нашлось интересное для слависта; но о результатах экспедиции мне ничего неизвестно.

Черствое равнодушие, если не враждебность к каждому проявлению былой славянской мысли, жизни в Венгрии низводит Пештский национальный музей из общегосударственного учреждения - наглядная картина возможно полной прошлой жизни Венгрии - до значения приюта чопорного патриотизма. Тенденциозное отношение Пештского правительства к интересам науки грубо обнаружилось в его образе действий с бедным Словацким музеем в Св. Мартине: в 1874 г. музей был закрыт, книги, собрания опечатаны («панславянская пропаганда»); в августе следующего года я был в Св. Мартине - и музей все еще был опечатан, след., недоступен ни для кого. Хоть бы в Пешт привезли собрания музея и присоединили к своему, и то - ни тебе, ни мне.

Для своих первых целей я не нашел ничего. Я спросил некоторые рукописи пятого, т. е. словацкого картона: *Carmina occasionalia* и литературные и ученые материалы еванг. пастора Рыбая (†1813), известного сотрудника-корреспондента знаменитого И. Добровского по местным славянским вопросам.

Carmina occasionalia. Небольшой сборник школьных виршей половины прошлого века на чешском языке, но плод музы словацкой, и вирши, глав. обр., надгробные. Учитель Korbely плачет над гробом некоего Benda Martina в Чернянской школе в 1760 году, органист Павлович - в Модене в 1772 году. Для биографии Рыбая могут быть несколько интересны его стихи над гробом Адама Привницкого в Щавницах, когда сам он еще был кандидатом на место пастора: «Pohřebnj uctiwost w krátké rádečky uwedená, 1783, 17 zárj řjkana w

kostole Sstáwnickém, které z lasky k zemřelému sepsal, a sam přečítal po kázanj pohřebnjm Giřj Ribay, tehdaz čekanec řadu kazatelského...».

Как видно из последних строк, в виршах и язык, и правописание чешские, с обычными уступками местному говору: кое-где *r* вм. *ř*, неточное обозначение долготы. Таким чешским языком говорят и теперь словаки-лютеране.

Ribay Georg. «Lucubrationes de lingua et natione Slavorum in Hungaria».

Это собственноручные заметки того же Юрия Рыбая, о котором было упомянуто только что выше, его черновые материалы и статьи в числе девяти номеров. Из них более интересны:

1) Первые опыты Рыбая в чешском языке, стр. 1–31.

3) «*Sylloge vocum formularumque loquendi, quae vel obsoletae sunt hodie, vel singulari significato aut construendi ratione notatu dignae habentur inter Slavos Hungarie*», стр. 51–58, т. е. указания некоторых архаических, по мнению Рыбая, слов в нынешнем языке словаков. Напр. «*biecs* (читай *běč*) fuga - na biecs se otduchu», от гл. корня *бег* – ср. неопр. в великорусском *бечи, бечь; csrparlo*, что в чешском *čerpadlo* – черпак.

Если первое указание имеет кое-какой интерес, то второе никакого. Вероятно, эти замечания Рыбая были сообщены и Добровскому.

4) «*Observations de flexione tam nominum, quam verborum antiquis Bohemis usitata*» - любопытные для своего времени материалы по изучению языка старочешских памятников в школе Добровского.

Так, собраны примеры употребления в старочешском двойств. числа, форма наст. вр., аориста - стр. 61 и след.

Верно замечено о природе двугласных современного чешского яз. в старину и сравнительно с нынешним словацким. Рыбай говорит: «*diphtongos antiqui Bohemi tunc distincte ut hodie neque pronunciabant: mudru, sud, quod etiam num in quibusdam Moraviae regionibus, apud nos, Hungariae Slavos, obtinet*» - стр. 65 и сл. В связи с этим Рыбай указывает в склонении и спряжении: «*in nominum verborumque inflexione haud raro receditur ab hodierna bohémica dialecto, magisque ad eam, quae in quibusdam Moraviae locis etiamnum obtinet, declinatur: mrauow, možes, držal, day, choway*», т. е. вместо того, как теперь чех говорит: *mravů, můžes, držel, dej, chovej*.

Немногие палеографические замечания о правописании старочешских рукописей XIII-XIV века: «*w raro occurrit, sed ejus loco plerunque ponitur u*».

5) Историко-этнографические заметки о словаках по трудам Антона Добровского и М. Бела, стр. 81 - 102. Бела, известного географа Венгрии прошлого века (†1749), Рыбай имел рукописное сочине-

ние «Notitia Hungariae nova. Pars I, tomus 5, complectens comitatum Trencsin – in manuscripto».

8) «Grammatical Slavo-Bohemica: a) De studio linguae bohemicae; b) De differentia et classibus Slavorum in Hungaria; c) Idioticum Slavo-bohemicum; d) Vocabularium hungarico-slavicum, seu verba Hungaris communia», стр. 139-181.

Под б) – об особенностях словацкого наречия - Рыбай ведет сравнение звуков родного языка и литературного чешского:

«a pro e – dussa.

č pro st – čerewa pro strewa (!), čeressně, (т. е. вм. чеш. třešně) čerenowy pro tržnowy (!).

dz, dy pro d; e pro j (т. е. í) – poťessenje; o pro e – srdco; o pro u – lono; r pro rz, rje pro rz... Verbum - som, bou, chodju, chodeu, peu, piu, dau, tau», т. е. слов. o вм. чеш. e (=ě), чеш. u, ý вм. u.

Под с) в словаре мадьярских слов, общих с словацкими, – более всего одна фантазия.

9) Сборник 680 народных словацких пословиц. По Юнгманну («История чеш. лит-ры», VI, № 145), рукопись Рыбаевой «Книги пословиц чешских и словацких» находилась и у Юрия Палковича (†1850).

Как кажется, все эти «lucubrationes», т. е. черновые бумаги, служили Рыбаю материалом для ученой переписки с Добровским, которая продолжалась более 25 лет. В «Переписке Добровского» - обширных материалах, собранных изв. чешскими библиографом г. Патерой, письма Рыбая к знаменитому аббату занимают большое место.

Ribay G. «Litteraria bohémico-slavica».

Как и предшествующий номер, собрание большей частью собственноручных материалов Рыбая, но литературного содержания. 6 статей.

1) «Zpráva o wsselijakých knihach českých a slowenských, we trech djlech obsažena». Это каталог книг из собственной библиотеки Рыбая и посторонних, 44 листа.

2) «Ribay Projectum Instituti sive Societatis Slavo-bohemicae inter Slavos in Hungaria erigendae, an. 1793», т. е. план основания ученого общества среди словаков. По мысли составителя плана, предметы занятий ученого общества имели быть следующие:

А) «Ipsa natio Slavica» – история, география, antiquitates (старина, обычаи);

Б) «Literatura Slavica» – памятники и рукописи словацкие, печатные издания, сделанные славянами, славянские типографии, школы и пр.

С) «Lingua Slavica». Язык должен быть рассмотрен всесторонним образом:

а) «*Fata ejus et vicissitudines in Hungaria*» - историческое изучение языка славян в Венгрии. «*Necessitas studii ejus* (языка славян в Венгрии), *publica et privata, in omni statu et vitae genere ostendenda. Ex. gr. dicunt domini juristae, quid sit dussnjik et dussnjcy et udvarnik in Códice Hungarico Minore? An Hungarus suam linguam ad leges* (здесь одного слова не разобрал) *et philologiae revocabit, nisi slavicas voces Hungaris usitatas dignoscere et dijudicare sciat - abuvitz, ablak asztal?»*. Рыбай указывает необходимость изучения славянского языка в Венгрии в интересе общественном - ввиду массы слов славянского происхождения не только в обиходном мадьярском языке — как *обувь* (?), *облок* (окно в словац.), *стол*, но в действующем венгерском законодательстве, как *dušnik, dvornik*. Постановка этого вопроса — изучение славянского элемента в мадьярском — свидетельствует о понимании задач славянской филологии у скромного протестантского пастора-словака.

б) «*Studium linguae philologicum*, ibi: 1) originationes vocum investigandae inprimis ex aliis cognatis linguis, ex. gr. *vterek* a russo *wtory*; 2) voces et phrases bohemicae Slavis (у словаков) usitatae; 3) voces et phrases apud Slavos usitatae bonae et noxae, colligendae et adhibendae priusquam novae fingendae; 4) proverbia bohemia et slavica, seu adagia sedulo colligenda».

в) «*Criticum linguae studium*: ob 1) voces et phrases antiquae; 2) dialectus variorum civitatum et locorum attendendae et observandae; 3) relaxio ejus investiganda ad linguas in Hungaria et alibi vigentes — ad Hungaricam, Polonicam, Moravicam, Ruthenicam, Vandalicam, Croaticam, Germanicam, Turcicam, Zingaricam, Latinam, Graecam...».

г) «*Modus et media*»: библиотека, добровольные сборы денег, типография, издание книг.

Как ясно из приведенных точек «Проекта», задачи Словацкого ученого общества резюмируются так:

1) *Этнографико-историческое* изучение языка словаков и других славянских народностей, прежде всего в Венгрии; изучение говоров, соби́рание народных пословиц (уже у знаменитого автора первой чешской грамматики, словака Бенедикта из Нудожер, †1615, обращено внимание на пословицы; в первой словацкой грамматике Бернолака 1790 года, объявившего разрыв с чешским языком, помещен довольно значительный сборник тех же пословиц); историческое изучение словацкого языка в связи с чешским; собрание и исследование славянского элемента в мадьярском.

2) *Сравнительное* изучение словацко-чешского языка в связи, прежде всего, с родными славянскими языками, а затем с языками родственными (турецкий язык попал, вероятно, по ошибке).

План Славянской академии у словаков Рыбая преследовал самые широкие цели - и в то же время поставленные на научную, а не на фантастическую почву, хотя, конечно, намечая правильно задачи, Рыбай не мог не понимать, как мало наличные ученые средства его словаков могли отвечать его патриотическим стремлениям. Но самая постановка вопросов, правильно схваченных, приносит бесспорную честь Рыбаю.

Научно-патриотические планы словацкого пастора, сотрудника Добровского, вполне отвечали духу его эпохи - гуманной эпохе иозефинизма, оживившей прежнюю мертвенную жизнь австрийской монархии. «Проект» Рыбая писан в 1793 году, а за три года перед тем вышло замечательное руководство по географии Венгрии Игнатия *de Luca*: «Geographie des Königr. Ungarn und der angränzender Länder Illyrien und Siebenbürgen» (в Вене), в котором автор, венский высокий чиновник, смело ратует за подъем местных языков в Венгрии - мадьярского и славянских. *De Luca* говорит: «С правления Иосифа в основу положен немецкий язык; все дела производились большей частью на нем; теперь, вероятно, мог бы сделаться деловым языком в канцеляриях мадьярский (*die ungerische*). Если Венгрия должна поскорее созреть для культуры, то единственное средство - сделать мадьярский язык всецело господствующим; *но это разумеется по отношению к действительным мадьярам*. Что же касается остальных жителей Венгрии, то объявление законов должно быть на том языке, который господствует в краю, откуда те родом. За это требование говорит свое слово гуманность» (стр. 203).

Широко шагали прекрасные затеи пастора Рыбая; но рано было думать о каком-нибудь их осуществлении. Сам зачинщик Словацкой академии всю свою долгую жизнь ограничился скромной ролью поставщика местного славянского материала в Прагу для Добровского. Только накануне своей смерти в 1812 г. Рыбай имел удовольствие видеть некоторые свои старые замыслы в жизни: в 1812 г. патриоты-евангелики — сам Рыбай, Лових, Голуби, Таблиц, Себерини и другие — основали в Баньской Быстрице «Словацкое литературное общество» («*Slovenská literární Spoločnosť Baňska*») для поддержания чешско-словацкой литературы; благодаря деятельности этого общества была открыта кафедра чешского языка в Штявницком лицее¹.

Собрание пословиц Рыбая (см. выше), конечно, пополняет «*Adagia*», что приложены к грамматике Бернолака; но оно осталось в кабинете. Как трудно, недоступно было этнографическое изучение Венгрии даже в первой четверти нынешнего столетия, видно из жа-

¹ «*Letopis Matice Slovenskej*», ročník I (Вена, 1864), стр. IV.

лобы знаменитого ученика Добровского, Шафарика, когда он, живя в Южной Венгрии, в Новом Саде, не мог достать никакими путями сколько-нибудь точных сведений о числе русских и словаков в Северной Венгрии для своей «Истории славянских литератур» (вышла в 1826 году).

На затронутый Рыбаем вопрос об участии славянского языка в мадьярском последовал, правда, ответ, и скоро, но со стороны мадьяра: в 1799 году трансильванец, доктор медицины Самуил Gyarmathi издал богатую для своего времени книгу «Affinitas linguae hungaricae cum linguis fennicae originis... nec non vocabularia dialectorum tataricarum et slavicarum cum hungarica comparata» (Gottingae, XXVI + 380)¹. После Gyarmathi трудно было бредить мадьярским этимологам, сделались невозможны утверждения таких даже серьезных людей, как, напр., знаменитый полигистор Трансильвании, современник Рыбая Benkő, который доказывал, что мадьярское *szomszéd*, т. е. наше сжсъдь, «ex *szóm*, id est vocem, et *szedő*, h. e. colligens, ut est natura linguae Hungaricae»².

Земляк Рыбая Юрий Палкович и чех Юнгманн, оба младшие современники Рыбая, занялись собирать «voces et phrases»: в 1821 году вышел «Böhmisch-deutschlateinisches Wörterbuch, mit Beyfügung der den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke und Redensarten» Ю. Палковича (2 тома, Пресбург); а в 1835 – «Slownik česko-německý» (1-й том, Прага).

Наконец, «voces et phrases bonae et poxae» - предмет, которым в настоящую минуту занимаются чешские «Brusy» - на «kazimluy» - «оселки» против «оскорбителей» языка.

Возвращаемся к оставленным литературным материалам Рыбая.

¹ Об этом замечательном филологическом труде доктора медицины прошлого века, прошедшем у современников и позже едва замеченным, мы только что нашли, и к нашему особенному удовольствию, следующий высокосимпатичный отзыв знаменитого немецкого ориенталиста наших дней Г. Габеленца. Сказав, что первый толчок к новому изучению языков дан был философией XVIII в., Габеленц продолжает: «Затем пришел второй. В 1799 г. Gyarmathi сравнил грамматически одну часть языков финского (угрского) поколения относительно их сродства. Что его труд не открыл собой эпохи подобным образом, как вскоре после - работы Боппа и Гримма, вина этого лежала не в его направлении, но в избранном предмете». «Die Ostasiatische Studien und die Sprachwissenschaft» в журнале «Unsere Zeit», 1881, 2, стр. 279).

² «Transilvania, sive Magnus Transilvaniae principatus». Pars prior, t. I (Vindobonae, 1778), стр. 454.

3) Разные словарные выметки.

4) Замечания на языке Библии в русском переводе Фр. Скорины и на хорватский перевод Нового Завета по Тюбингенскому изданию 1563 года, но писанные не рукой Рыбая.

5) Небольшие замечания на латинском языке и также не руки Рыбая о *славянских рукописях и старопечатных книгах в епископской (русской) библиотеке в Мукачове*. Вероятно, кто-нибудь из русских священников в Мукачове делал эти краткие заметки по личной просьбе Рыбая в связи с замыслами последнего о Словацком учебном обществе. Интересна первая заметка как свидетельство (если только автор сам не ошибался), что в конце прошлого столетия в кафедре русского епископа были еще старые русские, след., местные рукописи.

«§ 1. Porro (заметки из Мукачова, вероятно, без начала), - говорит неизвестный автор, - in eadem bibliotheca Eppali Munkacsiensi multo plures (раньше была речь о словацко-чешских рукописях?) numerantur veteres codices, inprimis liturgici, in lingua potissimum Slavoliterali, sed jam ad Russicam-Ukrainensem (т. е. со следами малорусского наречия), jam ad Polonicam, jam ad Croaticam et Dalmaticam (сербской рецензии?), hic illic flexa, tum *manuscripti*, tum etiam typographici, quorum aetatem et locum editionis ob defectum initialium et finalium paginarum, defectum item legum Paleologiae Slavicae, huc dum assequi non licuit».

Последнее признание - осторожное и вполне совестливое. Достаточно вспомнить, что много позже знаменитый славянофил канцлер Румянцев писал митрополиту Евгению в минуту отчаяния: «Да когда же у нас будет славянская палеография? Полагайте начало!»..

Далее следует коротенькое описание старейшей, по мнению анонимного автора, славянской печатной книги в библиотеке мукачовского епископа - Четвероевангелия, изданного в Брашове (Кронштадт в Седмиградии) «жупаном Ханьшем Бегнером». Автор не ошибся, ибо Брашевское евангелие около 1500 года. По справке с «Описанием славяно-русских книг» И. Каратаева (вып. I, СПб., 1878) оказывается (стр. 22), что это известие мукачовского сотрудника Рыбая о Четвероевангелии Бегнера - тот источник, из которого славянские библиографы впервые узнали об этой старопечатной книге, доселе, впрочем, стоящей под следствием: Добровский получил сведения о ней от Рыбая, а от Добровского узнали другие. Заметим, что у г. Каратаева ошибочно стоит, что экземпляр Брашевского евангелия находится в Мункаче и в скобках — Унгваре. Если он и теперь есть, то только в Унгваре (Ужгороде), столице мукачовского епископа, а не в Мункаче (Мукачове), как и в то время, когда дано было первое

известие об этом евангелии анонимом для Рыбая - Добровского: в Мукачове кафедра была до 1780 г.

Ясно, так. образом, что ввиду заявления мукачовского библиофила прежде высказанная нами мысль о непременном существовании славяно-русских рукописей, особенно богослужебных, в былое время в православных церквях русской Венгрии, о существовании русского книжного дела там получает новое подтверждение - если только, повторяем, в словах очевидца-корреспондента Рыбая из Ужгорода нет ошибки.

Нельзя не спросить потому: да где же делись эти былые «*veteres codices*»? По слухам, в Ужгороде старины нет. Посетил я лично старый Краснобродский монастырь, но ничего не нашел. Не забудем еще одного обстоятельства. Русских униатских (до половины XVIII в. — православных) монастырей в настоящее время немного — шесть: но до церковной реформы Иосифа II их было больше. Иосиф II закрыл русские монастыри: Uglya, Baranya, Bedö, Barzanfalwa - мукачовской епархии (тогда единственной) — и все они в Мармароше¹. Где их архивы?

Может быть, существуют, но припрятаны страха ради и русские грамоты. Такие фамилии, как Андраши, гр. Старай, русского происхождения. О гр. Старае рассказывал мне даже один из местных русских, что он нечаянно видел у него пергаментные грамоты кирилловского письма; но при его появлении они были тотчас же упрятаны.

Итак, когда-то существовали местные русские рукописи. Но теперь местные ученые мало заинтересованы своей стариной; Рыбай же не являются. А поколение пытливых галицко-русских ученых, как Головацкий, Петрушевич, — этих бескорыстных патриотов, которые много потрудились для исследования русского края по сю и по ту сторону Бескида (Головацкий в 30-х годах рыскал с опасностью жизни промеж угорских русских), в самой Галиции сменяется людьми, которые забывают служить своей бедной русской родине.

(Продолжение следует)

Одесса. 11 февраля 1881

Источник: Кочубинский А.А.. Славянские рукописи Пештского музея и, в частности, «русская» рукопись 1803 года (Посвящается моему товарищу Ф.И. Успенскому) // Русский филологический вестник. 1881. Т. 5. С. 180–207.

¹ *Ign. de Luca*, op. c., стр. 343.

Source: Kochubinskii A.A. Slavic Manuscripts of the Museum of Pest and, in particular, the Russian of 1803 (dedicated to my friend F.I. Uspenskii). *Russkii filologicheskii vestnik* [*Russian Philological Newsletter*]. 1881. Vol. 5. pp. 180–207.

Кочубинский Александр Александрович (1845–1907) – уроженец Кишинева, русский историк, филолог, славист, профессор кафедры славяноведения Новороссийского университета, действительный статский советник. Автор многочисленных трудов по истории славяноведения, языкознанию, истории западных славян и южных славян. Ряд работ ученого посвящен истории и языку русинов Карпатской Руси и Трансильвании, а также Молдавского княжества (Бессарабии). Благодаря А. Кочубинскому в научный оборот были введены новые источники по истории русинов.

Aleksandr A. Kochubinskii (1845–1907) – born in Kishinev, a Russian historian, philologist, slavist, professor of the New-Russian University of the Faculty of Slavic Studies, actual state advisor. Author of numerous works in the history of Slavistics, linguistics, history of the Western and Southern Slavs. A series of the scholar's works were dedicated to the history and language of the Rusins of the Carpathian Rus' and Transylvania as well as of the Moldavian Principality (Bessarabia). Thanks to A. Kochubinskii new sources regarding the history of the Rusins were brought into scholarly circles.

УДК 94(439)+94(47)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/8/5

О РУССКОМ ПЛЕМЕНИ В ДУНАЙСКОМ ЗАЛЕСЬЕ

А. Кочубинский

Резюме

Статья представляет собой дополненный доклад на VII Археологическом съезде в Ярославле. А. Кочубинский проводит параллели между финно-славянским Залесьем Верхней Волги, где русские славяне ассимилировали финно-угорские племена, и Дунайским Залесьем (Средний Дунай, Трансильвания, Семиградия), где русский элемент выступил «в пассивной роли поглощенных нами финнов Волжского Залесья». Автор приводит многочисленные топонимы, гидронимы, орографы, свидетельствующие о давности проживания русского населения (русинов) в Трансильвании.

Своим докладом исследователь хотел обратить внимание русских ученых на «забытое» Придунайское Залесье. Изучение истории русского (русинского) населения Трансильвании поможет объяснить историю происхождения этнонима «русский» и понятия «Русская земля»

Ключевые слова: А. Кочубинский, русины, Венгрия, Дунайское Залесье, Трансильвания, валахи, румыны.

REGARDING THE RUSSIAN TRIBE IN THE DANUBIAN “LANDS BEYOND THE WOODS”

A.A. Kochubinskii

Abstract

The article presents as an additional lecture at the 7th Archeological Meeting in Yaroslavl. A. Kochubinskii presents a parallel between the Finnish-Slavic “Lands Beyond the Woods” of the Upper Volga, where Russians assimilated the Finno-Ugrian Tribes, and the Danubian (Middle Danube, Transylvania, Siebenburgen) where the Russian element emerged in a “passive role of the assimilated Finns of the Volga “Beyond the Woods”. The author gives multiple toponyms, hydronyms, orographs which bear witness to the antiquity of the existence of the Russ population (Rusins) in Transylvania. In this article the author wanted to bring to the attention of Russian scholars the “forgotten” Danubian Lands “Beyond the Woods”. The study of the history of the Russian (Rusin)

population of Transylvania will help to explain the history of the origin of the ethnonym “Russian” and the meaning of the “Russian Land”.

Keywords: A.A. Kochubinskii, Rusins, Hungary, Danubian Lands “Beyond the Woods”, Transylvania, Vlachs.

1

В стране, где так осязательно слышится двуязычие топографических имен, немых свидетелей двух чередовавшихся племен (а с тем и культур) — автохтонного, финского и пришлого, славянского, естественно остановиться вниманием на области исторической этнографии.

«E linguae vestigiis gentis origines vestigare» — заповедь эту, заповедь новую в науке, завещал потомству Лейбниц, и эти *vestigia*, добываемые из гидрографических имен здешнего края (конечный слог *ga*: Вол-*га*, Тол-*га*, Моло-*га* и пр.), свидетельствуют, и вполне безобидно, что первое, хотя и слабое, но все же исторической жизни зерно положено было финнами; анализ же местных в тесном смысле имен (место — поселение, город) указывает, в свою очередь, на раннюю смену первичного населения более энергическим и более приспособленным арийским элементом в лице славян. Только такие имена, как Суздаль, редчайшими оазисами попадают среди славянской массы и нарушают гармонию в топонимии края¹.

Таким образом, не зная города финская жизнь сменилась городской, славянской; мы, рано вторгшись в северную территорию аборигенов Европы — финнов, дали ей иной характер, внесли в нее жизнь высшего типа.

Этот простой вывод из обзора топографических имен Верхнего Приволжья остается непоколебимым, как бы богаты ни были в будущем детальные исследования былой жизни края, как бы разнообразны ни были частные заключения.

¹ Имя города *Костромы* представляет затруднение для анализа, именно суффикс его *-ма*, но не корень. Ибо в великорусском наречии и в польском языке имеются существительные: *костра* = *кострина*, *kostra* почти с тождественным значением жесткого луба, коры в первом, жестких волокон льна во втором. Ср. и в чешском *kostrba* — косматый, *kostruka* — костыш пера. Может быть, того же образования и наше *костер*, и однозначнее с ним в чешском *kostra*. Наши же *кость*, *кострец* сюда не идут. В одном из рефератов наст. съезда было предложено толкование Костромы из языка чувашского: «истрескавшаяся-де от солнца земля». Но, помимо очень хитростного значения, заметим, что мало еще подобрать несколько близко звучащие слова или корни: таким приемом можно доказать все, и его наука должна крайне остерегаться. На самом деле не так просто «e vestigiis vestigare», как это может иногда казаться.

Из финно-славянского Залесья Верхней Волги перенесемся в иное, далекое Залесье Среднего Дуная, чтобы здесь попытаться е vestigiis linguae местной топонимии извлечь былой этнический характер края, воскресить народность его первообитателей. Мы говорим об обширной, но полутемной доселе Трансильвании (Transilvania). Здесь мы встретимся с нашей же картинкой — сменой двух народностей, двух культур, но при той оригинальной особенности, что здесь жизнь высшего типа сменилась низшей: но здесь мы, русские, славяне, найдем себя в пассивной роли поглощенных нами финнов волжского Залесья. Не везде, не всегда история дает плюс — явление известное.

2

Валах, румын, как он сам себя называет, т.е. романец, романизированный славянин, как нам думается, — вот господствующее, и в крупных массах, население Дунайского Залесья, иначе Трансильвании. Последнее название обязано канцелярскому латинскому языку старой Венгрии: в грамотах ее то «ultra sylvas», то «trans sylvas»; отсюда перевели мадьяры свое «Erdély» — из *erdö* — лес и частицы *el* — далее, чрез (ср. *erdöntuli* — по ту сторону леса находящийся, т.е. *transylvanus*); от мадьяр уже взяли румыны свое Ардеал¹. Что же касается нашего Семиградия, то это рабский перевод немецкого *Siebenbürgen*, а этот термин, в свою очередь, образовался, по народному недомыслию или осмыслению местных немцев, из великомадьярского имени главного города Трансильвании, Германштадта — Сибин, по речке того же имени (*Szeben*): сначала *Ssiben-burg*, затем *Sieben-bürgen*.

Сплошной валахский фон этнографической картины современной Трансильвании слегка варьируется оазисом немецких поселений на юге около Германштадта, на севере по реке Быстрице (*Feistritz* у немцев, *Bestersze* у мадьяр и в грамотах XII—XIII столетия) и пятном густых поселений мадьяр-секлеров (последнее имя в связи с мадьярским глагольным корнем *szek*, откуда *szekeb* — жить, обитать, *szek-hely* — обиталище, следовательно, поселенцы, колонисты) на востоке, по самой границе с Молдавией. Болгары, сербы, армяне, греки, цыгане составляют такую ничтожную крупницу, не только в отдельности, но и вместе, что в этнографический расчет входить не могут. Ничтожны эти элементы были и в прошлом столетии, как

¹ Terra ultra sylvas, с точки зрения мадьяр, расположившихся главным образом в Паннонии. И сегодня главное зерно, масса мадьярского народа на пространстве между Дунаем и горами Штирии. В последнее время явилась попытка самое мадьярское название Трансильвании вывести из латинского (румынского) языка (о ней у нас ниже); но она — плод увлечения.

свидетельствует, напр., того времени знаменитый историк-этнограф Иосиф *Benkő* в своей классической «Transsylvania» (о ней ниже). То же должно сказать и о собственно мадьярах — немногих помещиках, чиновниках.

Немецкие поселенцы — это пришлецы с половины XII века, именно с нижнерейнских краев, отсюда в современных грамотах их титул «plantatio flamaniensis» — из Фландрии. Секлеры — с X–XI столетия, ибо только в конце IX сами мадьяры утвердились в Паннонии, на Среднем Дунае, в исторической епархии св. Мефодия, предстоятеля славянской церкви Мораво-Паннонской, и отсюда уже могли пройти за горы, за леса, в Erdő-el¹.

Ввиду указанного распределения этнографических элементов в современной Трансильвании естественно полагать, что валах, основной слой населения сегодня, был с тем же характером и лет, например, за тысячу назад. Но этого и не было. Если мы даже, вопреки популярной, но сбитой кое-как теории Рёсслера, допустим более вероятную, более правдоподобную гипотезу о присутствии на Северном Дунае валахской стихии в эпоху свв. Кирилла и Мефодия (мы не касаемся размеров, количеств ее), то тем не менее не только о бок с этой стихией, но элементом доминирующим тогда мы должны, безусловно, признать иной элемент, воскрешаемый *e vestigiis тонографических* имен края. Этим элементом были славяне.

Таким образом, валах доминирует в жизни страны, славянин — в ее топонимии.

Орография (в порядке азбучном):

Бык — вершина на с.-востоке.

Быстричора, откуда вытекает река Быстрица.

Волкан (на юге).

Вуран — *Верх* (или, как обыкновенно произносят валахи, — Верф).

Дед, у мадьяр *Det-hegy*, где *hegy* значит хребет, гора.

Дел (у валахов *dealu* ибо *e = ea* в их устах). Ср. в Карпатах, у русских — *Дия*, с *e = u*, гора, хребет².

¹ «Весьма вероятно, — говорит современный этнограф Венгрии, известный профессор Пав. Hunfalvy, — что уже около 950 года мадьяры заняли Трансильванию» («Ethnographie von Ungarn», в переводе Schnicker'a, Budapest, 1877, p. 142). Здесь разумеется исключительно политическое занятие. Отсюда в XI столетии страна иногда называлась «Ungria nigra», т. е. мадьярами не заселенная (там же, p. 228).

² Конечно, у румынских ученых, у которых на первом месте фантастический патриотизм, имя *дел* румынского происхождения и от румын перешло к славянам — иначе оно в славянском языке «необъяснимая загадка». «In limba slavica *дел* (!) wie si insemnarea de *munte* si la acestu — a refere

Обрина (ср. в старослав. яз. *обр* – *gigas*, в чешском – *ov, obrovsky* – чудовище, чудовищных размеров).

Прислон (Priszlop).

Русска, т. е. гора (Ruszka у мадьяр, Russberg у немцев) на юго-западе, откуда Черна, приток Мароша.

Стол (у мадьяр Astalko, от *astal* из слав. *стол*).

Темного происхождения *Batra, Batrina* (хотя, несомненно, *-ина* славянский суффикс и прямо Батрина – прилагательная форма от Батра; последнее не от *ватра* ли, со значением *огонь?*), *Sarmas, Bumasza, Sakedat*.

Гидрография:

Быстрица (Feistritz, Beszterche), главный приток Самоша. Где славянин, там и Быстрица. Вспомним и наше *быстрина*, синоним старослав. бръзина *fluentum*.

Думбрава (Dumbrava), буквально = старослав. **ДЖЕРАВА**. В уменьшительной форме приток Дуная, на котором лежит Букарешт – Dumbovita. Вспомним массу местных имен в нынешней Румынии – гор, поселений, долин, в основной или ласкательных формах: Dumbrava – 8 раз, Dumbrăvita – 6 раз, побочные: Dumbravu – гора и долина, Dumbrăveni – 5 раз, Dumbrăvesci – 2 раза¹. Уже само присутствие этого славянского имени в топонимии бассейна Нижнего Дуная говорит о его старине.

Злата, небольшой горный поток, слева в Марош. Заключаем по этому славянскому названию притока в виду: 1) имени его у мадьяр, которые буквально перевели *Aranyos* (так он теперь сливет), от *arany* – золото; 2) имени некогда славянского города, горнопромышленного поселения: у мадьяр *Zalatna*, у румын *Zlanka*, у немцев *Schlaten* и *Goldmarkt*, в старом официальном языке – *Auraria*. Мадьяр, румын и немец, каждый сообразно с требованием своего языка, сделал перемену, но столь малую, что первоначальный славянский облик просвечивается ясно.

Красна, приток Самоша наверху.

invetiaturu slavistu (т. е. акад. Миклошич в своем знаменитом мемуаре) si romanesculu *dealu*, – говорят Lauriami и Massimu в своем «Glossariu... vorbele d'on limba romana straine» (Bucuresci, 1876), – dero in limba slavica cuventulu sta de totu isolutu (!), pre candu in romanesce se afla intr' una familia destulla de intensa: *delutiu* etc.; dero in limba slavica cuventulu este una enigma inesplicabile, si prin urmare cu mai multu dereptu, pote cineva afirma, co cuventulu d'in limba romana a trecut in cea slava» (p. 220, 2 столбец).

¹ Frundescu Dimitrie «Dictionaru topograficu si statisticu alu Romaniei», Bucuresci, 1872, p. 178.

Лопушник, приток Мароша, отыменное имя от лопух, а в связи с лапа, литовским *lapas ein Blatt am Baum* и пр. Ср. румынское *laba* из славянского *лапа*.

Поток – в названиях поселений *Sar-Patak, Koros-Patak* и пр., естественно, по местным речкам – потокам: славянское имя *поток* в мадьярских устах *patak*.

Топлица, в различных местах страны. Название в связи с особыми свойствами воды. Ср. Теплу, на которой лежит знаменитый Карлсбад, не замерзающую у последнего и зимой.

Черна, горный приток Мароша и тот знаменитый приток Дуная, на котором стояла Colonia Csernensis императора Траяна.

В то время как небольшие реки (притоки, ручьи) крещены были от славянского языка, три главные реки, прорезывающие альпийский край Залесья от востока на запад – *Aluta-Olta, Marosh* и *Самош*, названиями своими относятся к эпохе до Рождества Христова, как первые две или как Самош – темного происхождения, хотя крупный приток его наверху носит славянское имя – Быстрица. Сохранение же старых имен за главными реками и новая славянская топонимия для вод побочных говорит о направлении или этапах постепенно усиливавшейся славянской колонизации – от низу к верху, от долины к горе и в горы. Таков общий закон заселения альпийских краев.

3

Но если в Залесье Верхней Волги автохтонный финский элемент ограничивается гидрографическими названиями, то в Залесье Дунайском заступающий его элемент славянский ограничения этого не знает. И названия населенных мест с различными культурно-историческими напоминаниями и указаниями здесь того же славянского характера, и само число их поразительно. Оговариваемся наперед, что эти названия или звучат чисто по-славянски и сегодня, или легко узнаются под современной их мадьярской и румынской формами, или предлагают простой перевод со славянского. Если археолог справедливо дорожит каждой безделушкой, вырывающейся из тысячелетней могилы, то с тем возбужденнейшим чувством относится испытатель языка к топографическому материалу полумифического края. Он равнодушным быть не может, когда перед ним из-под мертвых имен встает целый живой народ, когда (да извинят вольность!) его лингвистический заступ выносит на свет из мрака веков целую цивилизацию. Но неравнодушие его усиливается сознанием, что из-под могил этих заговорят к нему родным языком.

1) Начнем с простых невзрачных поселений при двух названиях: официальном мадьярском и обыденном румынском, причем из массы их выбираем немногие, например сохранившие ринезм.

Domb, рум. *Dimba*; *Dombro*, рум. *Dumbrava* – оба от ст.-слав. **ДЪБЪ**. Ср. выше.

Golumba и *Galamb-falva*, от **ГОЛЪБЪ**.

Gombacz, от **ГЪЖКА**.

Glimboka, от прилаг. **ГЛЪБЪКЪ**.

Gerend, вал. *Grind*, от **ГРЪДА**.

Lunka, от **ЛЖКА**, восемь поселений.

Deva, мадьярск. *Dyeva*, от *дева*.

Pestere (*s = ш*) от *пештера*.

Strazsa (*zs = ж*), от *стража*.

Ternavizca, от *трень* (в выговоре *терн*).

Cserna, от прил. *чрьнь* и др.

2) Города

Fejér-vár Dobra, что у немцев бесцветный *Karlsburg*: мадьярский термин – буквальный перевод славянского *Белград*, почему по-латыни *Alba-Carolina*.

Vaszar-hely, но у валахов *Гредиште* и *Градиште*.

Kapnik-banya, т. е. Копник, копальня, место добычи металла или минерала, как это и объясняется второй частью и также славянской – *banya*: *ban'a* в словацком языке *Erzgrube*, *Bergwerk*, в галицко-руском – рудокопня тож.

Kolos-var, у немцев *Klausen-burg*. Раньше, как показывают латинские грамоты XIII столетия, название этого города звучало *Klus-var* или просто *Klus* (читай Ключ) – из слав. *ключ*. Память этой именно связи мы усматриваем в латинском имени города – *Claudio-polis*, где первая часть – *Claudio*, по лживому народному осмыслению, вместо *Clavi*, при *clavis* – ключ, подставлено собственное личное имя на место нарицательного *ключ*¹.

Kraszna.

Прибавим еще немецкие города: *Bistritz* на севере и *Reussmarkt* на юге, между Германштадтом и Белградом. *Reussmarkt* иначе пишется *Reissmarkt*, *Russmarkt* и в старину *Forum Ruthenorum*, т.е. Русский Торг, Торжок. Следовательно, у немца буквальный перевод.

Мы выключаем чисто мадьярские города, напр. у секлеров, хотя и звучат они чисто по-славянски как *Pentek*, *Csek-Szereda*, просто *Szereda* у Градишта (на карте Кипперта и других немцев грубые ошибки: *Schereda* – по незнанию, что в мадьярской графике именно *sz = s*, славянскому *с*), ибо у мадьяр и сегодня названия дней недели или чисто славянские, живущие в их устах непосредственно от эпо-

¹ Ср. и *Roessler* «Romanische Studien», Leipzig, 1870, 131, примеч.

хи св. Мефодия, взятые из языка его, именно от среды по субботы: *szereda, ctötörtök, pentek, szambath* (срѣда, четврѣтъкъ, пятъкъ, жеота), или образованы по типу того же славянского языка как *kedd* — вторник из *ket* — два. Следовательно, те города могли начать свою жизнь уже и позже, с эпохи мадьяр.

Возьмем ли карту расселения славян в IX веке, мы найдем массу *Белградов*. Ограничимся югом: Белград, что ныне Аккерман (турецкий буквальный перевод) у устья Днестра, Белград сербский, Белград венгерский (*Stuhlweissenburg, Fejer-var*) и даже Белград на территории теперь уже итальянской, на Адриатическом море. Вероятно, крупные укрепления и земляные, в противоположность старым деревянным укреплениям и старым небольшим городищам (вспомним деревянные укрепления даков на колонне Траяна), послужили поводом к этому столь популярному славянскому названию.

Но старее Белградов и важнее для исторических соображений градища, городища; старее Залесского Белграда — *Гредиште* = *Vaszarhely*, в глубине страны, на Мароше. Самое название говорит ясно о значении этого места в ту эпоху, когда Гредиште населяли не румыны, а те, в языке которых это имя имеет общее знаменание укрепленного пункта — славяне. Не лишено для историка особенного интереса то обстоятельство, что именно на месте этого Гредишта (*Vaszarlehy*) стояла знаменитая Сермигетуза, укрепленная столица полумифических даков, причем второго Гредишта не имеется.

Переходим теперь к местным именам особенно культурного значения. Эти имена произведены от немногих славянских слов, но слов высоколюбопытных, а самих имен много.

4

Если в настоящее время Восточные Карпаты — центральный пункт добычи каменной соли в Европе, снабжающий этим дорогим минералом массу земель на север к Балтийскому морю, то это культурно-торговое значение их идет от глубокой старины.

Каждый из нас знает лично или понаслышке знаменитые соляные копи Бохни и Велички, но не ими началась добыча соли в Карпатах. Они с XII и XIII столетий. Величка известна с половины XII столетия: часть соляных доходов ее шла на первые монастыри старой Польши; Бохня же основана только в 1253 году, когда князь Болеслав выдал привилегию на соляной промысел здесь некоему Николаю из силезского Лигница¹. Много раньше их их современное торгово-промышленное значение имел альпийский край в тылу — наше Залесье.

¹ «Słownik geograficzny Polski», варшавское издание, s. v.

Возьмем карту собственно Венгрии.

В углу, образуемом Средним Самошем, на меже с Трансильванией, лежит комитат — венгерский *Szolnok* (Kőzer); на том же Самоше, но уже в Трансильвании, лежит другой комитат того же имени — *Belső Szolnok*. Это имя за обоими смежными комитатами идет от старинных документальных свидетельств, напр. грамот. В местных грамотах это имя пишется многоразлично: *Zonnuk* (1197 г.), *Zaunuk* (1199 года), *Zanogh* (того же), *Zonukien* (1213 года), и только в грамоте 1238 года почти правильно: *Zolnuk*¹. Это мадьярское имя. *Szolnok* (*sz* = нашему *с*) сами мадьяры ведут из славянского языка, именно *szolnok* — необходимая по свойству вокализма мадьярского языка переделка славянского *со́льник*, первое значение которого — место добычи соли, соляная россыпь, *fodina salis*. Валахи сохранили то же славянское слово в своем языке, но с вторичным суффиксом: рум. *солнице* значит соляная россыпь. Прибавим, что и само слово для соли мадьяры взяли от славян: соль по-мадьярски *so*, отсюда *sóakna* *Salzwerk*, *Salzgrube* (об *akna* — ниже), *sóbánya* с тем же значением (о *bánya* — ниже). Долгое *o* в *só* — память опущенного *l*, как и в сербохорватском, где также *so* (=соо) из *соль*².

Усвоение и утверждение мадьярами навсегда соляного имени из славянского языка за целыми двумя комитатами говорит ясно, что разработку здесь соли застали мадьяры при появлении своем в Карпатах, и что промысел этот находился в цветущем состоянии, а хозяевами его были местные славяне. Начало же соляного промысла падает в седую старину — это ясно из предыдущего.

Но еще любопытнее *со́льника* второе соляное название в топонимии края с тем же значением *salifodina* и того же славянского происхождения.

Карта Трансильвании унижена местным названием *Akna* — в устах

¹ Грамоты тщательно собраны в капитальном издании Венской академии наук: «*Fontes rerum Austriacarum*», II. *Diplomata et acta v. XV*, «*Urkundenbuch zur Geschichte Siebenbürgens*», I. Th., herausgegeben von G.D. Teutsch und Fr. Firnhaben, Wien, 1857. Большинство грамот этих перепечатано с не везде удачными вариантами, недавно в известном румынском собрании E. Hurmuzahi «*Documente privitoare la Istoria Românilor culese de —, publicăte sub auspiciile Academiei Române*», vol. I, 1199—1345, Bucuresti, 1887. Мы пользуемся главным образом венским изданием — и здесь, и ниже.

² Hunfalvy, делая замечания на книгу Jung'a «*Roemor und Romanen*» (1877), указывает: «Und in Siebenbürgen sollte sich das Römerthum erhalten haben, wiewohl es sogar den römischen Namen des Salzes vergessen konnte? Denn heutzutage finden wir überall in Siebenbürgen und der Walachey, wo Salzbergwerke waren und noch sind, die slawischen Namen *Szolnak*, *Slanik*, *Akna* («*Litterarische Berichte aus Ungarn*», I, 2. Heft, p. 240).

мадьярских, Окна — в устах румынских. 2 города и 6 поселений носят это название и, как показывают грамоты XII—XIII века, с очень старого времени¹. О нарицательном значении самого термина мы можем догадываться уже из названий тех же мест у немцев: Акна у них то *Salzburg*, то *Salzgruben*, то *Salzdorf*. Поселившиеся с половины XII столетия немцы переводили существовавшие названия. Выражения грамот только что в сноске указанная переводятся «соляные копи, что называются Акна». Но обращаемся к самому мадьярскому языку.

Akna — мина, подкоп, яма в земле; отсюда *aknasz* — сапер; *alaaknaz* — везти мины В сложении: *só-akna* — соляная копь. Откуда же это слово, столь укоренившееся в мадьярском языке? Заметим, что при заимствовании мадьярами славянских слов гласная *o* с ударением или без него меняется на *a*: *поток* — *patak*; ~~сжбота~~ (в носовом *o* гласный) — *szambat* и пр. Ввиду этого и нарицательное *akna*, и собственное имя *Akna* есть славянское *окно* (**ОКНО**). Что это действительно так, свидетельствует то же местное имя в устах румын: *Okna*. Но справка с румынским языком важна в другом отношении — в твердом установлении нарицательного значения термина *Akna*, *Okna*. Здесь есть слово **окнѣ** (*окнь*), и значит, именно *salis fodina* — соляная копь, россыпь. Но *akna* в языке мадьяр, *окна* и **окнѣ** в языке румын имеют один общий источник — славянский, славянское *окно*, побочная форма от *око* с суффиксом *н* и с общим значением дыры, отверстия, ямы в чем-либо, потом с значением более узким — дыры в земле, где разрабатывается соль, соляной копи. Наконец, от славян то же слово вошло и в среднегреческий язык — *ókva* — *foramen dolij*². Седая же старина самого слова *окно* указывается не только грамотами XII стол., но и глубоким водворением его в языке мадьяр и румын. Для истории же семасиологии слова *око* вспомним и развитие значения того же слова в литовском: *akis* — око, глаз; но то же *akis* — и дырка, отверстие в сыре и пр.

Ввиду всего вышесказанного можно безошибочно утверждать, что, где название *Akna*, *Okna* встречается в стране, там были действительным добычи соли; повторяемость же самого названия говорит о широком распространении в стране соляного промысла. Уже почти излишне упоминать, что этот драгоценный в быту минерал — каменная соль «*sal terrestris*» грамот³ — в «окнах» добывался славянскими

¹ *Deutsch-Firnhaber*: villa de Acna, 1197 года; «... et salifodinas que Akana vocantur»; 1222 года (№ XVIII); «...salis fodinas etiam que Acuna vocantur», 1222 года (№ XIX).

² *Du-lange*, «Glossarium med. graec.», 1036, s. v.

³ *Deutsch-Firnhaber*, стр. 55: «pro salibus vero terres tribus...» (1233 года).

руками, руками тех людей, из языка которых и получили те места свои названия Акна, Окна, которые познакомили с этой отраслью горного дела зашедших в X столетии мадьяр и формировавшихся в среде их румын. «Повсюду в целой Трансильвании и Валахии, где существовали или существуют и теперь соляные копи, мы, — говорит известный мадьярский этнограф, проф. Гунфалви, — встречаем славянские имена *Szolnok, Slanik, Akna*»¹.

Естественно, если ученики славянских «доисторических» солекопов повели добычу соли далее, открывали их в новых местах столь богатой солью Трансильвании. Выгодный же промысел при легком обложении налогом рано из добычи соли сделал государственную монополию.

Так, новые соляные россыпи у Торды жалуются от короля Стефана на корм главного капитула Трансильвании «*ecclesiae beati Michaelis Transylvaniae*»: «*Volumus igitur quod ipsa salifodina de Torda, — говорит в подтвердительной грамоте своего отца Стефана король Владислав в 1276 году, — capitulo per kariss. patrem nostrum donata et ex nom per nos confirmata adeo sit libera et exempta ab omnibus officialibus nostris et woywodis..., quod nullo tempore ipsa salifodina et laborantes in eo possint uel debeant per eos impediri et quod Sales in ea incisi, tam in yeme, quam in estate sint liberi omnino et quod per aquas et per terras descendant libere ac secure*»².

Церкви разрабатывали, рублили («*incisi*») соль свободно своими людьми «*populis*» под надзором своих *officiates*³: «*volumus et concedimus, — говорил король Андрей в грамоте 1233 года, — quod ecclesie libere portent sales suos ad acclesias ipsas, et ibi sub sigillo salinariorum et prelati ellius ecclejaie, in qua sales deponuntur, qui pro tempore fuerint deponantur, depositique seruentur usque ad octanas S. Stephani vegis et tunc ab illo du usque ad natinitatem B. V. Marie (след. до начала осени) solnatur eis argentum pro salibus... secundum estimationem inferius adnotatam...*»⁴. Таким образом, торговая манипуляция с солью была приблизительно такая же, как нынче с табаком в Австрии. Цена на соль была невысока: «*pro salibus yero terrestribus dabimus inam marcam pro centum zuanis*». В городах были соляные склады, именно сольники. В самих же местах добычи соли король Андрей приказывал не продавать дороже, «*quam antiquitus vendi consuenerint ecclesiis, que consuenerunt emere sales*».

Таким образом, соляной промысел, начатый *antiquitus* — из эпохи

¹ «Literarische Berichte aus Ungarn», I Jahrgang, 2. Heft, p. 240. См. выше.

² *Deutsch*, op. c., p. 110.

³ Там же, следующая грамота.

⁴ Там же, p. 54.

домадьярской, развивался все более и более. Но о богатстве соляных копей в краю, о богатстве добычи свидетельствует низкая цена на соль еще в прошлом столетии. «Только за кусок в 80 фунтов, — говорит известный австрийский статистик того времени, — работник получал половину гроша; если же кусок менее весом, то не получал ничего»¹. Прибавим, что и в глазах этого статистика разработка неисчерпаемых соляных залежей в Трансильвании должна идти более тысячи лет², и что мы известное свидетельство Фульдской летописи 892 года о просьбе немецкого короля Арнульфа, обращенной к князю болгар, не снабжать мораван солью (буде об этом действительно пересылка была), можем понимать только в одном смысле — что речь шла о каменной соли из копей, из Окон Трансильвании, но не так, как объясняют это известие историки. Этнографу нередко приходится идти в дисгармонии с историком, противоречить «историческим» свидетельствам и выводам из них³. О старине добычи и вывозе карпатской соли и торговли ею мог бы сказать кое-что прелюбопытное и литовский язык своим оригинальным словом для соли — *drushas*; но об этом когда-нибудь будет речь отдельно.

Параллельно добыче каменной соли «*salis terrestris*» шла в Трансильвании и добыча, разработка второго горного богатства — металлов, и параллельно соляному термину в топонимии Залесья — *Окно* — идет металлический термин — *Баня*.

Действительно, такой альпийский край, как Трансильвания, славен не одной солью. Целый кряж гор, тянувшийся от Дуная на северо-восток и составляющий границу Венгрии и княжества Семиградского, носит имя *Рудных гор*: у немцев — *Siebenbürgisches Erzgebirge*,

¹ De Luca Ignac, «Geographie des Köm. Ungarn», Wien, 1791, p. 117.

² Там же, p. 115.

³ Уважаемый историк первых лет жизни мадьяр на Дунае профессор К.Я. Грот в своей книге «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века» говорит, например, объясняя то летописное свидетельство: «Дело в том, что у болгар была своя морская соль, которой они и снабжали мораван, когда немцы запрещали последним вывозить их баварскую соль. На нынешний Мармарош власть болгар, во всяком случае, не простиралась. Из этого известия ясно скорее, что *трансильванские соляные копи не были вовсе известны в ту эпоху...*» (стран. 90, прим. 2). Не говоря о том, как мало вероятия для IX столетия предположение о доставке *черноморской соли* в Моравию и еще вверх по Дунаю, когда и позже, и сегодня такой коммерцией никто ни занимался и не занимается, как мало в нарисованной историко-культурной картинке Трансильвании XI века исторического!.. Этнограф имеет дело с объективными фактами, а историк — с субъективными засвидетельствованиями, отсюда и раздор у них. Язык же для этнографа, что микроскоп в руках натуралиста.

у мадьяр — *Erc-hedység* (здесь *erc* из нем. *Erz* — металл, руда, *hedy* — гора, кряж). Здесь, по восточному или трансильванскому склону этих Рудных гор, расположены теперь и располагались (как надеемся доказать) от праседой старины рудники, процветает и процветало горное рудное дело, бойко шла добыча разных металлов — от железа и до золота.

Известно, что императорские римляне ссылали в нашу Трансильванию *ad metalla*, т. е. каторжников: но мы не позволяем себе думать, чтобы эти «художники» были первыми учителями туземцев в металлургии, Фовелами их, ибо уже сам Геродот отметил агафюрсов как утопавших в болоте.

Чаще чем соляные города и поселения, чаще чем Окна, мы на карте Трансильвании встречаем сельбища рудокопные, встречаем названия: у мадьяр — *Banya* (читать — баня), у румын — *Baja* (т. е. с пропуском мягкого *y*), а именно: 9 населенных мест с именем *Banya*, 3 в уменьшительной форме — *Banyjka*, *Banyiczka* (суффикс *urka* — славянский) и 2 с тем же именем в сложении — *Banyabük*, мадьярское население *Baja-de-fjer*, т. е. железный рудник, валашское. Эти горнозаводские пункты расположены, как замечено выше, густой цепью по склону рудного кряжа вдоль его быстрых, горных потоков.

Но что за имя рудокопен *Banya*, *Baja*, откуда оно?

Нарицательное значение имени *Banya*, как и повод к появлению его в топонимии края, уже просвечивается в названиях, под которыми слынут некоторые из тех пунктов у местных немцев. Так, *Banya-Bük* у них *Buch-grub*, где первая часть *Buch* — грубое, механическое осмысление второй части мадьярского названия *Bük*, и это из слав. *бык*, как называется известная гора. Так, *Baja-de-fjer* у них же — *Eisen-hammer*, где вторая часть — *Hammer*, собств. молот, — подобное же осмысление из старого немецкого же имени — *Kammer*, рудник. Но вполне ясно значение имени *Banya* в мадьярском языке: *Banya* или в сложении — *ercbanya*, это немецкое *Erz-grube*; отсюда *bányász*. *Bergmann*, рудокоп. Первая же часть в *erc-banya*, *erc*, немецкое слово *Erz*.

Уже ввиду этого последнего обстоятельства — что для понятия вообще о руде, металле в мадьярском языке нет своего слова, а взято из немецкого (хотя мадьяры и вышли из-под рудоносного Урала), позволительно предположить, что и термин *banya*, рудник — не мадьярского происхождения.

Действительно, слово *banya* — происхождения славянского. В словацком языке *baňa* именно рудник, рудокопня, *banské mesto Bergstadt*; в чешском *báňe* тоже *Erzgrube*, *Bergwerk*, затем *Thurmknopf*, *Kuppel* (макушка башни, купол). Замечательно, что все

эти чешские значения слова *баня* имеет и язык русских, что в Карпатах Галичины: *баня* — минеральная или металлическая копь, затем купол. Общепринято, что столь распространенное в славянских языках слово *баня* есть, в свою очередь, позаимствование из кельтского языка, из седой эпохи доисторических сношений славян и кельтов. Что же касается до семасиологической связи между русским словом *баня* — место мытья и тем же словом в языке словаков, чехов, русских в Карпатах, *bana* — рудокопня, то она дается в представлении о месте для промывки нечистой руды, снабжавшемся каким-либо нехитрым деревянным приспособлением.

Но могут возразить: согласны в относительно славянском происхождении мадьярского слова *banya* — рудник; но мадьяры могли позаимствовать как первые сведения в горном деле, так и слово *banya* от словаков в Венгрии и затем уже лично открыть горное дело в Трансильвании, где оно было заброшено и забыто в вихре так назыв. переселения народов, в период (мифический) гепидов, после римлян. Следовательно, частая встреча слова *Banya* в топонимии Трансильвании еще ничего не говорит о принадлежности этого местного названия эпохе до мадьяр, а потому и известности рудного дела того времени. Ведь аналогичное толкование мы сами допустили раньше для местных названий *Szereda*, *Péntek*...

Но в защиту туземности и имени *Banya*, и горного дела, им свидетельствуемого, мы обращаем внимание на следующие обстоятельства:

1) Если в Трансильвании был развит соляной горный промысел — а именно такую картину культурной жизни застали в стране мадьяры при своем появлении сюда в X—XI столетии, то было бы непонятно, каким путем могло быть совсем неизвестно в крае, столь богатом металлами, рудное дело. Кто раз пошел в утробу земли и сек там соль, тот не мог пройти мимо металла, руды.

2) Совершенно чуждые металлической культуры, чуждые не только добычи и элементарной техники производства, но и простейших орудий и принадлежностей домашнего обихода из металла мадьяры научились ценить употребление металла и его производство уже по водворении своем среди славян, но славян с юсами в языке, а не словаков. Имея свои термины для обоих благородных металлов: *arany* — золото, *ezüst* — серебро, а для железа — *vas* (если не немецкое заимствование), мадьяры пользуются чужим словом для олова, т. е. для археологических металлов по преимуществу из своего обычного источника — славянского языка: олово — *ólom* (и с ударением ударения). Правда, мадьярские ученые готовы отбросить

это отождествление¹: но оно слишком ясно. Темновато происхождение мадьярского термина для меди (и в славянском языке соответствующий термин представляет загадку), именно *rez*: может быть, он в связи с славянским *ржа*, *режда* — аегуго? Для обозначения металла вообще взято немецкое *erz* — *erc* и славянское *руда* — *rud*. Но обратимся к металлургическим терминам в мадьярском языке и к словам для самых обыденных предметов из металла, чтобы видеть, кто был Фовелом мадьяр.

а) Слова, относящиеся к обработке металла:

Држгъз, в польск. *drag* — рычаг; *dorong* — палица, шест. склада: *kaloda* Block.

клеп: *kelepelö*, *keleplö* — клепач, клепало; *kalápacs* — молот (с специальной усиленной вокализацией).

ковать: *sovacsol*, с массой производных от славянского корня *коу*, *ков*.

копать: *kopál*, *kapás* Gräber, кара — мотыга, кирка; отсюда и местное название *Kapnic-Banya*, т. е. копальня, рудокопня.

лопата: *lapát*.

молот: *kalapácska* (небольшой); но большой молот — *kovacs-kalápacs*; здесь два славянские корни: *ков* и *клеп* (см. выше).

мотыга: кара, от слав. корня *коп* (см. выше).

чекан: *csákány* Keilhane, Hammerbeil; *csákány* *kalapács* Spitzhammer, словацкое *oskrd*. «*Csákány*, — говорит г. Баласа, — kann sowohl aus dem türk. *sakan*, als aus dem sl. *cekan* kämmen (ор. с., р. 279). Но здесь одно совпадение.

щипцы: *csipővas*, собственно клещи.

б) Слова для орудий в домашнем обиходе.

бритва: *borotva*, *borotvatok*. Основная форма в славянском, вероятно, *брить*.

ГРЯДЬЛЪ: *gerendely* Wellbaum, Walze; в словацком — *hriadel*.

¹ Напр., г. Balassa Josef в своей критике издания Барнера «Die Slavischen Elemente im Magyarischen» говорит: «Olom (Blei) kann nicht aus slav. *olovo* entstehen; Miklosich bemerkt auch "m für v ist befremdent"; das Wort ist nach Budenz desselben Ursprunges wie on (plumbum)». «Ungarische Revue», 1885, р. 277. Словарь проф. Буденца это изв. «Magyar — Ugor Szotar». Итак, звук *m* мешает; но отождествлять *ölom* и *on* можно. Г. Баласа напоминает мне одних академических этимологов Румынии в своем утверждении, например, «*malom* (Mühle) und *molnar* (Müller) kommen vielleicht aus dem italienischen *molino* und *mulinaro* und nicht aus dem serbischen (!?) *mlin*, *mlinar*» (р. 279). Почему *млин*, *млинар* приурочены одному сербскому языку? Оба слова у всех славян, а с итальянскими братьями сближаются в силу общеарийского характера корня *мел*, *мол*.

ключ: *kulcs, kulcsbl* – запереть ключом.

подкова: *patko, patkol* – подковывать. Ср. и румын. *podcova, potkovescu*.

коса: *kasza, kaszál* – косить.

котел: *katlan*.

круг, кружка: *korsó*. Но г. Баласа ведет из турецкого *kolcag*.

лемеш (чресло): *csoroszlya pflugeisen*; в болгарском *чирисло*, в словацком *cereslo*. Источник заимствования неясный: возможен и словацкий.

скоба: *eszkába*, то же, что *csákánykapocs*.

секира: *bárd, ács-bárd* из слав. *брады*; ср. в чешском *bradatice*.

цеп: *cséplo; csépel* – молотить цепом.

в) Слова, относящиеся к вооружению.

корда: *kard*. Впрочем, для г. Баласы отношение обратное: персид. *kard* – сабля вошло в турецкий язык и «*von hier haben wir es genommen, das slav., когда ist aus dem Magyarischen entlehat*» (оп. с., р. 280).

ЛЖШТА: *landzsa laucea*. Ср. и в румынском – ланче.

нож: *nöszírom Schwertel*; но просто нож – *kés*.

ОБРЖЪ: *abroucs*.

палаш: *pallos*.

палица: *palca*.

праща: *parittyá*.

Старорус., хорут. *mapra* = щит: *tárcsa*.

шип (стрела): *csipke-bokor*.

шишак: *sisak*.

шлем: *szelemen*.

Таким образом, знакомством с главным обиходным металлом, с обработкой металла и с массой предметов обиходных из металла или в которых участвует металл, мадьяре обязаны славянской культуре. Владея языком, выросшим при условиях кочевой грубой жизни (отсюда свои слова для примитивного оружия: *ij* – лук, *in* – тетива, *nyíl* – стрела), мадьяры даже ковать коней своих научились уже в Европе, по водворении среди славян, от этих последних. Тому же искусству научились и пастухи-валахи от славян. Все указывает на славянскую образовательную школу, и, заметим в скобках, сами мадьяры в лице лучших своих научных представителей, к чести своей, не тяготеют признанием этого важного факта в своей истории, не идут по пути наших братий по вере румын, которые даже такие архиславянские слова, как **ДЖИГЪ**, грех, в своем языке дивным образом силятся провести из латинского языка... Если г. Баласа указывает, что мадьяр. *rud* – металл идет из средненем. *ruote*, а славянское

руда (у него *rudo!*) имеет своим источником мадьярский язык (ор. с., р. 281), то это дело патриотического вкуса автора. Сами же юные воспитанники славян в рудном и вообще металлическом деле не могли учить страну, в которой разработка металлов связывается еще со школой римских каторжников и полумифических агафюров, металлическое богатство которой было баснословно, особенно что касается золота и серебра, и именно по восточному склону Рудного кряжа. Вековые традиции прерываются только в книгах. Один из глубоких, еще старых знатоков Трансильвании, туземный деятель первой половины XVI века Георгий Рейхерсдорф, ученый секретарь импер. Фердинанда II, описывая свою родину, приходил в какое-то умиление пред ее великими сокровищами нутра земли. Послушаем же его.

«Ab alba Julia (т. е. Tejér-vóz, Белград) ad Occidentem, – говорит автор, – sunt montes et alpes axcelssissimae..., in quibus situantur civitates montanae *aurо* et *argento* praestantes, inter quas vel precipua est Abrug-banya¹... venis metallicis Celebris, ubi *magna auri vis assidue colligilur*...» И далее Рейхерсдорф повторяет то же о том же кряже: «Sunt montes auri et argenti ditissimi, utpote Abrug-bania, Zalathnia, Keres-bania, et quibus magna vis auri et argenti sumitur»². Но и самые горные реки были золотоносные:

«Hinc auri venique ferax Bistritia surgit», – разражается гекзаметром ученый трансильванец.

Но все эти соображения против всякой мысли о занесении горного дела в металлоносную Трансильванию уже мадьярами и в пользу глубокой старины этого высококультурного промысла – из эпохи домадьярской, а именно славянской, находят особенно решающую поддержку в

3) судьбах трансильванского города *Zalatna*, как он называется мадьярами, Златна или Злакна, как в устах румын. Судьбы эти глубоко интересны при воскрешении былой жизни некогдашнего Залесья: была культура – и культура славянская.

К западу от Fejér – Белграда (Carlsburg), на притоке Мароша Омполье, лежат два городка одного имени – *Zalatna*, один близ дру-

¹ Правильнее было бы *Abrud*, как на нынешних картах и в старых грамотах, напр. 1271 года: «...quod terram *Obruth* vocatam, que est sita juxta Опроу terram» (*Teutsch*, ор. с., р. 96). Издатель замечает: *Abrud-banya. Abrud* – мадьярское распространенное славянское *руд*, из *руда* – металл.

² *Georgius a Reychersdorff-Transylvanus*: «Chronographia Transylvaniae, quae Dacia olim appellatu...», Viennae Austriae, M. D. L., p. 14 a, 16 a. Эта редкая книга перепечатана А. Папиу Илариану в его «Tesauru de monumente istorice pentru România», t. I, Bucuresci, 1862.

гого. По-видимому, не славянское название. Но мы видим, что его славянизм выдает сейчас же нынешний житель и городов тех, и их окрестностей румын своим *Злакна* или *Златна*. Первое же *a* в мадьярской форме – необходимая, согласно духу языка, вокальная вставка. Что имя Златна – прилагательное от сущ. *злато*, ясно само собой. Но это свидетельствуется и латинским названием мест – *Auraria*, т. е. просто перевод, и названием их у немцев: Schlatten или Schlattendorf для большой Златны (Nagy) и Goldenmarkt, Золотое местечко – для малой (Kis).

Золотое местечко, Златна, было и осталось истинно золотым долом, откуда всегда извлекалась «magna vis auri», хотя до самого последнего времени совсем примитивно. Вот как описывает этот золотой промысел венгерский географ XVIII столетия известный Матвей Бел. «В Златне, которую валахи считают митрополией своего племени, в базарные дни, – говорит автор, – стекаются массы народа, и тогда правительственный чиновник, назначив известную плату, покупает у валахов и мадьяр золотой песок, собираемый ими в реках; и промывка золота – их главное средство к жизни»¹.

Но та же золотопромышленная жизнь и, конечно, с теми же приемами имела место и раньше, два века назад до Белы, как это мы видим из рассказа Рейхерсдорфа, и при той же обстановке золотого города кругом, широко и далеко, жил главным образом всемогущий, всепоглощающий румын с немногочисленными немцами в самих городах.

Говоря о горах, которые «auri et argenti ditissimi» – у Abrud-banya, Zalatna, Рейхерсдорф о последнем городе категорически замечает, что «nunc Valachi incolunt». Об этих обитателях золотого угла этнограф XVI столетия, как и естественно ожидать, самого дурного мнения. «Кереш-баню, Абруд-баню, Златну, – говорит Рейхерсдорф, – занимают немцы, перемешанные с валахами; только места эти очень небезопасны от постоянных грабительств со стороны валахов. Но, несмотря на это, именно здесь “magna vis auri et argentó summitur”, именно здесь “Camerae Regine (т. е. казне) pro cudendis tam aureis, quam argenteis monetis applicatur”»².

Не иная картина жизни, но иная этнографическая картина была в этих полудиких, уже валашских в XVI столетии горных ущельях тогда, когда жили здесь те, которые от своего языка дали имя золотому

¹ Bel Mat., «Compendium regnorum Slav., Croatiae, Dalmatiae... M. Princ. Transilvaniae», Posonii, 1792, p. 147, примеч. Г. Бел придет прямо *Zlatna* и правильно поясняет, что «denominationem accepit a slavica vocula *злато*». (Там же).

² *Reuchersdorff*, op. c., p. 16 б, 16 а.

углу страны — славяне. Они должны были здесь жить, но когда? Для них, для славянского периода в истории золотого угла мы не имеем (или мы лично не знаем) не только таких точных исторических показаний, как показания Рейхерсдорфа о диких валахах, но и вообще каких-либо. Но в этот безвестный период бросают некоторый луч света соображения общего характера¹.

Небольшое валашское в XVI столетии местечко Златна (Auraria major) «некогда (olim) было, — говорит Рейхерсдорф, — громаднейшим городом (maximam urbem), как это явствует из старых вещественных памятников». Тогда, продолжает он, Златна особенно славилась своими aurifodinis — золотыми россыпями².

Прежде чем идти дальше за рассуждениями Рейхерсдорфа, отметим некогдашний этнографический характер страны вокруг Златны, насколько он может быть воскрешен при помощи местных имен. Здесь, в этих местах, должны были жить, и сплошными массами, те, о которых в первой половине XVI столетия уже не было и помину, — славяне: о славянах, о славянском «olim» гласят местные имена окрестностей золотого местечка.

Так, по направлению к северу от Большой Златны (или Abrud-banya): Бучешты, Быстра, Gerend, Мункешты и др.;

по направлению к западу: Brad, Lunka, Rebitza, Rescoliza, Ternava, Trestia (трость);

по направлению к югу: Grad, Pojana (поляна), Szirb (среб), Csertes (ср. Чертиж в Венгрии) и др.

Все эти названия не выбраны нами, а взяты прямо с карты, подряд, но в азбучном только порядке.

Но куда же приурочить это славянское «olim» Златны и ее края, эпоху невидимых для истории славянских золотарей, богатырей земли?

Для Рейхерсдорфа его «olim» Златны, эпоха ее цветущей золото-промышленной жизни вкладывается в рамки весьма определенно-го времени. Это эпоха римской оккупации Дакии, нашего Залесья: отсюда у него идет и само начало нашей славянской Златны. Златна, объясняет он, — город, основанный во времена императора Траяна, некогда знаменитый своими золотыми россыпями. Здесь и сегодня еще имеется несколько надписей, вырезанных на мраморе, и одну из них, достойную памяти, мы и прилагаем тут³.

Конечно, не на основании каких-либо летописей ничтожного уже

¹ Бел вспоминает только о мастерах, призванных Баторием (l. c.), ясно, без всякого значения.

² *Reuchersdorff*, op. c., 14 a.

³ Там же, p. 16, б.

в XVI столетии городка, глухого памятника былой славы, Рейхерсдорф своей Златне приписывает такую седую древность, как эпоха пребывания римлян в Трансильвании (до конца III в. по Р.), а в виду монументальных показаний и общих соображений. Мы, без сомнения, далеки, чтобы разделить убеждение трансильванского ученого половины XVI столетия о начальной эпохе загадочной Златны, не будем сводить на очную ставку славян золотого угла Трансильвании с императорскими легионерами Рима и римских памятников, вскрываемых из-под фундамента Златны, не будем относить к славянскому народу, историей не известному, золотого местечка и его окрестностей. Для нас имеет исторический интерес современное убеждение в самой Трансильвании XVI века, связывающее эпоху возникновения Златны с Римской империей; важно то обстоятельство, что когда-то славянская, но уже в XVI веке валашская Златна всегда «aurifodinis insignis» стояла на месте римского города, что какого-либо посредника, какое-либо третье лицо между Златной и временем римской оккупации Дакии современная память не знала. Если же время римской оккупации и не видело, не знало еще славян в стране, не звучало еще тогда Златна, хотя и славилась ее золотая почва, где была «maxima urbs», то едва ли мы ошибемся, положив, что славянский период в судьбах Златны не отстоял далеко от римского; вторжение же мадьяр должно было захватить еще славянскую эпоху края, о чем будет яснее ниже, когда мы убедимся, что валах XVI столетия только сидел на славянских костях.

Таким образом, Златна решительно говорит о древности славянской стихии в стране, как и о высокой культуре ее славянских старообитателей. Но еще недавно историки требовали от нас верить, что Трансильвания в X веке это «нейтральная территория», куда только печенег да мадьяры наезжали для свободной охоты на медведя (Hunfalvy), как это делал в наши дни пок. кронпринц Рудольф.

6

Обзор и оценка топографических имен Дунайского Залесья привели нас к твердому убеждению о существовании в нем не признаваемого историей славянского элемента в такое раннее время, как эпоха прибытия мадьяр и ранее, и элемента не некультурного. Таким образом, топонимия Трансильвании, значение которой уже понимал великий деэписец славянства Павел Шафарик, позволяет восполнить любопытным текстом лишнюю белую страничку в бытовой истории нашей старины, родного язычества. Какой же тяжкий грех перед наукой недавно совершил заслуженный исследователь тех краев, когда в проектированной им лично этнографической карте славянства IX века он всю Трансильванию целиком выдал

в исключительное пользование румын, которые тогда могли лишь формироваться, повыезавши из своих горных трущоб¹.

Но если мы притом, насколько дозволит нам это наш лично недостаточный опыт, обратимся к историческим источникам, то и в них найдутся кое-какие свидетельства в пользу славян, в защиту их игнорируемого в Залесье существования. Заботливо обходимые славяне подойдут, пожалуй, и к самой римской оккупации Дакии, так что и Рейхерсдорф с своей теорией начала Златны будет не неправ.

Мы обращаемся к средневековым регистрам и грамотам Трансильвании, к их показаниям о присутствии славянской стихии там в их время. Эти нещедрые показания сводятся, главным образом, к двум группам: к собственным именам славянского происхождения

а) мест и

б) лиц.

Относительно редкими оазисами встретятся там нарицательные слова. Но нам особенно дороги здесь будут юридические отголоски, напоминания о старом быте славянском местных славян. К ним примкнут косвенные показания исторические, в обычном смысле, характера. Пользуемся заезженным, но дорогим собранием г. Тейча (о нем выше), хотя и неполным. Начнем с документов конца XII стол. и отдельно предложим данные обеих групп.

а) Историческая топонимия Трансильвании.

Так как грамоты писаны на латинском языке и людьми разного происхождения, поэтому в правописании имен встречается крайняя пестрота: в двух грамотах одного и того же года различно пишется одно и то же имя; но разлад этот бывает и в границах одной и той же грамоты. Вот почему, естественно, этим материалом необходимо пользоваться с осмотрительностью, иначе можно выжимать из них вывод *ad libitum*. Предостережительный пример может дать румынский патриотический историк г. Ксенопол, производивший ту же операцию, что произвести собираемся и мы, но тенденциозно, с особыми этимологическими, хотя и патриотическими домыслами. С трудом г. Ксенопола мы повстречаемся ниже. Ввиду этого мы сколько-нибудь сомнительные данные отмечаем как таковые и останавливаемся на данных ясных. Выбрасываем данные бесцветного, нерешающего характера, как, напр., *Zent = szent* из слав. **ѣЛѦТ**, ибо это

¹ Dr. Jos. Lad. Pič в своей «Zur Rumänisch-Ungarischen Streitfrage, Skizzen zur ältesten Geschichte der Rumänen, Ungarn und Slaven» (Leipzig, 1886). Карта приложена к концу книги. «Osteuropa im IX Jahrhundert». Одни румыны и румыны, хоть бы чуточку славян... Мы лично ту же проекцию сделали правильнее, без румынофильства, в своей карте «Расселения славян в IX в.», изданной ко дню 6 апреля 1885 года.

название могло принадлежать и кровному мадьяру, или Csötörök (именно в регестах под 1216 годом), несомненно, из слав. *четвертак*, по тому же основанию.

Грамота 1176 года: *Gerend* (Stephanus de -), *Jara* (Ladislaus de -), «rivulus Preselw pathak vocatus».

Место *Gerend*; имя это из слав. **града** — балка, кроква, с каковым значением это слав. слово перешло и в мадьярский язык: *gerenda*.

Jara; ф. слав. яр, яруга.

Preselw pathák. Pathak — это слав. *поток*, и слово вошло в мадьярский язык. В той же грамоте и *Zyntpathaka*, т. е. **злат** — поток. А первая часть имени? Конечное *w* = *u*, ибо в этой же грамоте *Mikwd* = *Mikud*. Не есть *Preselw(u)* слав. прошедшее — **прѣшълъ**, и все название — **прѣшълъ потокъ**? Кем же этот поток был так *vocatus*?.. Должно полагать, славянами.

Грам. 1197 г.: «...super Fequetfee... ad Hehesholmu inde ad Sossed... cum villa de *Acna*... ad magnum montem, qui vocatur *Acnahege*... cum villa Lapad... ad Fequet-kopna».

Hegesholmu состоит из двух однозначных имен существительных: мадьярского *hegy* (читай *hedj*) — гора, вершина и славянского *holm* — холм, хльмъ при мадьярском приеме — через *h* выражается звук *х*. След., в *holm* точным образом переданы славянские звуки и даже с вокализацией *ол* = ц. слав. *л*. Таким образом, в *Heges-holmu* мы имеем местное туземное имя, но проглотсированное по-мадьярски. Конечно, и в *holm*, должно полагать, указывает на присутствие еще в славянском языке гласного конца, гласности *ь*. Что *holm* = *холм* еще славянское слово, ясно из того, что в мадьярском языке оно в подобной форме существовать не могло, ибо стечение согласных *l, m*. И действительно, когда наше слово является уже словом мадьярского языка, оно уже имеет мадьярскую физиономию, именно — *a* вм. *o* в первом слоге (согласно общему закону передачи славянских слов мадьярским языком) и паразитно-гармоническим *o* для разъединения указанных согласных звуков: *halom*. Так, то же местное имя, но в документе на $\frac{3}{4}$ столетия позже, в мадьярской форме *Feketehalom* (Регесты, под 1268 г.). Впрочем, эта мадьяризация — личное дело писца, ибо в грамотах того же времени мы имеем наше слово все в его славянской форме, но уже без вокального конца: *castrum Fekethen-holm* = *Feketen-holm*, грам. 1268 г. (№ 195, 196). Без вокального конца наше слово перешло в мадьярский язык. Но не так обменивают наше топографическое имя в указанной грамоте XII века представители румынской науки.

Разворачиваем недавнюю книгу профессора румынской истории в Ясском университете А.Д. Ксенопола (Xénopol) «Une énigme

historique – les Roumains au moyenage» (Paris, 1885). Она направлена против румынофобского направления в исторической науке Венгрии, главным образом против трудов известного венгерского этнографа г. Гунфальви (Hunfalvy), их основной тезы – недавности румын в Трансильвании... Не скроем, и в мадьярской исторической науке является увлечение, патриотическая жилка; но как отпрыск серьезной немецкой школы исторические труды мадьяр не сентиментальны.

На возражение противников непрерывности румынской стихии в Трансильвании (и вообще в пределах старой Дакии) – как понять, что в местных грамотах раньше XIII столетия нет ни малейшего упоминания о румынах? – г. Ксенопол отвечает другим вопросом: «И много ли грамот раньше этого столетия? Первая датирована 1165 годом, но уже пятая в ряду заключает в себе явное доказательство (*une preuve évidente*) присутствия румын в Трансильвании». Эта «пятая» и есть наша, 1197 года, а ее «явное доказательство» это – именно наше местное имя *Hegesholmu*, т. е. его вторая часть – *holmu*. «Это-то словцо, – утверждает ясский профессор, – и заключает в себе доказательство, о коем идет речь. Это слово состоит из двух частей: мадьярской *heges* – гора и румынской *holmu*. Слово *holmu* и сего дня живет в румынском языке параллельно с словом *culme*, что из латинского *culmen*. Мадьяры, слыша, как называли румыны того времени этот холм – *holmu*, и не понимая значения слова, приняли его за собственное имя, которому и придали значение *Heges*; они образовали таким образом имя *Hegesholmu*, т. е. холм *Holmu* – холм холма. Другое обстоятельство, которое доказывает с последней очевидностью (*avec la dernière évidence!*) румынское происхождение слова *holmu*, это конечное *u*, которое есть не что иное, как румынский член *ul*, но сокращенный в *u*¹.

Для доказательства румынского происхождения слова *holmu* автор указывает на известность того же слова в топонимии Молдавии (в примечании), а засим широко, но неглубоко входит в область сравнения романских языков (его любимый конек) и отчасти славянских, но затем, чтобы, в конце концов, и самому признаться, что еще слишком далеко до «последней очевидности», что *holmu* – румынское слово.

«У румын Трансильвании, – указывает сам г. Ксенопол, – встречается слово *hîlmu* (читай хылму) со значением возвышения, горки. Сравним лат. *culmen*, итал. *colmo*, португ. *cume*, исп. *culmbre*, старослав. *hulm* (!), польск. *chelm* (!). Мадьяры также владеют словом *halom* – горка, обозначающая межу (!). Румыны могли заимствовать

¹ Р. 92–93.

свое слово *holmu* у латынян или у славян, мадьяры, в свою очередь, — у славян или у римлян»¹. Если же не исключается у автора возможность славянского происхождения рум. *hîlmu*, то ясно, что вся ученость автора ни к чему, лишний балласт, но главное — он сам бьет себя, уничтожает категорический характер своего утверждения раньше, все эти «последние очевидности». Но что в нашем *holmu* мы имеем дело не с словом румынского языка, ясно из приводимого самим автором действительно существующего в румынском языке и заимствованного от славян слова *hîlmu*, с глухим звуком в первом слоге на месте слав. *о*, по общему закону передачи славянских заимствований румынами: ср. **ДЖЕЗ** — *dîmbu*, **МЖИКА** — *mînka* и пр.

Таким образом, в *holmu* трансильванской грамоты конца XII века мы имеем настоящее слово славянского языка, из которого уже румын той же Трансильвании взял свое *hîlmu*, приспособив славянское слово к духу своего языка. Соотношение же между слав. *холм* и лат. *culmen* могло бы указать г. Ксенополу на излишество сравнения с португальской и пр. формой последнего слова. О конечном и мы говорили выше: это и не имеет отношения к рум. члену *ul*. Мы видели, что и позже в грамотах и в мадьярском наше *holmu* является в своей обычно исторической, общеславянской форме *holm*, без гласного конца.

Наконец, г. Ксенопол напрасно смущается, что «если бы *holmu* не было румынским словом, а мадьярским, то название *Hegesholmu* представляло бы тавтологию: *montagne de la montagne*»². Мы говорили выше, что здесь все в порядке: мадьярское *heges* есть перевод, глосса к туземному местному названию *холм*, и в общезнании мадьяр употреблялись то обе части, то только одна первая, мадьярская, *Heges*: пример последнего имеем в тех же грамотах.

Sosset, из слав. **СОСЪЕДЪ**, без носового.

Асна, мад. форма слав. *окно*. *Аснаhed* = Окно-гора.

Lapad, из слав. *лопата* (ср. выше). У румын сегодня это место — *Lopádea*.

Fequetkopna из двух частей: мадьярского прилаг. *feket* — черный и слав. суш. *копна* (ср. *копа*, уменьш. *копна*, *стог*, вообще возвышение круглое, что ясно из польского *kopiec*; словац. *korpes* = мадьяр. *halom*, *domb*, т. е. возвышение, холм. Следов., *Fequetkopna* = Черный холм, курган. Но в той же грамоте, в начале, мадьярский писец дал мадьярский перевод и славян. *копна*: там при определении границ земли та же местность названа *Fequet-fee*, где *fequet* = *feket* — чер-

¹ Там же, 92. примеч. 1.

² 93, примеч.

ный и сущ. *fō* или *fej* — голова, что соответствует слав. *kopna*. Очевидно, в передаче слав. *kopna* мадьяр. *fō* — голова мы имеем пример приблизительного перевода, но метафора естественна. На языке туземных славян наша местность называлась, вероятно, Черная копна.

Рассыпанные вперемешку со славянскими в грамоте 1197 года немецкие местные названия Bodon, Hufee-Merke, Heren и др., как могшие явиться в Трансильвании только с прибытием сюда колонистов с Нижнего Рейна в половине XII столетия, свидетельствуют, что новые обитатели страны рассеялись среди старых славянских обитателей, уселись промеж них, а не заселяли пустыню.

Грам. 1206 г.: villa *Karako*.

Karako, с долгим конечным *o* (ибо стяжение) — специально мадьярская форма слав. *Krakov*. Ср. в грамоте 1289 г. та же villa *Korokov*, а в грамоте 1291 г (№ CLXXIII) правильно *Crakow*.

Грам. 1211 г.: terra *Borza* nomine. Это главное сельбище призванных фламандцев. В грамотах это имя *Borsa*, *Burza* и даже *Boza*. Не стоит ли оно в связи с каким-либо горным потоком, называвшемся *борзым*? Теперь — *Burzenland*.

Грам. 1219 г.: «... ad locum *Bundron* et... *Pasztuh*... et inde ad stagnum *Gsazar*, et inde... ad pratum *Mihula*... et inde ad metam *Miroslon*...».

Bundrow теперь, как замечают издатели, *Dombro*, что сокращено из *Dombrov* — *ovo*. Здесь мы имеем, таким образом, пример самой своевольной передачи писцом чуждого ему слова; здесь буквы *b* и *d* стоят одна вместо другой. Славизм же имени *Dombro*, г. **ДЖЕ**, ясен сам собой.

Pasztuh, при *h* = *x*, буквально *пастух*.

Gsazar — важное историко-бытовое имя: оно *shym* в звуке отвечает *цасарь*, *цесарь* славянской Библии (из лат. *caesar*) и является свидетельством принадлежности былых славян Трансильвании православно-христианской церкви славянского обряда, церкви св. Мефодия.

Mihula — или Микула, имя собственное, или в недостаточной передаче *могила*.

Miroslon — очевидно, ошибочное написание слав. имени Мирослав. Ср. ниже Сенеслав и др.

Грам. 1222 кор. Андрея, жалованная храмовникам на земли в Борзе «contra Cumanos»: «usque ad terminos Prodnicorum».

Prodnici писал немец вместо *Brodnici*. Известен галицкий удельный князь Иван Бырладник половины XII в., с своими сбродными людьми в Бырладе и на Нижнем Дунае. Очевидно, *бродник* от бродить, следовательно, наемник — вагабунд. Были, вероятно, и трансильванцы.

Грам. 1222 г. (№ XIX): «ad términos *Blacorum*», но ниже: «terram... Valachorum».

Valachi – чисто славянская (русская) форма, вместо книжной *Blaci*.

Грам. 1223 г.: «...in concambium terre *Borotnik*... monasterio de *Kerch*... per paludem que vocatur *Egwerpotak* usque fagos, qui dicuntur *nogebik*...».

Borotnik или мадьяризованная форма слав. *Brodnik* (ср. выше), или в связи с *борт* (брѣть) и = *бортник*, в русском языке и пр. с значением пчеловод, пасечник.

Kerch, в грамоте 1225 *Kerz*, в грамоте 1252 г. *Kircs*, из слав. *корчь*, ц. слав. *кръчь*.

Potak – довольно точно передано слав. *поток*, с о. Обыкновенно уже мадьярская форма – *patak*.

Nogebik. Так назывались *fagi*, т. е. буки. Вероятно, сложное слово: *noge* вместо *много* и *bic* вместо *бук*.

Грам. 1227 г.: «fuit in *Kraszón* civitate *Mesta* – civitatem *Kraszón*».

Kraszón вместо *Kraszow*.

Mesta – слав. *место* в смысле город, здесь = *civitas*.

Грам. 1228 г. (№ XLI): «...in montem, qui vocatur *Lakal*... ad paludem eandem *Lakal*... juxta rivulum *Milos*... juxta rivulum *Osoisyd*... in vallem que vocatur *Zeku*, inde descendit ad fluvium, qui vocatur *Piszteraha*... ad montem, qui vocatur *Zanus*... intra duas (sc. montes) *Biku*... ad montem, qui (vocatur) *Csuzberecz* (вор. *Csuzbercz*)...».

Zakal – слав. *сокол*.

Milos – ср. серб. личное имя *Милош*.

Zeku – *засека*, *просека* и проч.

Piszteraha – или от прил. *пестр*, или по рыбе *пеструга* (форель).

Zanus. Ср. реки *Сан* в Галиции и *сань-змеи*.

Biku – имя Бык так часто для обозначения громадных вершин.

В именах *Osoisyd*, *Csuzberecz* слышится что-то славянское, но что?

Грам. 1231 г. (№ XLVII): terre *Gumbas*. Ср. нын. *Gombus* в связи с *Gomba* из слав. **гѣба** в Сатмарском комитате.

Грам. 1233 г. (LIII): «...ecclesia de *Bistriz*... ecclesia de *Roncha*, ecclesia de *Kenaz*... in silua que nominatur *Bereg*».

Bistriz – река Быстрица, нем. *Feistritz*.

Roncha – славян. **рѣка**.

Kenaz – старая, нечистая форма в старом канцелярском языке Трансильвании для слав. слова **кѣназь**. Ср. ниже о достоинстве *kenezatus*.

Bereg – русское *берег*, в Галиции и вообще в Карпатах с значением немецкого и того же происхождения *Berg*: гора, лес (*silva*). Отсюда лесистый в глубине Карпат комитат Венгрии - *Beregh*.

Грам. 1238 г.: «...fluminis quod dicitur *Chylna*... Super lapidem qui dicitur *Bela*... usque ad villam *Voyazd*... versus sylvam super Berch qui dicitur *Zwhodol*... versus collem qui dicitur *Pastorew*...».

Chylna, река, теперь *Czélna*. От корня *цел*.

Bela – белый (камень).

Voyazd – слав. *уезд*. Ср. чеш. *oujezd*, *Wegfahrt*, *Seitenweg*.

Berch Swhodol. Первое имя может быть и немецкое; ср. в грамоте 1252 г.: «vulgariter *Berkh* dicitur». Но может быть только неточная передача слав. *берег* или *верх*: *верх* – обычное название высокой горы в Карпатах, откуда румыны взяли свои *virf*; второе же имя, несомненно, *суходол* или *сухой дол*. Оно нередко в славянской топонимии.

Pastorew – слав. прилаг. с суффиксом *-ев*, или от сущ. *пастырь* (ср. выше *пастух*), или от сущ. *пастор*, уменьш. в чешск., пол. *pastorek* – пасынок.

Грам. 1244 г.: «...in villa *Chan*... in villa *Dengeleg*...». *Chan*, теперь *Csány*, т. е. Чан. Ср. слав. *чан*. *Dengeleg*, вероятно, из двух частей. Первая часть *denge* – слав. **ДЖГА**.

Грам. 1252 г.: terra *Zek*.

Zek – слав. корень *сек*. Ср. выше.

Грамота 1261 г. (№ LXXIII): «...transit ad *Boba* et ubhinc in *Balvanka* et ab eodem ascendit in montem *Bela*...».

Boba – слав. *баба* – отец, дед и пр.

Balvanka, теперь *Bálványos*, уменьш. от *балван* – скала, камень, истукан.

Bela – ср. выше lapis *Bela*.

Грам. 1264 г.: terra *Nazwod*.

Nazwod из *на* + *свод*.

Грам. 1267 г.: Feketen *holm*... *Rhuda*, *Rhohozd*.

Holm, раньше *holm*. С этого времени в грамотах – то славянская форма *holm*, то мадьяризованная *halom*.

Rhuda, теперь *Ruda* = слав. *руда*. Ср. *Rodna*, грамота 1268 г. и теперь.

Rhohozd, теперь *Rákoz*. Вероятно, в связи с слав. *ракош* – камыш, в чешском и др.

Грам. 1269 г.: «...*Berch*... *Byrch*, venit ad campum, ubi dumus, qui vulgariter appellatur *Rekety*... ad torrentem *Droch*...».

Ввиду форм *Byrch* полагаем, что *Berch* = *Byrch* это слав. *верх*, рум. *virf*.

Dumus собственно терновник; называется на языке туземцев *rekety*... Можно сравнить со словом *ракита*.

Droch = слав. *дрок*, трава.

Грам. 1278 г. (№ CXVIII): «...et in *dumbo potako* descendit in rinulum Kuquellev...». *Dumbo potako* – латинский аблатив от слав. прилага-

тельн. *dumb* из **ГЛЖБ(ОК)Ъ** и сущ. *поток* в слегка мадьяризованной форме.

Грам. 1281 г.: «...separant terras *Bogomer, Gerend* et *Baratpyspuky*...». *Bogomer* из личн. имени Богомер.

Gerend из **ГРЖДА**.

Baratpyspuky — из двух мадьяризованных слав. слов: *брат* и *ени-скопы*.

Грам. 1282 г.: «...*valus Udvarag vocatur*...».

Udvarag из слав. *двор* в уменьш. форме.

Грам. 1282 г. (№ CXXXIII): «...*infra lapideam viam iuxta arbores Harazt... in rinulum Volk pataka vocatum*...».

Arbores Harazt — мадьяризованная форма слав. *храст*, сокращ. из *хворост*.

Volkpataka — волк-поток.

Грам. 1283 г.: «...*ad unum Beregh... in ipso Beregh... et per idem Beregh pervenitur ad quendam locum Rarouzlyrok vocatum... ad quandam terram paludosam. Borzaszto vocatam... transeundo ipsam paludem Darvasto vocatam... monticulum Halom... possessione Machkas*...».

Beregh — берег, ср. выше.

Rarouzlyrok. Вероятно, из трех слов: последние два — *zly rok* = злой рок. Относительно первого вспомним *рарог* — сокол.

Borzaszto, слав. корень борз? Или в связи с сущ. **БРЪЗА**, береза? Суф. *-аст*, обозначающий обилие чего.

Darvasto, прилаг., с тем же суффиксом от сущ. *древо*, *дарво*.

Machkas и теперь *Macskás*, от сущ. *мачка* — медведь. Этого зверя и сегодня много в Трансильвании.

Грам. 1288 г.: *terra Zthara*. Теперь *Sztána*. В обоих случаях имя явно славянского происхождения.

Грам. 1289 г.: *terra Gerend*, слав. **ГРЖДА**. Ср. выше.

Грам. 1289 г.: опять *Chylna villa Vajazd Bertz qui dicitur Zuhodol, collis Pasztorren*, как в грамоте 1238 года.

Грам. 1289 г. (№ CLIX): «...*terra Muhy vocata, an capite rivuli Kozd... terra Popteluky*...».

Muhy, им. мн. от муха, что ясно из имени *Mükendorf*, под которым это поместье известно сегодня у немцев. У мадьяр нынче — *Моха*, т. е. моха, и в грамоте 1293 года читается: *terra Mohy*, т. е. все в множ.

Kozd. Ср. серб. *гвозд* — лес.

Popteluky. Здесь интересна первая часть — *pop*, т. е. поп, в начальнo-славянской форме вм. обыкновенной мадьяризованной *pap*.

Грам. 1290 г.: «...*terra Doboka vocata*...». Из слав. **ГЛЖБОКЪ**. Отсюда и комитат *Doboka*, напр. в грамоте 1291 г.

Грам. 1291 г.: «...*terrae Medyes, Dumburon, Muhach, Bagyum*...».

Hory... Polanteluk, Bagach... Feulldvar...».

Medyes, теперь Meszkö, от *méska* – медведь, параллельное слово к *medve*, из славянского. Ясно, название поместья славянское и звучало вроде «медвежье»... Относительно обилия медведей приведем и свидетельство грамоты 1138 г.: «...Sunt homines, qui debent per annum dare viginti martures (куниц), centum corrigias (узdechki?) et unam pellem *uslinam*».

Dumburon, теперь Dombro = слав. **ДЖЕРОБА**. Ср. выше.

Muhach, теперь Mohács; ср. выше *Muhy*.

Bagyum, теперь Вагуон, в связи с словами *банак*, *баньи* дан в сербском?

Hory – вероятно, им. множ. – *горы*.

Polan-teluk, теперь Rojan – валашская форма, *j* вм. *l*. *Polan* = слав. поляна.

Bagach – *богач*?

Feul-dvar; вторая часть = двор.

Грам. 1297 г.: *possessio Zeleche*. Теперь *Szelestye*, т. е. селище. Только ввиду современного названия можно восстановить испорченную форму грамоты.

Грам. 1297 г. (№ CCVIII): *monasterij Bykfew... possessioni Banabyk*.

Bykfew – в первой части сл. *бык*.

Banabyk, теперь Bányá-biik. Ср. выше: *баня*.

Грам. 1299 г.: «...*terris Leske et Szentgyurg... villas,.. Nadasd et Bugartheluke vocatas...*».

Leske, т. е. Лиски. В конце этой же грамоты: «*in sylua Leske*». В следующей грамоте то же: *silue Leske*.

Szent-Gyurd. Интересна вторая часть – *Gyurg*, т. е. Гюрг, изв. переделка имени Георгий у русских и югославян.

Nadasd = надежда. Отсюда и родовое мадьярское имя – Надаждь.

Bugar-theluke. В след. грамоте то же село *Bogartelke* и *Bagartelk*. Везде первая часть – *болгар*, *болгарин*.

Грам. 1299 г. (№ CCXXI): «...*meta incipit... in uno Byrch Kapus nominato... ad vallem magnam, ubi duo rivuli Makobijke pataka alio nomine Daroch patak... usque Makotew... super unum rotundum montem Holum appellatum...*».

Byrch, по имени *Kapus*, муж. р. (in *uno*; в конце грамоты: «*Byrch siluosus*»), вероятно, это *верх*, карпатское название высоких гор.

Makobijke-pataka, иначе *Daroch-patak*: вторые части – *поток* – в мадьяризованной форме; но первые части – крайне испорченное чтение, наверное, славянских названий. *Darock* может быть в связи с прил. *дорог*; но другое имя?

Makotew, ew – славян. суффикс прилаг. притяж. Относительно са-
мого названия ср. Mokotowo, у Варшавы.

Holum, имя в чистой славян. форме, с паразитным *u*, и значение
имени этого пояснено тут же: *mons rotundus*, т. е. наше - холм.

7

Ономастикон (личные имена)

Reg. 1138 г. «... In Vetrasiluanis partibus sunt mansiones, qui sal
daré debent... Nomina mansionum sunt: Vosas, Martin... Besedi, Senin,
Lesen... Kosu, Hamudi... Vir, Cesti... Sounig, Simeon, Vasil, Isak... Sima...».

Mansiones собственно усадьбы, хутора; но перечень их заклю-
чается личными именами. Вслед за этим и идет речь о людях «qui
debent per annum dare»

Этот документ важен как из первой половины XII стол., до прибы-
тия в Транильванию первых саксов, этих «*priores flandrenses*» гра-
мот.

Vosas – ср. *ocas* в чешском, польском – хвост.

Martin – имя христианское, но в славянской форме, ибо у мадьяр
- Marton.

Besedi – беседы, им. мн.

Senin – сеньн.

Lesen – лесън; ср. выше *leske*.

Kosu – кос.

Hamudi – ср. старый город в Чехии *Ghomutov*.

Vir – ср. в чешском *vir* – водоворот, *vyr* – сова.

Cesti – ср. в ст. слав. ~~цѣста~~, чешском *cesta* – дорога.

Sounig – сольник; ср. выше.

Simeon, Vasil, Isak, Sima – личные имена с явными признаками
принадлежности их носителей к славянской церкви и крови. Ибо
Sima – ласкат. форма и сегодня у южных славян для Симеона.

Таким образом, из 30 собственных имен документа 14, т. е. почти
половина, позволяют без особенного труда быть объясненными из
славянского языка. Что касается других, то надо помнить крайнюю
путанность в изображении у писцов, о чем была речь раньше. Вот
почему мы думаем, что юный Jung в своих «Roemer und Romanen
in den Donaulaendern» (1877) очень смел с утверждением, что «die
Nomenclatur dieser Urkunde ist auf den ersten Blick als nicht Slavisch
zu erkennen» (p. 302).

1166. *Vilcina episcopo*. Ср. в сербском *вучина* – волчья шкура.

1219. *Neuka waiwoda*; 1220. *Neuka woiawoda*. Ср. неук.

1235. Король Бела IV жалует некоего Дионисия, qui etiam
Bogomerium filium Zubuslay comitem et ductorem Sicularum
captinarat». Здесь важны: 1) личные имена отца Собеслава и сына

Богомера и 2) достоинство Богомера – comes et ductor Siculorum, граф и предводитель секлеров.

Секлеры (Szeklér, от *székel* – жить, обитать), жившие (и живущие сегодня) по самой границе с Молдавией, участвовали в войне короля Белы с болгарами и именно были на стороне последних, предводимые своим графом Богомером, сыном Собеслава. Итак, вождь мадьяр-секлеров носит чисто славянское имя, равно как и его отец. В связь с этим свидетельством о присутствии славянской стихии даже среди секлеров можно поставить любопытное свидетельство из конца того же XIII в. об употреблении ими славянского письма. «Zatuli (т. е. секлеры), – говорит Симеон Keza (†1285 г.), – ...cum Blackis (т. е. валахами) in montibus confinii sortem habuerunt. Unde Blackis commixti *litteris* eorum uti perhibentur»¹, т. е. секлеры, живя вместе с валахами, переняли от них и их письмо. Известно же, что не только славянское письмо, но и самый славянский язык был до очень позднего времени единым письменным или дипломатическим языком валахов всех наименований. Откуда же сами литературные учителя секлеров приобрели знание славянской азбуки? Этнографические границы секлеров указывают, что Кеца имел в виду валахов Трансильвании, а не пришлых, к началу же XIV века румынская стихия уже сильно размножилась и на первом месте через поглощение туземной славянской стихии – она съела Василей, Симов, Иванов уже в значительном числе; а поглощая уже письменных славян, романизуя их, валахи в то же самое время становились наследниками духовного богатства их, переняли грамоту славянскую, самый язык для высших интересов (в церкви, в канцелярии) от них, а затем разносили – в пределах возможного – чуждую славянскую культуру далее. Славянское же письмо в Трансильвании, как и сама славянская церковь там, могло иметь тот же источник, откуда и покорители славян здесь, мадьяры, заимствовали свои *pap, pentek szambat* и пр. – т. е. Панноно-Моравскую епархию св. Мефодия. Известно, что не из иного источника и кирилловское письмо на знаменитом «мешце» св. Стефана, венгерского первого короля.

1247. Король Бела IV жалует ордену иоаннитов «a fluvio Olte (=Алута) et alpihus ultrasiluanis totam Cumaniam (т. е. северную, нижнедунайскую равнину), excepta terra *Szeneslai* woiawodae Olahorum» (т. е. валахов, *olah* – в устах мадьяр). Таким образом, и воевода валахов, как секлеров, носит чисто славянское имя Сенослава или Станислава.

1247 (№ 148) упоминает село *Szen-Ivan*. И теперь оно, Szent-Ivány, в комитате Дубока. Иван, в отличие от южнославянского Иован, ру-

¹ Это место заимствуем у г. Ксенопола, оп. с., р. 99.

мын. Иону, восточнославянская (и паннонская) форма. Ср. comes *Iwan* под 1274 г., сын *Izulai*, т. е. Ярослава, ибо под 1284 г. – *Jeroslaus*.

1291 (№ 323) упоминается magister *Duruslaus*, filius *Duruslai*. Вторая часть сложного славянского личного имени ясна: *slaus* = *слав*. Но первая? От глагола *дрети*? Дерислав?

Грамоты.

1219 = nomina *uduarnicorum*... *Kuzma* (дважды), *Sime*, *Euga*... *Udyarnicus* = дворник, хозяин *mansionis* – см. ниже.

Kuzma = Кузма, *Sime* = Сима, *Euga* = Евга?

1227. Homo *Volcan*. Ср. Волкан, Вукан у сербов.

1231. «*Bujul filius Stoje. Truth* (выше и ниже тоже лицо *Truth*) *filius Choru*...». Для г. Ксенопола (ор. с., р. 60) в этих именах звучит румынский язык. Речь идет о купленной вотчине «in ipsa terra *Blacorum*» сыном Стояна и об уступке как родовой Труту.

Stoje – очевидно, славянское имя. *Truth* – объясняется из славянского языка: ср. в чешском *trout* или *troud* = наше *трут*, затем *angeschones Wild*; глагол *troutiti stossen*; ср. имя города *Trutnor*.

Неясно происхождение имен: *Bujul*, лица, купившего вотчину *Voie*, и *Choru*. Для первого имени сравним название самой вотчины, может быть, из *поле*, и славянские имена *Буй-Тур*, *Буй-Вол*. Относительно *Choru* г. Ксенопол замечает, что оно из *Tschiorou* из *Tschiorua* = *cornix*, ибо «в орфографии венгерских грамот средних веков *ch* читается *tsch*». Но не всегда.

1238. *Petro Bylocho* (ср. 1289 г.). Ср. чеш. *beloch* – белый человек. Ср. и родовое имя у нас – *Белоха*.

1244. *Mixa*... *Dethka* de genere *Scenthemagus*.

Mixa, вероятно, Миша; ср. выше *Сима*.

Dethka – у южных славян *Детко*.

1249. *Iwan Hogfalu et Volco*. Волк ср. выше.

1256. *Bob* filius *Olop*. *Bob* – см. *боб*.

1263. *Ivan wajuoda*... *Ladislaus Tatomerius et Stosyan*...

Tatomerius – ср. родовое имя Татомер у поляков.

Stosyan – вероятно, уменьш. от *Станислав*: **СТАЛА**.

1268. «*Luca cum tribus cognatis suis, nomine Kama, Nykon et Olyuerio*...».

Kama, вероятно, по ошибке вм. *Kuzma* (ср. выше).

Nykon – Никон, имя православнославянской церкви.

1271. «...*Zubuzlaus Siculus successive posséderai ...terra Obruth*» (теперь *Abrud-banya*).

Zubuzlaus = Собеслов, имя, уже раньше встретившееся между селерами, в высших рядах их.

1278. *Iako* de genere *Kaplyon* (раньше *Kaplon*). Ср. *каплун*.

1297. Nicolaus dictus *Chol* (вариант: *Csahol*) Ср. щегол или чехол.

8

3. Нарисательные слова

а) Общего значения.

Кочий — телега, воза — возница.

Гр. 1267 г. Король Стефан приказывает коменданту крепости Hunod (ныне Vajda-Hunyad) Левстаку (= Евстахию): «...firmiter damus in preceptis, nec secus factura sub amissione gratie nostre et indignatione ut unacum sufficienti apparatu et *populis nostris* et Zalad, Rhuda, Rhohozd¹ et aliis pertinentiis ejusdem castri nostri de Hunod sine mora levandis, ad nos nostrosque festinanter per partes finitimas properare debeas, apparatis bellicis super totidem *cochy* jugalibus vehendis et bene vasatis impositis».

Этим королевским указом повелевается поднять «королевских людей» из Селища, Руды и других мест, приписанных к крепости Гунияд, а для припасов военных иметь *cochy jugales*, т. е. воловы подводы с железной оковкой, *bene vasatis* (от мадьярск. *vas* — железо).

Слово *cochy* — славян. *кочий*, от славян к мадьярам, у которых *kocsi* — телега. Ср. в словацк. *kos* — телега, в чешск. *kocan*, в серб. *korujam* — возница. Ср. корень этого имени в *коч-евой*, *коч-евать* и пр. Писец писал грамоту на месте — in castro Feketeu — *holm*; снаряжались в экспедицию местные жители Селища, Руды и пр. Почему слово *cochy* мы и считаем местным.

ГЛЖЕОКЪ (поток), сокращено **ДЖЕЪ**.

Грам. 1278 (см. выше): «...et in *dumbo* potako descendit (т. е. межа) in rivulum Kuqueller...».

Писец, употребляя abl. s. masc. *dumbo* potako, глубоким потоком, латинизовал и правильно согласовал два славян. слова: прилаг. **ДЖЕЪ**, сокращение из **ГЛЖЕОКЪ**, (отсюда и комитат Dobok из Dombok) и сущ. *поток*. Производя эту своеобразную латинскую операцию, писец должен был понимать оба слова, слыша их как название известной местности у местных жителей, ибо просклонял без смешения родов. Вообще, можно допустить, что местные писцы понимали кое-что в славянской речи, когда наш, напр., правильно согласует латинское определение с славянским существительным: «in *ipso* Beregh», «in *uno* Byrch siluoso» и пр. (см. выше).

Иконом.

В этой славянской форме мы встречаем греч. *οιχονόμος* в грамоте 1213 года: «... Esau, domini Transsilvaniensis episcopi *уconoто...*».

Важным подспорьем в утверждение нашего положения о принадлежности некогда Трансильвании славянскому элементу явля-

¹ Т. е. Селище, Руда и Ракош — см. выше, славянские местные имена.

ются славянские заимствования в языке немецком трансильванских «саксов». Первые поселения этих саксов относятся к половине XII века. Эти новые обитатели были выходцы из Нижнего Рейна, отсюда и титул их в грамотах — *plantatio flandriensis*. Затем немецкие колонисты появлялись в XIII веке при Андрее и позже. Эти новые трансильванцы организовались в две общины: «*fundus saxonicus*» на юге, по Алуте, и на севере — по реке Быстрице. К немецкому языку поселенцев по Быстрице мы обратимся: славянские заимствования в него могли войти только после половины XII или в начале XIII века — и от местных славян, ибо колонисты были прямо из Фландрии.

kafta — ein Frauenpelz. Ср. рус. *кафтан*.

kokesch der Hahn. Очевидно, слав. *кокош* — петух.

Отсюда и наше кокошник, собственно головной убор как у петуха. Полагаем, что это трансильванское *кокош*, сохраненное местными немцами, — побочная форма с *кокот* — петух, что в Мариинском Четвероевангелии.

krell из слав. корали.

tulek ein junges Rindvieh. Из славянск. **тѣла**, *теленки*.

В немецком наречии Германштадта:

Owätsch — Ring, Reif, из слав. **оуацъ**?

Правда, все эти данные убоги, найденные нами в старом трансильванском журнале начала нынешнего столетия («*Siebenbürgische Quartalschrift*», V, 258–259, 384), но они, бесспорно, с интересом, и сведущие люди в этой области, без сомнения, могли бы значительно увеличить предложенный скудный список славянских заимствований в языке немецких колонистов Трансильвании.

б) Особенного значения

ВОЕВОДА.

Уже во второй грамоте 1176 года мы имеем: Nicolaus *woyuoda* Transilvaniae. *Woyuoda*, т. е. воевода — это главный правитель и судья страны, представляющий лицо короля, но «*pro tempore constitutus*», т. е. назначаемый на срок, а не пожизненно. Понятно, воевода почти в каждой грамоте. При подписании королевских грамот воевода подписывался после духовных сановников и палатина. В более ранних документах, от начала XII века, воевода титулуется просто князем Трансильвании: в 1103 и 1113 год. подписан свидетелем Mercurius *princeps* Ultrasiluanus.

Под воеводой, под его «*auctoritas vojvodalis*» (выражаясь языком грамоты 1248 года), стояли графы, *comites* отдельных комитатов. Уже во втором документе, Перест 1103 г., упоминаются *comites*. Еще ниже стояли *officiales* (rp. № CLVII).

Ввиду многомошной власти воеводы (собственно, два воеводы)

понятны те клаузулы в привилегиях немецким колонистам Трансильвании, которыми эти новые граждане края заботливо изымались из-под воеводской власти. В подтвердительной грамоте 1206 г. колонисты освобождены совсем от юрисдикции воеводы: «...*nec vay(uoda) suo adstare iudicio compellat... nec aliquis vojvodarum descendere super eos possit*» (№ VIII). Те же изъятия и позже в иных грамотах, напр., гр. 1289 г.: «*quod nullus woiaвода... populos... presumat indicare, aggravare, infestare atque perturbare*». Позже встречается и товарищ воеводин — *vicevojovoda*, из числа графов: «...*litteras comitis Benedicti vicevojovode Transilvani*» — в гр. 1291 г.

Слово пишется разнообразно, но никогда в той утлой форме, в которую оно сократилось у мадьяра — *vajda* — и румына — *vad*, а всегда в легко восстанавливаемой основной славянской форме из двух ясно различаемых слов: **вои-вода**. Так, *vojvoda* гр. 1199, *vayvoda*, *wajvoda* гр. 1201, *vayuoda* гр. 1202, *vojavoda* гр. 1206, *woiawoda* гр. 1220, *woyawoda* гр. 1221. Ошибочно: *vaynoda* гр. 1211. Слово славянское склоняется правильно, по I латинскому склонению, и от него произведено даже латинское прилагательное — *vajvodalīs*.

Все равно, термин **вои-вода** выработался ли у славян самостоятельно из осознанной потребности в крупной центральной власти, при осложнявшихся условиях общественной жизни, или, что кажется вероятнее, буквально переведен с немецкого *Heerzog*, как мадьяры перевели славянский термин своим *hadvezer* (*had* — войско, *vezer* — вождь) — ибо вся терминология у славян для обозначения различных форм высшей власти не своего происхождения — **король**, **князь**, **каган**, **бат**, **кмет**: для нас важно присутствие славянского государственного термина **воевода** уже на первых листах документальной истории Трансильвании как указание на славянский характер жизни страны при начале мадьярского государства.

Понятно, что румыны нынешней Валахии, выселившись позже из Трансильвании в якобы *desertum Cumanorum* и начавши здесь организоваться, могли только повторить на новой родине старую государственную организацию своей прежней страны: они сложились в воеводство с воеводой во главе. Отсюда и в грамотах румынских титул **воевода** остался навсегда¹.

дворник.

В грамотах часто встречается слово *udvarnicus* со значением владельца усадьбы, хутора, *mancionis*. В грамоте 1219: «*nomina autem memoratorum vduarnicorum, in eadem terra commorantium, hec sunt: Kuzma, Bese...*» (XV). *Udvarnicus* от слав. *двор* (через мадьярскую форму *dvar*), владелец, хозяин двора. В иных памятниках Венгрии —

¹ Ср. Xenopol, op. c., p. 108, прим.

udvornicus, след., прямо от *двор*. Славянское *двор* пустило глубокие корни в мадьярский язык: *udvar* – Hof, *udvarnal* – bei Hofe sein, *udvari szokas* – Hofdienst и пр.

Полагаем, что и в Древней Руси слово *дворник* имело первоначально тоже трансильванское значение свободного хозяина дома и только потом получило значение жильца, слуги, холопа¹. В Венгрии же судьба *дворника* была иная: *дворники* стали специальными слугами королевскими (отсюда особенное развитие понятия *дворник* в мадьярском языке), т. е. королевской *дворней*, и развились в сословие, близкое к дворянскому². И у нас название самого дворянского сословия от того же слова *двор*.

КЪНАЗЪ.

Много реже, чем воевода, встречается этот второй бытовой славянский термин и притом не в своей самостоятельной форме. Именно мы встречаем это славянское слово в форме *knezius* (реже) и *kenezius* (чаще), откуда и латинский термин *kenezatus* в грамотах Трансильвании XIII–XIV веков (особенно местностей по южному склону Карпат, в так называемой Малой Валахии) и со своеобразным содержанием. Так, в грамоте 1301 года ввиду того что *Ursus knezius* жаловался на бесчинства валахов около *Udvordhel*, король Владислав повелевает, что валахи «*praestent tamen knezio ipsorum prestanda*». Но в грамоте 1319 на *comes de Kraso* жалуется *Bach kenezius*; также и в грамоте 1343 года Бракан, жаловавшийся о свиньях, – *kenezius*³). Ясно, *kenezius* – правильно мадьярская форма для *knezius* = серб. кнезь, **КЪНАЗЪ**.

В половине XIII века, после опустошения Венгрии монголами, король Бела в предупреждение подобных наездов призвал на юг Трансильвании орден св. Иоанна Иерусалимского или храмовников, собственно в четырехугольник, который образуется с двух сторон Дунаем, с третьей – Алютой, с четвертой – Карпатами, предоставив им во владение как эту страну, так и весь край на восток по Дунаю – «пустыни куманов», т. е. теперь Валахию. Но нас интересует географическая сторона жалованной грамоты храмовникам 1247 года – территориальные клоки каких-то полунезависимых, вассальных владений в ней и их официальная кличка.

¹ В Ладогe было всегда нетяглых дворов: двор наместника, двор зелейный, на котором жил дворник (Чучелин, «Города Моск. государства в XVI столетии», стр. 40).

² См. замечания проф. Пича в его «Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht» (1882, стр. 243, прим.), где собраны отрывки из документов о позднейших «дворниках».

³ *Hurmuzaki E.* «Documente» и пр. I, p. 554, 687.

«Damus, – говорит Бела, – dicte domui (т. е. ордену) totam terram de *Zewrino* pariter cum *kenezatibus* Ioannis et Farcasii usque ad fluvium Olte, excepta terra *kenezatus* Lyrtioy (вариант Linioy) voiaode, quam *Olachis* (т. е. валахом) relinquimus prout iidem hactenus tenuerunt; ita tamen, quod medietatem omnium utilitatum et servitiorum de tota *Zewrini* memorata et *kenezatibus* supra nominatis provenientium nobis... reservamus» (№ 147; ср. Хéнопол, 108, пр.). Таково было распоряжение короля относительно указанного четырехугольника, или теперь Малой Валахии. Что же касается Кумании, т. е. пространства на восток от Нижней Алюты, то и она передавалась ордену на тех же условиях и с аналогическими изъятиями – «excepta terra *Szeneslai* voiaode Olahorum, quam eisdem relinquimus, prout iidem (т. е. валахи) batenus tenuerunt».

Terra de *Zewrino*, или *Zewrini* называется так по городу Турн-Северину на Дунае, у самой границы с нын. Трансильванией. В этой-то земле лежали, между прочим, два *kenezatus*, Ивана и Фаркаша, переходившие теперь ордену; но третье *kenezatus*, воеводы Лиртиоя (!), оставалось на прежнем основании, т. е. оставалось в прямой зависимости от венгерского короля и предоставлялось валахам, «как они, валахи, и раньше имели это *kenezatus* в своем владении».

Если же категорически оговорено, что третье *kenezatus* оставляется свободным для валахов потому именно, что они и раньше здесь жили, то уже отсюда следует заключение к обратному, что другие два *kenezatus* были свободны от валахов, хотя и были с людьми, населенные. Мало того, из дальнейшего изложения грамоты 1247 года видно, что terra *Zewrini* с ее *kenezatibus* была населена; в ней жили не только рабочие люди – дворники, но и какие-то дворяне – «maiores terrae», которые, безусловно, изымались из-под власти ордена и оставались при венгерской дворянской привилегии – в судебном деле обращаться к королю, «ad nostram curiam valeant appellare».

Какого же племени могло быть население обоих *kenezatus*? По имени владетелей, Ioannes, Farkas, можно бы думать, что были мадьяры, ибо *farkas* в мадьярском – волк. Но имя Farkas могло быть только случайным переводом слав. волк: в грамоте 1252 года (почти современной) мы находим comitem de *Volku*; а главное, мадьяры как народ, кроме небольшой кучки секлеров (*Siculi*), и в узких границах Трансильвании были неизвестны. Не могли быть и немцами-колонистами, ибо немцы призывались. Остаются одни славяне, как это ясно указывается самым названием земельных участков Ивана и Фаркаша – *kenezatus*.

Kenezatus, латин. имя 4-го склонения, произведено от славянско-

го князь при посредстве мадьярской формы его – *kenez*. Следов., *kenezatus* буквально *княжество*, и Иван и Фаркаш какие-то князи. Почему г. Ксенопол и переводит: «les knézats (principautés) de Jean et de Farcas» (op. c., 106). Но и сами те князи, Иван да Фаркаш = *волк* могли быть славянского происхождения. Это поддерживается чисто славянским именем владельца подобного же земельного клокa *in terra Cumanorum* и воеводы даже и валахов – *Szeneslai*. Мы это имя уже встречали раньше у графа секлеров, тоже неславян. Наконец, можно полагать, что и валашский удел, но сю сторону Алюты, независимый от ордена и названный также *kenezatus*, имел князя с славянским именем: ибо славянизм его князя – «воеводы» ясно просвечивается в испорченном личном имени *Lyrtioy*, var. *Linioy*. Ср. *Буревой, Боровой, Хотивой*.

Что же это могли быть за полунезависимые, вассальные князья в горах Трансильвании и на Дунае, владельцы всех тех «*kenezatus*»? Вероятнее всего, эти князья были главными из тех «*maiores terrae*», о которых говорит сама грамота 1247 года, были чем-то вроде сербских кнезов или князей, старейшин волости – *majorum terrae*: в эпоху турецкого владычества некоторые «кнезы» были совсем вассалами турок, полными владыками у себя дома. Приведем характеристику сербского «кнеза» из изв. «Рјечника» В. Караджича, из личных воспоминаний знаменитого этнографа. Она дает ключ и к пониманию трансильванского кнеза, в его «*kenezatus*».

«В Неготинской области не турки судили и управляли, но кнез, который сидел в Неготине: он собирал и порезу (подушную подать), и остальные подати у народа, и деньги в установленном количестве, передавал бегу, который приезжал из Константинополя. Подобного рода *кнежински кнезови* в Герцеговине сегодня называются воеводами. Такое княжество (т. е. власть и достоинство кнеза) переходило от отца к сыну, как переходит воеводство в Герцеговине, и даже тогда, когда турки которого-либо князя обвинили и казнили, на его место ставили всегда сына или брата».

Таким образом, получается аналогия между князем (кнезом) – воеводой у сербов XVIII–XIX стол. и князем *kenezatus*'а Северинской области и Придунайской равнины из половины XIII века: сербские «кнезы» были своего рода вассалами падишаха, как те венгерского короля – внутри же, дома, вполне независимые владыки-управители. Одинаковый же славянский институт князей – «кнезов» говорит и об общем – славянском – виновнике его, а вместе и о славянской социальной жизни на Дунае и в Трансильвании в XIII столетии. Перевод же у Ксенопола термина *kenezatus* словом *княжество*, очевидно, неточен. Вероятно, и непереводаемость в грамотах имени

славянского института вызывалась своеобразным содержанием последнего¹.

Здесь мы оставляем грамоты, которые были так долго верны нам. Они языком своих местных и личных имен, случайно перепавшим славянским словом и некоторыми социальными терминами позволяют нам утверждать присутствие славянской стихии в Трансильвании в их эпоху и в эпоху более раннюю, ибо крещение страны не совершается от разу, а предполагает, что народ живет уже века. Но неестественно полагать, что славянская стихия ограничивалась строгими пределами Трансильвании: действительно, мы видим ту же стихию и на меже Среднего и Нижнего Дуная, в «княжествах». Но та же стихия шла и в западном направлении от границы Залесья. В этом отношении любопытна жалоба папы Иннокентия III (от конца XII века) на революционный дух славянского населения архиепископии Колочской, возмущавшегося десятиной. «Significante venerabili nostro Colocensi archiepiscopo, ad audientiam apostolatus nostri, — писал папа королю Венгрии, — noveris pervenisse, quod cum in diocesi sua sint quamplures ville, in quibus Sclavi habitant, archiepiscopo decimas exhibere contempnunt. Quoniam igitur de regia serenitate confidimus et speramus, ut ecclesias et earum ministros diligas, ut earum commodis exemplo progenitorum tuorum diligenter intendas,

¹ Старик Фесслер, переводя термин *kenezius* словом *Oberaufseher*, замечает: «An die Abkunft des in ungrischen Urkunden vorkommenden *chenez, kenez, kenezius* von den Slawischen князь, Fürst, mögen wir nicht glauben» («Geschichte der Ungern», IV. Theil, p. 1012, прим.). Фесслера могла смущать мелкость трансильванского *kenez'a* сравнительно с представлением о славянском князе. Мы видели выше, что один из таких *kenez'ов* жалуется на увод нескольких свиней. Впрочем, если бы Фесслер знал о судьбах многих севернорусских князей, превратившихся просто в крестьян или совсем захудалых, то не стеснялся бы видеть в своем *kenez'e* отражение слав. князя. Но уже совсем не можем понять, каким образом наши *kenez*, кнез, князь и *kenezatus*, власть и область *kenez'a* могут составлять часть обычного «валашского права» (*jus valachicum*), как этому учит г. Пич в своем мемуаре «Die rumänischen Gesetze und ihr Nexus mit dem byzantinischen und slavischen Recht» (Prag., 1886, p. 17). Мемуар вышел и в французском переводе в Бухаресте: «Les lois roumaines et leur connexité» и пр. (1887). Наше место — стр. 28: «ce qui est le plus caractéristique au sujet du *jus valachicum*, ce sont les *knezi* et les *keneziuts* valaques...».

excellentiam tuam rogamus atque monemus per apostolica scripta mandantes, quatenus *memoralos Sclavos*, ut decimas debitas prefato archiepiscopo sine diminutione persolvant, tradita tibi potestate compellere non omitias»¹. Таким образом, и здесь многочисленные деревни были населены славянами, думаем, теми же Кузмами, Василями, Симами, Иванами, которых мы находили в грамотах XII – XIII вв. Трансильвании, с церквями и, конечно, славянского обряда св. Мефодия Паннонского, но служители коих уже пытались перевести свою славянскую паству в стадо папское. Овцы кричали, бунтовали...

Если еще недавно мадьярская историческая наука свободно обращалась с такими глубокого значения доказательствами истонного присутствия славян на Среднем Дунае, какие предлагает топонимия Трансильвании, и легко утверждала, что именно мадьяры из всех современных обывателей Венгерского королевства имеют историческое старейшинство, старее всех прочих², то теперь, ввиду политических притязаний необыкновенно разросшихся румын, она отеклась от прежнего увлечения, оценила значение для истории данных языка и вышла на прямую дорогу.

«Насколько распространен, – говорит позже тот же корифей мадьярской науки, – язык мадьярский, от Прессбурга и Эденбурга и до крайней восточной границы Трансильвании, везде он предлагает одно и то же лексическое содержание и указывает всюду одни и те же славянские элементы, которые принадлежат одному и тому же социальному строю. Таким образом, мадьярский язык доказывает, что мадьярская оккупация везде, на целом пространстве Венгрии и Трансильвании, застала одно и то же славянское народонаселение, которому язык мадьярский обязан столь многими славянскими словами. Это свидетельство языка утверждается еще многочисленными славянскими местными именами даже на территории, которая сегодня занята румынами, и является прямо неотразимым. Если бы на восток от Тисы было бы оседлое румынское население, то ма-

¹ *Theiner. Vetera monumenta Slavorum meridionalium*, I, № 6.

² «...So sind unter allen übrigen Nationen des Landes die *Magyaren* die ältesten Bewohner desselben. Nahezu 1000 Jahre sind es ...; eine solch ununterbrochene Continuität der Geschichte findet man in unserem Lande nicht so weit das Gedächtniss Klios in das Dunkel der Zeiten zurückreicht». Словами этими г. Гунфалви заключает свою во многих отношениях прекрасную «*Ethnographie von Ungarn*» (Pest, 1877). Здесь много красноречия, но мало правды. Мы пользовались переводом Швикера; оригинал немного ранее.

дьярский язык столь бы охотно перевел в себя румынский элемент, как он усвоил себе славянский»¹.

Гунфалви как будто здесь не отрицает вообще бытия румын в Седмиградии в эпоху появления мадьяр, но допускает их только в виде пастухов. И действительно, уже много позже – в XV столетии – румыны не перестают фигурировать в виде пастухов, по признанию самого г. Ксенопола (op. c., 108). Но главное – тон жизни, тон культуры Трансильвании во время мадьярской оккупации давали славяне, и они одни – единственные учителя мадьяр в целом ряду потребностей культурной жизни. Что румынская стихия была давно на восток от Тисы, лучше всего показывает то обстоятельство, что уже в грамоте 1234 упоминается Сатмарский комитат – «in comitatu de *Zotmar*»², а это имя чисто румынское: *satu* – поселение, *mare* – большое.

В заключение этой главы позволим себе сказать слово в защиту столь поносимого безвестного нотариуса короля Белы. Ужели он лжец и тогда, когда, по преданиям, передает, что ко времени прибытия мадьяр в Трансильванию «*habitatores illius terrae*» были «*Blasii et Sclavi*» – т. е. волохи и славяне? Ведь эти общие этнографические сведения о состоянии страны в то время аноним без труда мог почерпнуть «*ex falsis fabulis rusticorum*» – сельчан и, вероятно, сельчан славянских... Заметим форму у него *Blasii*, обязанную славянскому именительному множ. числа Власи. Но его ужасная характеристика тех влахов и славян – «*viliores homines totius mundi*», то она может быть приложима только к первым – одичалыми пастухам, влахам, каковыми они и сегодня от Днестра и до Тисы. Можем быть, не случайно аноним на первом месте ставит волохов: в его время (XIII в.) славянская стихия, вероятно, заметно распускалась в румынской и за счет ее расширялась последняя, т. е. страна дичала, валашилась.

Наконец, ввиду неопровержимости факта – глубокого культурного влияния местных славян на мадьяр, как свидетельствует язык, ввиду существования в стране даже в XIII столетии каких-то славяно-валашских воевод, князей, и в значительном числе, полагаем, что не одна ложь в словах анонима о славянских «воеводах» и «князьях» Трансильвании при прибытии мадьяр: они должны были существовать тогда там, ибо славяне уже не были стадом, а позднейшие же «воеводы» и главы «*kenezatus*» могли быть только эпитомами тех IX, X столетий. Ведь не мадьяре же, войдя в страну в X столетии, внесли в нее из своего «государственного» права чисто

¹ «Über rumänische Geschichtschreibung und Sprachwissenschaft» в «Litterarische Berichte aus Ungarn», 1878, III, из рецензии на эту статью в «Magazin für die Litteratur des Auslandes», 1879, №1, p. 12.

² Teutsch-Firnhaber, op. c., p. 58.

славянские институты воевод, князей-кнезов, как это так прекрасно иллюстрирует почти современный нам сербский быт.

10

После всего вышеизложенного особенной исторической прелести для историка-этнографа иметь не может встреча чисто славянской формы названия реки Тисы у Эйнгардта: *Tiza* (*Annales*, под 796 г.), как будто скопированного Багрянородным: *Titza*. Но зато с тем напряженнейшим вниманием он прислушивается к отголоскам славянских, так сказать, мотивов в местных исторических памятниках из более раннего времени, чем эпоха биографа Карла Великого, для уяснения себе, в пределах возможного, главного вопроса: да как давно сами славяне альпийского края Среднего и Нижнего Дуная у себя дома? Эти славянские отголоски есть, хотя, естественно, они очень редки. Понятно и любопытство, возбуждаемое ими. Тут даже и чистая археология принесет историку-этнографу свое ценное приращение.

В 1799 году, на берегу реки Араньки (*Aranyka*) в местечке *Nagy-Szent-Miklos* комитата *Torontal*, вблизи реки Мароша, в саду своего дома одним поселянином по имени Нерой Вуйным сделана была дивная археологическая находка: он выкопал целые 23 крупных предмета из чистого золота. Чтобы судить о материальной находке, достаточно сказать, что те предметы весили 1678½ дукатов. Но еще многоценнее была археологическая и историко-научная сторона дивной находки – теперь украшения императорского кабинета в Вене. Нас лично будет интересовать историко-этнографическая сторона.

Торонтальский комитат – низменность между исторической Борзавой («*Bersobis*» имп. Траяна) с юга, Нижним Марошем с севера и Тисой с запада. Самый же Сент-Миклош на Араньке (ср. мадьяр. *arany* – золото), между Сегедином и Арадом. Река же Марош соединяет комитат с Трансильванией, этим историческим золотым долом.

Простой мадьяр золотые сокровища Сент-Миклоша соединяет с именем Атиллы, и он не ошибся в определении эпохи, конечно, случайно. Христианский характер эпохи, к которой принадлежат предметы клада, не подлежит сомнению: об этом говорят встречающиеся на них кресты, затем нахождение среди них большой крестильницы; греческие же надписи и самый стиль богатой отделки с массой резных причудливых украшений позволяет, по мнению специалистов, отнести предметы ко времени между III и V веками по Р. Х., а самая работа – дело мастеров Восточной, греческой Европы.

Но из всех этих многочисленных предметов золотого клада для нас имеет глубокий интерес один – золотая чаша, или блюдо №

21 каталога их. Внутри блюда вырезан изящный четырехконечный крест с густыми плетениями в промежутках частей креста и с выгравированной греческой надписью крупного устава кольцом вокруг всей площади креста. «Эта круглая чаша, — говорит новейший исследователь Сент-Миклошского клада д-р Иосиф Гампель, — принадлежит по причине как своего письма, так и своей орнаментики к самым важным предметам найденного сокровища... Некоторые из прежних исследователей ставили под сомнение одновременность надписи и чаши. Я же, с своей стороны, к такому сомнению не нахожу никакого достаточного основания»¹.

Полагая, что как эта великолепная чаша, так и все предметы клада — памятник позднегреческого христианского искусства, принадлежащие такой *terra incognita*, как Трансильвания, достойны самого внимательного изучения русских археологов, знатоков истории искусства темного периода — IV, V столетий², мы переходим к самой надписи, насколько она входит в круг интересов вопроса о давности славянского элемента в Трансильвании.

Развернутая в прямую линию уставная надпись — «*die schönen griechischen Uncial-Buchstaben*»³ — представляется в следующем виде:

† ΒΟΥΝΛΑ • ΖΟΑΠΑΝ • ΤΕΣΗ • ΔΥΓΕΤΟΙΓΗ • ΒΟΥΤΑΟΥΑ •
ΖΩΑΠΑΝ • ΤΑΓΡΟΓΗ • ΗΤΖΙΓΗ • ΤΑΙΣΗ

«Как мы видим, — говорит г. Гампель, — крест начинает надпись, и точки разделяют слова. Более точной расстановки знаков препинания мы не найдем ни в публичных надписях, ни в кодексах. Мы имеем, таким образом, дело с рачительно сделанной надписью»⁴.

Но в передаче звуков та же рачительность? Нет, не то. Это видно из различного изображения одного и того же слова: ΤΕΣΗ = ΤΕΙΣΗ.

Чтение самой надписи трудное. Многие ученые пытались дешифровать ее, но, не исключая г. Гампеля, очень неудачно. Мы сов-

¹ Dr. Josef Hampel, «Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós» в боратом своим разнообразным содержанием частном журнале Мадыарской академии наук «*Ungarische Revue*», 1885, p. 118.

² В результате своих исследований над стилем отделки и рисунков д-р Гампель приходит к такому интересному для нас, русских, заключению, что предметы Миклошского клада связываются с художественными работами Пантикапеи-Керчи... Он справедливо указывает, что Νεά 'Ρωμή была тогда новым городом.

³ Hampel, *op. cit.*, p. 598.

⁴ Там же, p. 599.

сем далеки от намерения делать новую попытку: но нас интересует лишь одно, дважды повторенное и бесспорное для всех исследователей слово, это $\text{ZOAPAN} = \text{ZQAPAN}$. Все прочли и истолковали его одинаково, что оно – славянское *жоупан*, в котором коренной гласный *ou* передан через дифтонг *oa*.

В надписи явно различаются две части; в обеих второе слово одно – жоупан, но первое различно: в одной – BOYHAA , в другой – BOYTAOYA ; но, очевидно, то и другое – личные имена. Но как же истолковать эти имена обоих жупанов? Попыток была масса, но насколько они бывали смелы, видно из того, что даже г. Гампель, вообще исследователь осторожный, хотя и говорит, что «из имен обоих князей (!) с достоверностью нельзя заключать к их национальности», но сам же делает невозможное толкование. Г. Гампель в BOYHAA видит имя, близкое к остготскому *Baduila* и гепидскому *Ovilas*; в конце же второго имени BOYTAOYA слышит древнегерманские концы личных имен *aulf*, *ulf*, и в заключение у него вылупливаются два гепидских князя, и именно «князя», хотя и сам читает: «die Zsupane»¹. Впрочем, надо прибавить, что в продолжение своего труда г. Гампель при титуле «Gepidischen» сам ставит знак вопроса². Относительно написания обоих личных имен вспомним только, как чудовищно писались местные и личные имена почти спустя тысячу лет в грамотах Трансильвании. Как тут разбираться! Очевидно, из обоих имен можно вытягивать любое чтение. Ведь и в славянском ономастиконе есть много имен на *-л*, *-ло* (суффикс прич. прош.): вспомним чехо-моравские имена: Поспишил, Прецехтел, Замазал; русские: Борило, Добрило, Твердило... У г. Гампеля сравнения смелые, а главное – не о князьях («Theilherrscher», т. е. удельный князь, переводит позже г. Гампель, ор. с. 1886, 480) говорит знаменитая надпись, а о владыках чисто славянского быта – жупанах, следов., и об институте чисто славянском.

Седая-праседа старина лежит за нашим словом *жупан*, почему и анализ его так труден. Но вести ли историю этого бытового термина от первоарийской старины, как делает Pictet, или нет, – для нас исторически важно одно, что где жупан, там и славян, что в историческое время *жупан* – и слово, и институт – принадлежит едино славянскому языку. Вспомним византийцев, у которых владыки переселившиеся сербов титуловались *ἀρχισουλᾶνος, μέγας σουλᾶνος*, общераспространенность слов *жуна* и семасиологическую связь между хорватским *жупан* – священник и польским *ksiądz, książe*.

¹ Там же, 602, 598 прим.

² «Ungar. Revue», 1886, p. 433.

Еще Шафарик заметил, что жупан больше, чем князь¹: действительно, о второстепенной роли князя свидетельствует и сербский язык, и «князи» трансильванских «*kenezatus*».

Что надпись чаши говорила именно о жупанах как славянских савонниках, не сомневался ни один из исследователей клада; только некоторые из них, воспитанные в предрассудке, что о славянском элементе III–V столетий на Среднем Дунае и помыслить нельзя, переводили обоих жупанов в X столетие: «Надо думать, — замечает г. Гампель, — ввиду встречающегося в надписи титула *ζουπάν*». «Но этому датированию, — продолжает тот же исследователь, — противоречит палеографический характер надписи. Нет никакого основания для подобного позднего датирования»².

Еще труднее разобрать остальные слова надписи. Г. Гампель видит в них перечень земель, где воеводили оба жупана, причем вспоминает и Тирас, и тирагетов (бессарабцев старого времени), — но везде одна натяжка. Может быть, и здесь личные имена: ср. *Тьша* из *Тихомил* (сын Уроша, пращур Неманичей). Но каково бы ни было это толкование, не оно решает вопрос о древности клада, а стиль, характер работы и письма: клад из III–V столетий. Для двух славянских жупанов полугреческими, полуварварскими художниками — «беглецами» из нашего юга, из Пантикапеи, думает г. Гампель, изготовлялись золотые предметы и, вероятно, в стране, искони плававшей в золоте — в Трансильвании, и, кажется, в связи с делом проповеди христианства тем славянским жупанам — крестильница для крещения...

Таким образом, оба жупана золотой надписи позволяют этнографу полагать славянский элемент на Среднем Дунае и в эпоху Аттилы. Вспоминать ли при этом о приисковых *ὁ μέδος ἐπιχωρίως χαλούμενος*, т. е. на месте, на Среднем Дунае, и иордановой *strava* — народных поминках по Аттиле? И оба жупана, и оба эти слова так прекрасно поддерживают друг друга; нам же пора примириться и со славянством *меда*, и со славянством *стравы*, и со славянами на Дунае в V веке. Любопытно, что, по новейшим расследованиям мадьярским, ставка Аттилы была около Сегедина, следов., вблизи нашего Сент-Миклоша. Не от «*strava*» ли ведут свою подземную историю золотой клад и наши «жупаны»?..

11

Но, не выходя из той же области Среднего Дуная, если мы спустимся еще на несколько веков назад от эпохи «*strava*» и *ζοαпан*-ов, но и там мы встретимся со славянскими отголосками.

¹ «*Starožitnosti*», II, 272, прим. 38.

² 1885, p. 607.

Кто только не глумился над теми исследователями минувшего славян, которым во второй основанной Траяном колонии в Дакии – *colonia Zernensis*, иначе *Tsierna*, *Zerna* – слышался отзвук славянской речи? Смеялся и крупный ум, и мелкая букашка...

Но уже Момсен в своем знаменитом «*Corpus inscriptionum latinarum*», т. III, останавливается (№ 1568 «...stationes *tsiernen*») на связи имени императорской колонии и имени протекающей тут речки Черной: «*Tsierna quin fuerit ubi fluvius etiamnunc Cserna dictus influit in Danuvium prope Orsovam veterem dubitari nequit*», – объявил Момсен¹. За ним Кипперт нестеснительно провозгласил, что имя второй Траяновой колонии – «*die einzige alte Spur slavischer Sprache in dieser Gegend*» – удержалось в притоке Дуная, Черна². Мы соглашаемся с г. Киппертом в том, что *Tsierna* – «единственный след» присутствия славян на Дунае времени знаменитого покорителя Дакии, так как этого признания для нашей цели вполне достаточно: тут и одна ласточка делает весну – хотя против «единственности» кое-чем можно бы возразить. Прибавим только, что в *Черную* впадает *Белая река*³; что здесь на левом и правом берегах Дуная и около рассыпаны имена от славян. корня *черн*: Чернец около Турну-Северина, гора Черна (при соседней горе *Nyegru*, что по-румынски значит тоже черный), *Csernedia*, *Csernoj*, *Csernatfalva*; в Сербии: Черниград, село Чернац⁴; что сейчас за Оршовой, в знаменитом и грозном «*Kasan-pass*», еще и сегодня в отвесных скалах сербского берега следы исторического Траянова моста – в виде черных дыр или гнезд, зияющих на пространстве около версты, а главное, что *colonia tsiernensis* должна была получить свое имя от реки Черной, а не наоборот. Ибо таков закон образования местных имен.

¹ Р. 248.

² «Lehrbuch der alten Geographie». Berlin, 1878, p. 337.

³ *Bellarega y Ignaz de Luca* «Geographie des Königr. Ungarn», p. 331.

⁴ «*Antiquarius des Donau-Stroms*», Francf. a. M., 1785, II B., p. 741, 742.

«Ниже Старой Оршовой вживается в Дунай *Черница* или Черна-река, как бы по-немецки *Das Schwarzewasser*», там же, p. 727. В двух часах на Черной лежит знаменитая Мехадия, *Ad Aquas* римлян. «Драгоценные памятники, здесь находимые, – несомненное доказательство ее старины. В 1736 году гр. Гамильтон нашел массу статуй и надписей, которые теперь в передней зале Венской публичной библиотеки» (там же, 728). Прибавим к слову, что летом наст. года нам пришлось быть в *Turnu-Severinu*: здесь надгробия с латинскими надписями, статуи, расставленные в ряд под открытым небом, стоят в общественном саду – *Gradina publica* – ясный знак, какая классическая почва кругом.

Таким образом, славянскую стихию Трансильвании мы спустили далеко вниз и свели ее на очную ставку с победоносными легионами Траяна.

Путанно, хотя-нехотя, и сам румынский профессор г. Ксенопол вынужден исповедовать тот же взгляд. «Что касается имен славянских в Трансильвании, — говорит он, — то они перемешаны с румынскими теснейшим образом. Это знак, что их происхождение восходит очень высоко — к самой эпохе образования румынского народа... Славяне, бесспорно, были более древними обитателями Дакии, чем мадьяры или немцы. Исчезнувший славянский народ должен был быть в соприкосновении на первом месте с румынами, чтобы передать им свои названия, почему и румыны должны были также быть раньше в этой стране, чем мадьяры или немцы»¹.

12

Горячий патриот г. Ксенопол, подводя итоги своими экскурсиям в область средневековых грамот Трансильвании, которые рассмотрели и мы, приходит к заключению, что «общественное состояние румын (Olahi), какое предлагают нам старейшие документы Залесья, нисколько не напоминает о кочевом народе пастухов: это быт земледельцев, собственников земли, сформировавшихся в полунезависимые государства под властью князей, владевших зачатками цивилизации»².

Под этим выводом подпишемся и мы, но с одной поправкой. Румынский профессор занес на счет (conto) своих валахов-пастухов, всегда отличавшихся плодovitостью и способностью поглощать иную стихию, все те цивилизационные элементы, которые принадлежат едино историческому хозяину Залесья — славянам. Думаем, что и беспристрастный читатель, если он найдет для настоящих томительных, однообразных страниц, примет нашу поправку. Да и сам Ксенопол признается, что славяне уже были в деле, на своих местах, когда румыны там только формировались.

Но могли ли славяне Залесья, видевшие Траяна и его кентурионов, говорившие юсовым языком топографических имен страны, так этнографически быстро исчезнуть, распуститься в валахах? Известно, что давно уже хозяин Залесья — румын. Если у нас, у Верхней Волги, тверские карелы живут еще своей жизнью, хотя и в виде этнографического анклава, отчего же в Трансильвании славяне исчезли давно и бесследно? Отчего там от тех почтенных славян с культурными талантами не сохранилось даже и того, что представляет финский островок Тверской губернии?

¹ Оп. с., р. 164, 166.

² Там же, р. 108.

Но мы напрасно сетуем на измену не в пользу славян хода жизни в нашем Залесье: и там твердо, упруго сохранял себя славянский элемент, как и финский на Верхней Волге, почти до наших дней; только о том не догадывались мы...

В 1822 году наш первый энергический путешественник среди австрийских славян П.И. Кеппен, *consiliarius ab intimis* знаменитого адмирала Шишкова, случайно попал на юг Трансильвании и наткнулся было на горсточку каких-то славян там. Он занялся даже ими, но затем забыл, хотя и отметил их в своем историческом плане ученого славянского путешествия, появившемся в «Библиографических листах». Когда же через 20 лет подневольный житель Одессы Н.И. Надеждин повторил путешествие Кеппена в Трансильванию (сведомый о его плане) и стал разыскивать тех славян, ему указали лишь одни свежие славянские могилы.

В 1856 году академику Миклошичу удалось получить славянскую рукопись 1830 года из Трансильвании. Она была им издана под заглавием «Язык болгар из Седмиградия». «В его болгаризме, — говорил знаменитый славист, — не может быть ни малейшего сомнения» («*Denkschriften*» Венской академии, VII, 106), и с того времени славяне стали ходить под кличкой старых болгар, как в прошлом столетии у изв. Аделунга в «Митридате» они же титуловались сербами. Взглянув на «болгар» как на этнографический курьез, не придавали им никакого особенного исторического значения; пытались даже определять время переселения их из Болгарии... Через двадцать лет, в 1875 году, посчастливилось нам отыскать и разобрать в Пештском национальном музее (*Némcet Museum*) небольшую рукопись с скромным заглавием «*Cantilenae sive specimina linguae ruthenicae et valachicae in Transylvania, Saec. XIX*». О рукописи и языке ее мы распространяться не будем: о ней мы говорили в «Отчете из-за границы» (Одесса, 1876, 48—52); языку ее отвели мы самостоятельное место — «Славяне Дакии» — в своей «Основной вокализации плавных сочетаний». Наконец, весь текст был издан акад. Миклошичем в «*Lautbezeichniss der bulgarischen Sprache*». Здесь потому лишь несколько слов.

Просмотр «*Cantilenae ruthenicae*», именно церковные протестантские песнопения и 1803 года записанные, показал, что в языке их нет ничего «рутенского», т. е. русского из Карпат, кроме названия одного села — «русского», что язык и отчасти текст повторяют болгарское издание акад. Миклошича 1858 года: но тем не менее это был язык славян, живших в 4 селах Трансильвании разбросанно на юге и во время записи уже умиравших — претворявшихся в румынскую стихию.

Из самой рукописи было ясно, что она была сделана в одном из тех 4 сел местным пастором по специальному заказу известного в то время историка и уроженца Трансильвании аббата Иосифа Эдера (Eder, †1811) именно для того, чтобы в летописях науки остался бы хоть какой след от того исчезавшего языка — да ведает славянское потомство о нем, и что титул «Ruthenicae» не по ошибке был дан записанным песням.

«Rutheni in Reussdörfel, Bongard et Csergöd majore ac minore (т.е. те четыре села) sensim, — отметил собственноручно Эдер как бы в предисловии драгоценной рукописи, — in Valachos abeunt ita, ut post aliquot annos vix ullum apud eos linguae pristinae superfuturum esse vestigium videatur. Hoc magis *operam dedi* (подчеркн.), ut haec specimina, precesiones et cantilenas complexa atque per sacrorum ministrum in Csergöd adcurate (!) descripta *obtinerem*, aliquando ethnologo cuidam, qui, ut Leibnitius procepit, e linguae vestigiis gentis origines vestigavit usui futuro».

Рукопись только по смерти Эдера вместе с другими перешла в Пешт. Имея ее в руках, ученый историк много и много думал над ней, над вымиравшими ее славянами: что они, откуда зашли к ущелью южной части Залесья? Известен общераспространенный взгляд и тогда, как и сегодня, на единое допустимое колонизационное движение славян в Европе — в направлении от гипербореев. Не будучи в состоянии самому быть тем «ethnologo», который бы e vestigiis linguae сказал настоящее слово о происхождении загадочных славян 4 сел (и старость мешала, и переселение в Вену), Эдер постоянно как бы болел темнотой судьбы тех славян-земляков и не упускал всякого случая, который бы был в силе сколько-нибудь помочь ему в его думах.

В начале 1807 года молодой венгерский граф Телеки собирался в ученое путешествие в Трансильванию. По-видимому, граф был натуралист; но тем не менее историк Эдер, понятно, по его личной просьбе, написал для него в Вене ученый маршрут «Aufgaben zur Erörterung bey einer Reise durch Ungarn und Siebenbürgen» и в этом маршруте возложил на молодого соотечественника задачу помочь ему в томившей его неизвестности об этническом характере обитателей тех четырех сел Трансильвании.

«Есть, — пишет Эдер в инструкции, § 11, — в некоторых селах Трансильвании, напр. в Reussdörfel, Чергёде, люди, которых называют русскими и среди которых еще удержались остатки их старого языка. С течением времени многие из них исчезли, напр. в Reussenmarkt'e, иначе Forum Ruthenorum грамот. С каким славянским языком стоит язык этих русских в столь близком родстве, что отсюда можно бы

было заключить об их непосредственном происхождении и таким путем попасть на вероятный след их вторжения в Трансильванию?»¹.

Своих «рутен»», т. е. русских, живущих в полумиллионном составе по юго-восточному склону Карпат, в северо-восточных комитатах Венгрии, Эдер не мог не знать, не мог не быть ориентированным в известном представлении об этнографических особенностях этой части русского народа: ибо в тогдашней статистической науке «рутен» те новостью не были. О них говорил уже М. Бела, говорит и Игнатий де Лука в своей «Статистике Венгрии» еще 1790 года, и в выражениях, которые людская злоба и зависть сегодня постарались заменить терминами, действительности не соответствующими, создавши «рутенский народ». Но если опытный и ученый Эдер задавался вопросом о генетическом происхождении «русских» четырех славянских сел Трансильвании, о пути, пройденном ими до прибытия своего в страну, вот-вот уже готовую статью их могилой, мучился этим вопросом, но не смешивал их с русскими Венгрии или Галиции, непосредственно примыкающими к Трансильвании, то ясный знак, что для него эти последние русские, и русские 4 сел его Трансильвании были две различные этнографические величины, не должностующие быть смешиваемыми. И как был прав в этом знаменитый аббат; сколько критического такта сказалось в нем при этом! Дей-

¹ «§ 11. Es giebt in einigen Dörfern Siebenbürgens, zum Beispiel in Reussdörfel, in Csörgöd Leute, die man *Reussen* (подчеркнуто Эдером) nennt, und unter denen noch Spuren ihrer alten Sprache vorhanden sind. Vor Zeiten hat es mehrere gegeben, z. B. Reussenmarkt, sonst in Urkunden Forum Ruthenorum. Mit welchem Slawischen Dialecte steht die Sprache dieser Reussen in so naher Verwandtschaft, dass man auf ihre unmittelbare Abkunft schliessen und dadurch auf eine wahrscheinliche Spur der Einwanderung derselben nach Siebenbürgen kommen könnte?». Ввиду важности этих запросов Эдера мы привели их в подлиннике, из рукописи, находящейся в Национальном музее в Пеште, под №566, quart.-lat. в собрании манускриптов Эдера — *Manuscripta Ederiana*. В начале этой рукописи, стран. 1, на краю, отметка рукою же Эдера: «Geschrieben in Wien, d. 15 Januar 1807». За сим приведенный выше в тексте немецкий титул ученой инструкции для гр. Teleki. Номер же этот в собрании *Ederiana* заключает в себе черновые бумаги, письма, проекты, относящиеся к Трансильвании специально. Бумагами Эдера в музее Пештском мы пользовались в бытность нашу в Пеште в июле наст. 1889 года. Прибавим, что и они, как и все в музее, — в образцовом порядке, так что пользование удобно. При этом не могу не вспомнить самой теплой признательностью чинов музея за их радушие, предупредительность; в особенности же я обязан душевной благодарностью хранителю рукописей д-ру Яношу Чонтоши (Csontos Iános), члену Академии наук. Ср. наши «Письма с пути по Дунаю», Одесск. вестник, 1889, № 216, второе письмо.

ствительно, русские одни и русские другие, как сейчас нам покажет язык обитателей загадочных четырех сел, взаимно не покрывались.

Но прежде чем перейти к лингвистической экскурсии, еще несколько дополнительных слов к новейшей истории вопроса о загадочных жителях тех четырех сел.

После открытия нами «рутенских песнопений» в Пештском музее загадочные славяне загадочных четырех сел сделали предметом особенно теплого внимания со стороны энергического земляка великого Шафарика, профессора Пражского университета д-ра И. Пича, небезызвестного и в нашей литературе. Занимаясь специально историей и этнографией Венгрии и Румынии, г. Пич не мог оставить без внимания тех славян. Посетивши нас в Одессе в августе 1883 года, он на возвратном пути сделал объезд Южной Трансильвании в надежде, не найдется ли чего нового для разъяснения этнографической загадки, ставившей в тупик Эдера. Положительные результаты были невелики: несколько этнологических наблюдений о физическом типе валашских жителей Южной Трансильвании, любопытное известие, что старики в Чергедо еще и сегодня читают молитву Господню на славянском языке, совсем не понимая его. Но сделано было главное — возбужден интерес у кое-кого из местных ученых к разведкам за своей славянской стариной, и результаты этого возбуждения были вскоре налицо. Зимой 1887 ученый д-р А. Амлахер из Мюльбаха в Трансильвании прислал г. Пичу целый ряд мелких заметок и несколько крупных актов из местных архивных собраний, касающихся судеб жителей обоих Чергедов в XVII и XVIII веках, но главное — прислал и новые славянские тексты из Чергедо, обнимающие самый полный канционал. Оказывается, что уже имеются целых три канционала. Истинный клад для науки! Исторические материалы были изданы уже в начале 1888 года, с обширным введением проф. Пича «К истории дакийских славян» (здесь положительный интерес имеет глава вторая «Национальность дакийских славян» — по собранным топографическим данным), а издание текстов принял на себя профессор Гаттала; этого труда с нетерпением ожидает славянская наука¹.

¹ См. «Die Dacischen Slawen und Csergeder Bulgaren» von Dr. I. L. Pič und Dr. A. Amlacher, Separatabdruck aus den Sitzungsberichte der k. böhm. Gesellschaft der Wissenschaften, Prag., 1888. pp. 257, 261, 227 и др. Автор в своем исследовании является большим румыном, чем сами румыны; он убежден теперь даже, что самое название Трансильвании у мадьяр — *Erdöly*, которое буквально передает *Ultra Silvas* грамот, — происхождения румынского (р. 256). Это пристрастие ослабляет силу впечатления.

Летом нын. года, в бытность нашу в Праге, заслуженный славист был настолько добр, что показал нам как самую драгоценную рукопись славянского канционала из Чергеда, так и почти оконченное свое издание ее. Рукопись in 8°, на простой бумаге, писана, как и «Cantilenae» 1803 года, немецким письмом и столь же неразборчиво. Новый текст, имея преимущество перед рукописью 1803 года своим объемом — около 200 страниц, а потому и большим разнообразием содержания, большим количеством форм, слов и оборотов (хотя весь текст — рабский перевод с немецкого), уступает рукописи 1803 года своим возрастом: он моложе на десять лет — писан в 1812 году.

Тогда же проф. Пич читал нам только что полученное письмо от д-ра Амлахера, извещавшее о новом, еще более важном, открытии — открытии им на страницах одного рукописного немецкого канционала XV—XVI столетия славянских глосс. К сожалению, не зная славянского языка, д-р Амлахер не мог сказать ничего более. Канционал же им найден в каком-то селе Трансильвании во время путешествия. По нашей просьбе обязательный проф. Пич писал тогда же д-ру Амлахеру прислать в Прагу или самый канционал, или копию новооткрытых славянских глосс XV—XVI столетия. Но до отъезда нашего из Праги (20 августа) от Амлахера ответа еще не было. Но как бы то ни было, все эти последние открытия в области славянского языка Трансильвании позволяют быть твердо уверенными, что со временем при добром желании будут отысканы и новые славянские тексты, и новые историко-бытовые данные о былом славянстве загадочной страны.

Как упомянуто было выше, ничего русского не заключает в себе язык «русской» рукописи 1803 года; напротив, его характерные черты резко выбрасывают его из нашей русской семьи. Для убедительности мы предлагаем строфу из Амвросиева гимна:

Szette cherubim i zeraphim
Szegi sz peszme ta glaszivant:
Szvent je goszpodin Bog.
Dvanadeszent Apostole
I dragi prophetase szif
Martirette szif sza jedno
Ta falent sza sz marlini szvon
Je szette vernye karsztyene (14 страница).

В русской современной переписи, восполняемой специальными буквами из азбуки св. Кирилла и старопольской, строфа эта будет читаться:

(В)се-те херубим и зерафим
 Сеги с песме та гласиват:
СВАТ ю господин Бог.
ДВАНДЕГАТ апостоле
 И драги профеташе сиф (= вси?),
 Мартире – те сиф за **ЮДНО**
 Та **ФАЛАТ** сас марлини звон
 И се-те **ВЕРНІЕ КАРТІЄНЕ**.

Соберем несколько черт языка.

Прежде всего, нас поражает назализм, присутствие носовых *a* и *e*, т. е. в том числе как и в языке св. Кирилла. Но этого мало: «русский» язык рукописи 1803 г. знает и носовые *o* (*porontsenie* = **поржүenne**) и *i* (*inszik* = **назыкъ**).

Вокализация так назыв. плавных сочетаний не имеет ничего общего с тем же явлением в русском языке, именно фонема *ar* вм. русской *er, re* (марлини, **КАРТІЄНЕ**).

В связи с этой новой вокализацией плавных сочетаний необходимое следствие: краткогласие *pa, la* и пр. вм. *oro, olo* и пр.

Не по-русски звучит *e*: песме, но *meazto*, т. е. *ea*; не по-русски *ue* в начале (**ЮДНО** = одно)¹.

Не по-русски меняется зубной *m*: *pomost*, т. е. *помощь*, *nosti*, т. е. *ношти*. Но *д* дает русскую фонему ж: *nadeszen*, т. е. *надежен*.

Не по-русски *ф* вм. *х*: *teaf*, т. е. *tex*.

Самое оригинальное явление — широкое применение назализма. Другие черты — общие со славянским языком Нижнего Дуная. Это обстоятельство, затем известность члена и после имен, забвение склонения (от него слабые остатки), — а все это отличает именно современный язык болгар, не могли не привести к мысли, что и этот язык — болгар, но каких-то старых болгар, напр. богомилов XI столетия. Эту мысль поддерживали и исторические внешние указания. Так, при Чергедде Большом исстари утвердилось прозвище *Болгарский*. В грамоте 1299 года, 14 сентября, упоминается *villa Bugar-theluke*, 29 сентября и 25 ноября — *possessio Bogar-telke*². Еще определительнее в грамоте 1336 года: «...ostendit (межа) ad puteum et incipit conterminari metis alterius Ghergewd bulgaricum, qui est nobilium de

¹ «Wurful Budislawului (пограничная гора на юре) desupra Jezerului. Jezer ist ein stehendes Wasser, oder wenn man will, ein kleiner See» («Siebenbürgische Quartalschrift» VI, (1798 г.) p. 36). Очевидно, *jezer* местное слово = **ЮЗЕРО**.

² Teutsch — Firnhaber, op. c., pp. 210, 211, 215.

Gyod... ubi terminantur mete a parte supradicte *Ghergewd Bulgary*»¹. Здесь *Bulgary* – целиком славянский им. мн.: *болгары*. Наконец, поддерживала эту мысль и распространенная теория о широком владычестве задунайских болгар на север от Дуная в X–XI веках. Прибавим, что первый, кто доказывал на основании анализа языка топографических имен Трансильвании присутствие здесь славян, но примкнул их к болгарам, был знаменитый Шафарик в своих «Древностях», том второй.

Против этой болгарской теории, против того, что Эдеровы «*Rutheni*» – болгарские выселенцы из-за Дуная, заметим, что указанные синтаксические явления, член и после беспадешность, разделяют вместе с болгарским, как это давно подмечено было глубоко проницательным Копитаром, целая группа языков – и именно Балканского полуострова: румынский, албанский, куцовлашский, следов., не составляют специальности болгарского языка; широкой же ринезм, который богаче, чем в тысячелетнем языке св. Кирилла, а в морфологии такие формы, как *фалят*, где и *юс*, и личный суффикс, совсем противятся вчислению его к болгарам.

Далее, статистики и этнографы Трансильвании, уроженцы страны прошлого столетия, хорошо знавшие этнические слои населения, не называли жителей загадочных 4 сел болгарами, а язык их – болгарским. Мы слышали категорические утверждения Эдера; послушаем теперь другого.

Вот, например, известный трансильванец Benkö, автор громадного труда «*Transylvania*» (Вена, 1778). Бенкё хорошо знает настоящих болгар в предместье Братева (Кронштадта), отмечает их в своей этнографической картинке как болгар, но никогда не смешивая с ними «русских» Эдера. Также поступает г. М. Бел².

Известны, далее, настоящие болгарские колонисты в соседней Венгрии, в Банате: но их язык – это не язык 4 сел, а как есть болгарский.

Известно, наконец, что и болгарский язык какого-нибудь XII столетия, насколько он отражен в памятниках, имеет все основные свойства современного болгарского языка: не только отсутствует ринезм, но уже господствует власть глухого звука в нем.

В приуроченье языка Эдеровых «русских» болгарам грешат против правила педагогики – идти от ближайшего к отдаленнейшему. Попытаемся же пойти иным путем и для ответа, что за язык зага-

¹ E. Hurmuzaki «*Documente*» и пр., см. выше, I, p. 644. Ср. в грамоте 1302 просто *Gsergeüd* (p. 562).

² В географии Трансильвании он говорит о русских (*Russi*) или «*Rutheni*» и отдельно о болгарях: «*Sernii, Bulgari, Graeci*» (p. 114).

дочных четырех сел, проведем сравнение его с славянским языком топографических имен Трансильвании, конечно, насколько последний дает себя ухватить.

Уже наперед подчеркиваем результат этого сравнения: основные черты языка, извлекаемого из славянской топонимии Трансильвании, и черты языка рукописи 1803 года представляют полное согласие: мы слышим речь одного и того же человека и из записанного в наши дни текста, и из переходившего века от поколения к поколению через неродные, чуждые уста местного имени.

И в топонимии, как современной, так и в той, которая предлагается грамотами, мы видим присутствие ринезма и в том же разнообразии. Берем несколько примеров – и, главным образом, из списка у г. Ксенопола³:

Нос. *an*: *Anta* (ср. ст. слав. **жѣта**)

Нос. *ън*: *Gânsanii* (ср. ст. сл. **гѣжѣ**)

Нос. *un*: *Lunca, Bunicul, Strunga*

Нос. *in*: (из *on*): *Dimbul, Zimbru*

Нос. *om*: *Dombu*.

Далее, те же фонемы: *va, la* (*Gvadiste, Glava*), *ъ* = *e, ea* (*Deszna, Deal, Pleasa*), *шм* (*Seliste*); та же вокализация плавных сочетаний (*Tarnitzele*; но *Cernica, Virful*), даже *f* вм. *ch* (*Virful*, т. е., **вѣрхѣ**, ср. *teaf* = *тех*).

Так как топонимия представляет материал ограниченный, частое повторение одних и тех же слов (*virf* = *верх*), и все это, прошедшее через уста румына или мадьяра, поэтому не будем взыскательны, если, напр., для носового *in* не отыщется оправдания.

Таким образом, сделанная параллель между обоими языками позволяет нам славян загадочных четырех сел отнять у болгар и поставить в прямую родовую связь с теми славянами, которым Трансильвания и отчасти Придунавье, сегодня уже инородческие, обяза-

³ Мы пользуемся г. Ксенополом для большей объективности. Но мы могли бы составить громадный список носовых имен по знаменитой карте *Липского* (Вена, 1806 г.). К слову, о славянских моментах у г. Ксенопола. Насколько он бывает несчастен в своих славянских сведениях, видно из того, что он, не стесняясь, говорит о небывалых славянских словах, так что и догадаться нельзя, откуда он его выкопал. «*Tatros*, — объясняет автор, — *n'est autre chose que le Trotus — en slave (!?) — rapide*» (p. 158). Напротив, имена вершин *Ciudomir* = Чудомир, *Izvor* = извор, источник он считает румынскими словами. В этих своих объявлениях г. Ксенопол может быть поставлен наряду только с этимологами румынской Академии наук, гг. *Laureanu* и *Massimu*, которые даже в состоянии для румынского *gresescu* из слав. *грешити* подыскать латинскую генеалогию и с подобными приемами написать толстый и очень ученый «*Glossariu vorbele d'in limba romana straine*» (Bukuresci, 1876), — но от своей совокупной фантазии.

ны своей географической номенклатурой, старому хозяину страны – ее искони славянскому населению за тысячу и более лет до появления рукописи 1803 года.

14

Но нам могут возразить: положим, что характерные и мелкие черты языка 4-х сел и языка, воскресающего из топонимии Трансильвании, – одни; но это совпадение может быть чисто случайного характера и не исключает собой совершенно возможности, что славянские обитатели тех сел – колонисты и принесли с собой язык, который, по игре случая, оказался столь близким к языку местных имен приютившей их страны, что кажется одним с ним.

Мы принимаем это возражение и попытаемся его устранить, эту теорию случайного совпадения. Мы сделаем экскурсию сначала в XVIII век Трансильвании и потом спустимся на два столетия ниже, к счастью, не оставляемые сирыми со стороны науки.

По прямому и категорическому заявлению такого знатока края, как Эдер, славяне четырех сел во время снятия на бумагу их языка были уже в процессе вымирания: переходили в пастуха-валаха и забывали родную речь. Сделанное при этом предсказание Эдера о ближайшей судьбе и их, и их языка исполнилось, как сказано выше, через немного десятков лет – с формальной поправкой проф. Пича. Если же славянское население четырех разбросанных на юг от Германштадта сел так скоро и так точно выполнило предречение ученого аббата, то ясно, что его уже было немного. Действительно, по статистическим данным самого начала нашего столетия, оно представлялось двумястами душ – малая крупница среди всюду все давящей массы грубых валахов¹, о которых один современник заметил, что как жаль, что среди такого многочисленного народа немногие умеют читать»².

Понятно, так как те славяне были уже полувалахи, вот-вот готовые забыть свой язык (если они еще задерживались, то только благодаря, несмотря на все насилия от валахов, принадлежности

¹ В 1795 г. всего населения Трансильвании было 1 250 000 («Siebürg. Provinzial Blätter», B. IV, p. 399). В 1766 году было валахов: православных – 444 219 душ, униатов – 116 958 д., а всего с принадлежащими к другим конфессиям – 667 306 душ. По сведениям 1772 года, одних православных было уже 558 076 душ. Политические же три нации – мадьяры, секлеры и саксы – все вместе в 1791 году составляли всего около 300 тысяч семей (226 882 + 75 551). Греков тогда же было 103 семьи, болгар – 31 (в 1772 – 50 семей), евреев – 314 семей (Из «Manuscripta Ederiana» в Пешт. музее, № 287, fol. germ.).

² «Siebenbürgische Provinzial Blätter», B. V, p. 377.

своей к лютеранской и кальвинской церквям¹, а валахи — православные или униаты), то глазу со стороны, напр., иностранца, виднелся всюду один валах — помимо трех полноправных *nationes* и слабых оазисов действительных пришельцев (сербов, болгар), и только сведущий, опытный туземный исследователь задумывался над тем славянским элементом, над его судьбой в минувшем. Он не довольствовался признанием голого факта их полусуществования, но старался отыскать для них, теперь безродных, их родство, но на месте, притягивая к ним, пользуясь топонимией и жителей других мест своей Трансильвании, разбросанных то там, то здесь, но на его искушенный опыт взгляд одного с ними происхождения. Он не поступал бы так в своих трудах, если бы сколько-нибудь сомневался в туземности того славянского элемента; но он никогда не смешивал его с действительными выселенцами, приютившимися в Трансильвании.

Вполне естественно, что одна этнографическая картина Трансильвании XVIII столетия у географа-иностранца, кропотливая Бюшинга, другая — у своего, у полигистора Бенкё.

Мадьяры, секлеры и саксы, говорит Бюшинг, — вот три главные народа. Что же касается остальных, которые считаются чужеземцами, и если желают приобрести права гражданства — должны присоединиться к одному из трех народов, то это:

«Валахи, остаток и потомки старых римских колоний. В их языке много родственного с латинским, но смешан он со славянским; даже лицом и одеждой валахи напоминают римлян. Простой валах живет в грубом невежестве, так что едва двадцатый в состоянии произнести молитву Господню... Далее — армяне, что преимущественно торговцы, райцы (т. е. сербы), болгары греки...»².

¹ В 1760 году пастор Большого Чергеда приносит жалобу, что управляющий униатского епископа, которому принадлежит село, угрозой отнять усадьбы и землю принуждает его прихожан к переходу «zum walachischen unirten glauben». Еще интереснее соединенная жалоба пасторов обоих Чергедов через 29 лет, из которых один был старый жалобщик, но теперь уже в Малом Чергеде, а другой *Matuash Nösner*; не сомневаемся, последний это тот самый, который для Эдера написал рукопись 1803 года. «Управляющий поместий Банфи, — жалуется пастор Малого Чергеда, — под самыми страшными угрозами воспретил евангелическим болгарам его общины употребление их ему непонятного родного языка и позволяет им говорить только по-валахски, почему они бегут в Венгрию». Другой пастор жалуется, что «через насильственный переход очень многих членов его общины в унию он скоро будет пастырем без стада». Из указанных выше сообщений д-ра Амлахера в «Die Dacischen Slaven» и пр., p. 267.

² «Neue Erbeschreibung». Hamburg, 1751, I, p. 1013–1015.

Современник Бюшинга, но туземец, секлер Бенкё, издавая свою «Transylvania», при крупных (мадьяры, валахи) не забывает и своих крошечных братьев – славян четырех сел и силится уяснить: кто они и откогда? И что же? И для него они – те же славяне, что и многих других мест страны, но которые уже орумынились или стали мадьярами, но об этом, замечает он, «*ipsa nomina produnt*», а на своих местах они от того отдаленного времени, когда славяне подвинулись с севера и перешли Дунай; «часть их, – замечает Benko, – зашла и в Трансильванию, где их *nes in hodiernum diem deficit*»¹.

Таким образом, в глазах ученого трансильванца половины XVIII стол. наши славяне – старожилы в крае, а не пришельцы, язык которых случайно попал в такую необыкновенную гармонию со славянским языком местных названий Трансильвании.

Если же в дни Бенкё еще было достаточно, *nes deficit*, представителей старославянской стихии было еще довольно, было достаточно тех самых славян четырех сел, которые через полстолетия младшему современнику Бенкё казались уже совсем потерявшимися, распустившимися в валашской стихии, то в порядке вещей полагать, что чем глубже вниз веков, тем численнее тот же славянский элемент был в стране.

И действительно, от первой половины XVI века мы имеем бесценное свидетельство о наших славянах ученого дипломата императора Фердинанда II и уроженца Трансильвании, что в его время наши славяне представляли из себя самостоятельную этнографическую особь, были еще племенем, вносили свою окраску в ту же монотонную всевалашскую Трансильванию. Мы разумею Рейхерсдорфа с его драгоценной «*Chorographia Transilvaniae quae Dacia olim appellata*», о которой уже упоминалось выше (вышла в 1550 г.).

В сухих, сжатых словах мы имеем этнографическую картину страны раньше половины XVI века. Уроженец края, неоднократно посещавший его по делам службы, Рейхерсдорф так же хорошо знал его, его население, как позже Бенкё и Эдер.

Кроме господ страны – мадьяр, секлеров, саксов, кроме бесправной массы валахов, ученый трансильванец половины XVI века еще отличает в ней, в ее населении, и строго «рутенев» из Галиции, болгар в особом (третьем) предместье Кронштадта (Брашова), армян, греков и турков². Все эти мелкие этнографические подробности указывают знатока края и его жителей, почему нет основания не доверять и таким этнографическим сообщениям Рейхерсдорфа, ко-

¹ Т. I, p. 497

² «Chorographia», p. 10 а, 11 а, б.

торые, на первый взгляд, останавливают нас своей новизной, оригинальностью.

«Zaswaras, saxonibus Bros dicta, – говорит Рейхерсдорф – distat a Kenijer ad meridiem uno miliari, sita ad flamen Marisum, terra fecundissima frumenti vini et omnium fructuum ferax: *ibi populus admodum urbanus et ad Valachorum ritum et consuetudinem, amictu et victu non parum accedens*, qui passim in campis circumque desertis quibusdam possessionibus resident (т. е. хуторами), et habent coelum mirae temperiei: etenim sylvae intensissimae, lepores, damas et cervus, in magna multitudine foveant, piscibusque illic optimis abundant»¹.

Прежде всего ориентируемся в топографии, где богато жил тот «populus».

Zaswaras, т. е. Szászváros, город саксонцев, или Broos, лежит на юге от Белграда (Fejervar) или Карлсбурга и Залатны и на запад от Германштадта, на левом берегу золотоносного Мароша, в крайнем западном углу «земли саксов», так наз. Fundus Saxonicus. *Kanijer*, иначе Campus Kenyer, как раз посреди Сасвароша и Германштадта².

Территория того «народа», который только что описан Рейхерсдорфом, лежала между Сасварошем и Германштадтом, т. е. в непосредственном соседстве с тем краем, где уже в XIII столетии стоял славянский городок Forum Ruthenorum, переведенный немцами в Reussmarkt, разные села «русские», а главное – в соседстве и с четырьмя загадочными славянскими поселениями Эдера.

Из слов этнографа XVI столетия ясно, что «народ», помещаемый им на восток от Сасвароша, был той же православной веры, что и валахи, обычаями своими, одеждой, жизнью весьма и весьма походил на валаха; но тем не менее то не был валах. При всем сходстве он отличался физически от валаха. Чем? Рейхерсдорф не говорит. Но чем мог он отличаться? Единственно своим языком, происхождением. Какой же язык мог отличать его от валаха? Единственно допустимый язык – славянский. Валах – пастух, грубый полудикарь; но этот «не-валах» был носителем иной культуры – культуры земледельческой, искони бывшей достоянием славянского племени, был обитателем чисто райского уголка. Вблизи его хуторов и леса с благородным зверем, и реки с рыбой; прекрасный климат; кругом плодородная земля, обильно под руками трудолюбивого народа произраставшая злаки, плоды, вино. Но, очевидно, числом своим этот «populus» равняться валаху не мог, и он уже усвоил от последнего весь его валахский облик: но тем не менее, если он назван зна-

¹ Там же, р. 14 б.

² См. карту J. B. Homanni «Princ. Transylvaniae in suas quasque nationes... divisus», Norimbergae.

током страны особым народом со всеми чертами племени, давно сидящего на своей земле, то, следов., он представлял из себя еще некоторую серьезную этнографическую величину, и потому он не остался незамеченным у Рейхерсдорфа.

Итак, из сделанной экскурсии из XVIII в XVI столетие мы убеждаемся, что крошечное славянское население Трансильвании, в начале XIX века почти расплывавшееся уже в валашской стихии, всего до 200 душ, еле говорившее по-славянски, но в языке которого повторялся язык топонимии страны, еще в половине XVI столетия составляло из себя целое православное племя, отдельную этнографическую особь, близкую внешними особенностями своего быта к валахам, но в то же время заметно отличную от них. Никогда знатоки этнографии страны не видели в своих крошечных согражданах каких-то колонистов из более или менее недавнего времени.

Ввиду вышеизложенного нельзя видеть игру случая в замечательном факте согласия языка исчезавших славян Эдера с славянским языком топонимии Трансильвании: эти славяне – последний отголосок, последний след от бывшего славянского хозяина всей страны, и хозяина, не лишенного известной культуры, почти чудом задержавшийся до начала нашего столетия. Своей последующей судьбой, столь точно определенной у Эдера, они иллюстрировали уже на наших глазах тот этнический процесс перерождения, который незаметно, тихо, в течение многих веков совершился в пределах загадочного Залесья, пока страна из славянской, культурной, не стала валашской, пастушеской.

15

Мы у конца нашего доклада.

Но нам скажут: причем же здесь интерес науки русской истории, интерес русской культуры? Придунайское Залесье – старая земля погасших славян, но не земля же русского народа...

В том-то и высший интерес для людей русской истории, что земля та была именно русской землей, что ее славянские обитатели были именно русские.

Исходя с лица земли, те последние двести славянских душ, которыми так глубоко был заинтересован Эдер, что заказал записать у них несколько церковных песен (церковных потому, что в домашнем обиходе утверждался уже румынский), – да останется хотя в науке след их земного существования – называли себя не иначе как русскими, не иначе называли их и соседи: мадьяре – *Orosz*, валахи – *Rusu*, немцы – *Reussen*. Здесь причина, почему и рукопись 1803 г. носит титул «*Cantilenae Ruthenicae*».

Русское имя тех славян категорически засвидетельствовано са-

мим Эдером. Затем мы видели выше, что и позже много и много думал о загадочной судьбе тех же русских тот же Эдер, какими задачами он напутствовал отправлявшегося для изучения его родного края молодого Телеки: «es giebt's in einigen Dörfern Siebenbürgens Leute, die man *Reussen* nennt» – и сам подчеркивает слово «*Reussen*». Ясно, это этнографическое имя было общепризнано на месте.

Почти одновременно с заказом Эдера, в 1802 году, в Германштадте профессором местной гимназии доктором Самуилом Вольфом была издана небольшая грамматика языка тех славян, и язык их назван русским: «*De vestigiis Ruthenorum in Transylvania. Dissertatio quam... publice defendit Samuel Wolf, Gymn. Cibir. a. c. prof. extraord.*» (Cibinii, typus Mart. Hochmeisteri, 1802, 19 страниц). В приложении несколько слов, но в записи, совсем затемняющей характер языка.

Но оставим современников умиравших русских в начале нашего столетия и обратимся в старину Залесья: знала ли и старина их под тем же именем русских?

Остановимся *primo loco* на старшем сверстнике и земляке Эдера, знакомом нам Бенкё, с его «Трансильванией» половины XVIII века.

В первом томе, в общем описании Трансильвании своего времени (§ CLXIII, VII – этим § мы воспользовались и раньше), и Бенкё о жителях четырех сел говорит только как о русских и, подобно Эдеру, отыскивает прямую родню им в прошлом Трансильвании при помощи местных имен, но, в отличие от Эдера, на место осторожного отношения к вопросу последнего ставит свой догматизм.

«*Rusi sive Rutheni*, - объясняете Бенкё, – *seculo VIII è Russia Alba, novas saedes quaesituri, egressi, Bulgariam, Serviam, vicinasque regiones et utramque Danubii ripam implerunt, quam nec in hodiernum diem defecit*»¹. Он считает, таким образом, русских своей земли хвостом, зацепившимся за Трансильванию при общепредполагаемом грандиозном передвижении славян за Дунай, но в VIII стол. и из Белоруссии.

Что Бенкё говорит здесь именно о наших эпигонах, видно из примечания сейчас: «*Nac immigratione* (т. е. из Белоруссии!) *pagos Bungárd* (т. е. Baumgarten иначе), *Raissdörflein et Cserdöd insedis*se constat». Но он прибавляет затем: «*sed et vicos Orosz-falu, Orosz-faja, Orosz-hegy aliasque Russos tenuisse, ipsa nomina* (Russus enim Hungaris Orosz cluet) *predunt*», – но только все эти «*veteres Russi in Valachos et forte etiam Hungaros transmutati sunt*»².

Итак, и по взгляду Бенкё, то были одни русские, причем этих русских он видел не только расплывшимися среди румынской стихии,

¹ I, p. 497.

² Там же, p. 590.

но даже и среди своих мадьяр. Здесь нельзя не вспомнить славянских имен графов секлеров в XIII веке и известности у последних славянского письма. Прибавим еще одну мелкую черту из этнографических сообщений Бенкё — о быте тех русских.

Известно, что они были протестанты, т.е. не ранее второй половины XVI века, «*Religionem Lutheranam (fidei enim Helvetiae renunciarunt) sequuntur: in jejuniis tamen et multis aliis ritum Orientalem nondum exuerunt*». Но если в быту еще существовал православный обычай поститься, то, несомненно, мы здесь имеем след задержавшегося православия, а раньше мы слышали категорическое свидетельство Рейхерсдорфа из первой половины XVI столетия, что «*populus*», языком отличавшийся от валахов и живший по соседству с теми самыми местами, где через два столетия этнографы XVIII века знают крошечные русские оазисы, был именно православным той же веры, что и валахи. Новое доказательство преемственной связи «русских» Эдера и «особого народа» Рейхерсдорфа. Ввиду же православного обычая поста даже среди лютеранских славянских общин на юге Трансильвании понятна распространенность там выделения постного масла из льняного семени: «*linum passim quidem, sed in Barcia¹ quam felicissime crescit, — говорит Бенкё, — oleum ejus non cito rancescens, multijuge Valachorum aliorumque jejunium solatur*»². Кто же это «*alii*», не валахи, соблюдающие посты? Очевидно, те же «русские» четырех сел.

Понимая верно широкую задачу этнографа — полное представление картины жизни, Бенкё во второй части своей громадной «Трансильвании» собирался предложить обстоятельное описание жизни, быта своих земляков «русских», для чего специально по его заказу такое описание и сделано было на месте одним знатоком дела, который, говорит автор, «*Statum mores etc. Russorum colonorum utriusque Cserged penitus cognovit*». Это был ассессор Владислав Бало de Nady-Baczony. К сожалению, Бенкё умер, и вторая часть не вышла. Но этот любопытный этнографический трактат приятеля Бенкё, посвященный описанию быта «русских крестьян обоих Чергедов», пропасть не мог: он находится, думаем, среди бумаг ученого трансильванца и когда-нибудь, хотя прошло уже более ста лет,

¹ Т. е. Burzenland, на юге.

² Там же, p. 114. Кальвинист Фесслер иронизирует над обычаем поста у своих валахов: «*dagegen hielten sie den Bruch ihrer 4 grösseren Fasten für schwerere Sünde, als den Mord. Fasten war ihnen das Versöhnungs — und Genugthuungsmittel für jedes Verbrechen*» («Geschichte der Ungern», IV. Th. p. 1126).

отыщется и обогатит славянскую науку интересной страничкой¹. аким образом, ясно, что этнограф Трансильвании XVIII века писал не по слухам свои сообщения, а делал всяческие разведки на месте, принимая все меры, чтобы быть полным, достоверным и точным. Не праздно потому признание Бенкё в предисловии к I тому, стр. 1; не праздно и свидетельство его о современных ему «русских».

Но спустимся в XVI столетие и ниже. И здесь, хотя спорадически, редкими оазисами, но все же встретимся с русскими людьми в разных пунктах Трансильвании, помимо присутствия этого этнографического термина в самих местных именах и даже там, где мы каких-либо русских менее всего могли бы ожидать.

XVI столетие.

В ныне чисто мадьярском населении, но с славянским именем *Karacson-falva* (иначе *Foby-falva*, у румын *Kracsionelul* или *Krecsunelul* – от *крачун*, рус. *карачун*, *крак* = (о)корок шаг) так наз. *Sedis* Марошской, на приходе его до 1556 года, следов., до лютеранства, упоминается священник *Petrus Ruthenus*, т. е. русский². Да и само село было русским уже в XV столетии, см. ниже.

Если же на стороне мы встречаем священников из русских, то едва ли мы не вправе полагать, что и священниками «русского» села *Baumgart* тогда же и раньше (имена которых дошли до нас) были также русские, хотя так и не названы.

¹ В бытность нашу в Пештском музее летом нынешнего года мы искали следов бумаг Бенкё, но ничего не нашли. Пособить нам в исследовании вопроса о нахождении этих бумаг любезно предложил свои услуги помощник обязательного кустода г. Чантоши г. Ant. Hodinka. Действительно, уже в сентябре мы получили от последнего такую справку о судьбе бумаг Бенкё. В 1867 году вышло в Пеште обширное жизнеописание Бенкё гр. Еммерика Мико. Здесь на 155 стр. находится: Бёнке начал печатать и вторую часть своей «Трансильвании», но успел напечатать лишь несколько первых листов. Самой же рукописи Бенкё существует три экземпляра, из них два – собственность «*Siebenbürgische Museum-Gesellschaft*». Первый экземпляр носит титул: *Benkö los. Pars posterior sive specialis Magni Princip. Transilvaniae cognitio, fol. lib. 3, in tom. 2. et quidem: Tom. I titulum habet: Terra Hungarorum et facit libr. 1; Tom. II exstat e libr. 2-e, titulum habet: Terra Sicularum, et libr. 3, titul. habet: Terra Saxonum*. Второго экземпляра титул: *Josephi C. Kemeny: Collectio major manuscritorum historicorum: Tom. XL, vol. 2, экземпляр недостаточный*. Третий экземпляр – собственность Главной школы в *Nagy-Enyed* в Трансильвании и носит титул: «*Cl. Jos. Benkö: Pars Posterior Transsilvaniae sive Specialis Transsilvaniae Principatus cognitio*», in 8°. За это дорогое для нас сообщение приносим живейшую благодарность г. Ходинке.

² «*Siebenbürgische Provinzial – Blätter*», III (1808), p. 146.

Baumgart (Baumgarten, мад. Bangert, латин. офиц. название Bungardinum) составлял однородный, чистый от немцев приход до 1521 года, когда приходская церковь была совершенно разрушена. До 1521 же года в этом поселении именуются приходскими священниками (несомненно, они назывались на месте попами): Matthias, Valentin, Petrus Niger, Leo, Johannes, Petrus Pileator. Очевидно, вместе с церковью пострадало и само население, ибо церковь была возобновлена только позже, когда в селе поселились саксы из Hamerstorf'a, спустя несколько лет¹.

XV столетие.

Reussdörflein, иначе Reussdörfel, Reussdörfchen у саксов, Rosz-Czür, т. е. *Русский Чур*, в отличие от соседних Kis-u Nagy-Czür – Большого и Малого Чура, у мадьяр² на официальном латинском языке *villa Ruthenica* или *Ruthenorum*, у самого Германштадта, уже в XV столетии был самостоятельным приходом. Из этого времени известны его приходские священники: Paninus, Nicolaus, Petrus, Ludovicus, Thomas, Sutoris, Sigismundus³. По поводу имени Paninus издатель замечает: «не был ли он, насколько известно доселе, первым пастырем Русского Сельца и сам русского происхождения?». Но соблазненный именем Панин, однозвучным с русской фамилией Паниных, он наивно продолжает: «bekanntlich, giebt es *noch* in Russland Familien dieses Namens».

Еще ближе к городу Германштадту лежит и сегодня село Русские: у саксов *Reussen*, у мадьяр *Orosz*, у румын *Rusz*. Что это поселение существовало и в XV столетии, мы увидим сейчас, и существовало с настолько зажиточным населением, что поставляло даже и бургомистров соседнему Германштадту. В духовном отношении Русские были подчинены препозиту этого города до 1447 года, когда они образовали самостоятельный приход⁴.

В серии бургомистров Германштадта из XV столетия мы находим лиц с следующими именами:

В 1447 г. — бургомистр Georgius *Hecht*, иначе называемый *Gsukas* (cs = русск. ч).

¹ Там же, III, р. 15. Прибавим, что в начале XVII столетия у Wolfgang'a Bethlen'a в его «Historia» упоминается трансильванский помощник Stephanus Ros, убитый валахами (т. V, р. 198).

² Ср. *Lipszky de Szedliczna*, «Tabula generalis regni Hungariae», Pesthini, 1810. Даже просто Reisdorf на карте Homann'a «Principatus Transsilvaniae», Norimbergae (1770 г.).

³ «Siebenb. Provinz-Blätter», B. II (1807), р. 122.

⁴ Там же, р. 106.

Около 1459 года — *Johann Bogathi*.

В 1463 г. — *Ladislaus Hahn* или *Hähnlein*, иначе *Kakas*.

В 1468 г. — *Nicolaus Russe* из села *Russen*.

В 1479 г. — *Georgius Hecht*, иначе *Csukas*¹.

Из этих пяти бургомистров Германштадта в тридцатилетний период времени *Nicolaus Russe* был кровный русский: и прозвище его, и указание его происхождения категорически свидетельствуют об этом. Затем нельзя также сомневаться, что и один из его предшественников, Иван Богатый, был славянин и, конечно, не пришлый, со стороны, а местного происхождения, из своих славян.

Что же касается остальных трех бургомистров, Георгия Гехта, Ладислава Гана и опять Георгия Гехта (скорее, новое лицо из той же патрицианской семьи, в которой сан бургомистра был как бы наследственный, ибо чрез сто лет, в 1571 году, бургомистр опять *Georgius Hecht-Csukas*)²: то, как не звучат чисто по-немецки фамилии их, мы не сомневаемся, что и они были того же славянского происхождения, что и товарищи их — Богатый, Русский. Читатель и сам, вероятно, догадывается, почему мы позволяем себе это утверждать. Дело в том, что немецкие прозвища этих лиц суть только буквальный перевод прозвищ славянских, конечно, собственно и носившихся ими: при *Hecht* указано *Csukas*, т. е. Щука (откуда и мадьярское название этой рыбы — *csuka*), а *Hecht* и есть щука; при *Hahn* указано *Kakas*, т. е. Кокош — петух (ср. наше — кокошник), а *Hahn* и есть петух.

Итак, в течение 30 лет, по-видимому, чисто немецкий город Германштадт имел во главе своего управления славян и даже из русских.

В 1435 году император Сигизмунд в грамоте графу секлеров указывает на жалобу некоего Николая *de Almakerek*, что граф *Randaweulge* самовольно выселил к себе из его поместья *Karatson-telke* его двух русских крестьян (*iobbagiones ruthenos*)³. Показание грамоты 1435 г. важно в том, что свидетельствует, что не в одних поселениях, именовавшихся русскими, жили русские.

Но и ниже XV столетия мы не останемся без указаний на присутствие имени русского в Залесье.

Здесь нас прежде всего останавливает имя старого и богатого го-

¹ J. Seifert, «Die provinzialischen Burgermeister zu Hermannstadt», в журнале «Siebenbürg. Qartalschrift», B. II, pp. 162—167.

² Там же, p. 187.

³ Mart. Felmer, «*Primae lineae historiae Transsilvaniae*» (1803), с присовокуплением от Иос. Эдера «*Observationes criticae et pragmaticae*», p. 68. *Karatson-telke* — то же, что *Karacson-falva* выше, след., первоначально было русским поселением.

рода к северо-западу от Германштадта, как раз у самой территории «особого народа» Рейхерсдорфа – Reuss или (раньше) *Russ-markt* у саксов, *Szerda-hely* у мадьяр (*szerda* в мадьяр. из слав. – *середа*, *hely* – *место*, ср. *szek-hely* Wohnsitz, *helyettes* – заместитель), на официальном латинском *Forum Ruthenorum* или *Mercurium*, откуда у валахов их *Mnyerkur*. Город, теперь немецкий, надо думать, заложен русскими, как показывает имя, и около 1200 года¹. Что это был русский рынок, недельный торг, куда съезжались, вероятно, по средам, откуда и мадьярское его имя – *Szerda-hely*, ясно из актового латинского имени его *Forum Ruthenorum* или немецкого *Russ-markt*.

Мы видели выше из ученой инструкции Эдера 1807 года, что для него не было ни малейшего сомнения, что *русский торг* был заложен, открыт русскими, и именно того самого местного происхождения, какого были русские других русских мест Трансильвании и раньше, и в его время.

То же убеждение свое о «*vestigio Ruthenorum Transsilvaniae incolarum*» и «*abstrussae vetustatis*» Эдер высказал уже раньше, при издании вышеупомянутой книги Фелмера «Начатки трансильванской истории» в 1803 году, но мельком, поставив ряд «русских» вопросов для других.

Припомнив грамоту Сигизмунда 1435 и другие акты того же² и более позднего времени, в которых памятуется «русские», Эдер заключает: «*quaenam sit horum Ruthenorum communio cum illis, a quibus manavit nomen oppidi Reussmarkt (olim Rusmarkt, itemque Forum Ruthenorum) nec non villarum Reussen (olim Ruzy et Reuz) ac Reussdörfel (Ovosz-falu), fuerintne Rutheni Bissenorum posteri, et quae sunt ejus modi abstrussae vetustatis erotemata, aliis expedienda relinquo: ego vestigio Ruthenorum Transsilvaniae incolarum, adiunguam tribus verbis vestigium etiam Italarum*», т. е. румын и т. д.

Мы не будем говорить о невозможности как будто допускаемой Эдером связи между «русскими» и «бисенами», т. е. печенегами: но весьма можно говорить о связи имен общих народов в трансильванских грамотах с самого старого времени.

¹ «Siebenbürg. Quartalschrift», B. V, p. 201.

² Эдер ссылается на бумагу папы Евгения от 1446 года, где упоминается о русских, или жителях Трансильвании. К сожалению, во 2 томе изв. собрания пок. Авр. Тейнера «*Vetera monumenta historica Hungariae sacra illustrantia*» (Romae, 1860) среди булл того папы не нашли цитируемой Эдером. В булле 1445 года «верным» церкви Девы Марии «*in villa Somljo Transilvanensis dioecesis in confinibus Valachie prope Tartariam*» упоминается глухо, что «*ingens fidelium multitudo devotionis causa confiuere consueverit*» к той церкви (Nº CCCLXXX).

Вот подтвердительная грамота короля Андрея 1224 года немецкими колонистами на юге Трансильвании. Этот акт, следовательно, относится к тому времени, когда именно на том же юге, вблизи того же Германштадта, его комитата (*comitatus Chybinienensis* грамоты), уже существовали *Forum Ruthenorum*, Русский Торг, но незадолго до того увидевший свет. И что же? Король Андрей в грамоте говорит о секлерах, о румынах-валахах, но ни слова о *Ruthenis*, русских, зато их место в грамоте занимают именно *Bissenis*. Они упоминаются два раза и всегда вместе с влахами: «*preter vero supradicta, silvam Blacorum et Bissenorum cum aquis usus communes exercendo cum predictis scilicet Blacis et Bissenis eisdem* (т. е. колонистам) *contulimus...*»¹.

Под этим «*Bissenis*» только и можно понимать *Rutheni*. Та же канцелярская терминология продолжается и в грамотах XIV столетия, т. е. относительно уже незадолго до того времени, когда в Германштадте появятся даже бургомистры из русских. Так, в грамоте 1324 года упоминается о самовольном обращении нескольких свободных семей «*Bissenorum*» в крестьян некими тремя братьями в вотчине Шарош-Потоке: «*quosdam Bicenios suos a patre suo sibi commissos, salius rebus et personis, occupassent (те братья) et nunc detinerent occupatos...*». Против этого и протестует воевода Трансильвании и comes de Zonuk et de Cibinio, т. е. Сольнока и Германштадта. В следующей грамоте того же воеводы и того же года эти *Biceni* прямо названы свободными, и определяется их число: «*octuaginta quinque mansiones hominum liberorum Bicenorum...*»².

Но возвращаемся к прерванным «*observaciones*» Эдера к книге Фелмера, именно о «*vestigio Italarum*», т. е. валахах.

С глубоким пониманием этнографической истории своей родной страны он говорит о происхождении своих валахов, этом италийском наследии. Он видит в этих италийцах только переродившуюся славянскую стихию, но эта стихия для такой далекой старины, как XII–XIII века, представляется основателями *Rusmarkt'a*, Русско-го торго, следовательно, стихию русскую «*majors eorum*, – говорит Эдер, – *qui nunc apud nos valachi adpellantur, antea quam Romanam linguam adsciscerent, Slavorum lingua usos fuisse*»³.

Таким образом, и для Эдера в целом крае на пространстве тысячи лет тихо, незаметно шел тот этнографический процесс регенерации, который документально засвидетельствован им самим в его финальном моменте – при румынизации последних эпигонов сла-

¹ Teutsch-Fimhaber, op. c., p. 30. Курсив в подлиннике.

² Hurmuzaki E., «Documente» и пр., p. 587, 588.

³ P. 7.

вянской стихи в Трансильвании, при исчезновении навсегда с лица земли последних там «русских» жителей четырех поселений юга: Чергедов, Бонгарта и Русского Сельца. Как мало Эдер был похож на своего младшего современника, историографа Венгрии Фесслера, в глазах которого ужасавшая его своей численностью румынская стихия была неизменно стабильным коэффициентом населения Трансильвании. «В Седмиградии, – говорит Фесслер о начале XV столетия, – исповедники православной церкви составляли большую часть населения: одни валахи превосходили числом взятых вместе мадьяр, саксов, секлеров, русских (Russen), славян, армян, греков, цыган и евреев». Но, полагая на целую Трансильванию того времени 900 тысяч населения, Фесслер число валахов определяет в полмиллиона, как и в его время¹, конечно, цифра, действительности отвечать не могущая.

В самом деле, остановимся еще раз на карте Трансильвании. Мы видели, какой массой топографических имен представляется на ней славянская стихия. В соображении всех приведенных обстоятельств эта славянская стихия должна быть одного характера – русского. Действительно, обратимся только к поражающей наблюдателя рассеянности имени «русский» в топонимии Трансильвании, притом с самым разнообразным применением. Но труд это уже сделан для нас г. Пичем в упоминавшемся выше мемуаре «Дакийские славяне и чергедские болгары», с применением специальной карты распространения слова «русский» в географических именах Трансильвании, почему мы позволим себе ограничиться одними выдержками оттуда.

«Второй, в высшей степени важный источник для того, чтобы кое-что узнать о давно исчезнувшем населении, это географическая номенклатура, которая перешла к следующим позже этническим наслоениям. Я рассмотрел потому карту Генерального штаба, и, несмотря на ее неполноту, уже из этого недостаточного материала вытекает поражающий факт, что Трансильвания во время болгарского (!) периода, если не раньше, была заселена главным образом *племенем русским* (von den Volksstamm der Russen)...». «Многочисленная номенклатура Седмиградия, – продолжает г. Пич, – которая как в периферии страны, так и в ее центре сохранила по сегодняшний день имя русского племени, предлагает нам безошибочное свидетельство, что славянское племя жило когда-то в Трансильвании и владело этой землей. Но при этом мы, понятно, имеем дело с иско-

¹ «Geschichte der Ungern», IV. Theil, p. 1126 и так же p., примеч. «О численности валахов в конце прошл. столетия» см. у нас выше.

ни славянским племенем русских, а не с так называемыми варяго-руссами...»¹.

Населенные места с именем «русский»:

Ruszka, Reusmarkt, Reussdörfel, Rusz, Oroszfalu, Rustilor, Rossia, Rusesti (2 паза), Ruszesti, Rosieri, Oroszi, Reussdorf, Oroszhegy, Also-Oroszi, Rossia, Ros-tosi, Rustioru, Orosz-Idecs, Rusu-munti, Russ-flore, Rusu, Ruszkeg, Borgo-Rusz, Ros - итого 25 названий.

Горы, возвышения с именем «русский»:

Ruszkica, Stina Rosca, Rossiile, la Rusielu, Rusului, Rosz-eszlana, Rusei, Rustilor, Rusciu, Rusciului, Mora Rusesti, Rusu, Orosz-hegy, Rosiani (2 паза), Rusinosa (2 паза), Rusino, Ros-tele, Rusiloru, Oroszbükk, Ruziloru, Rusci, la Ruseni, Rusilor, piatra Rossi, plaiu Russului - итого 27 названий.

Речки с именем «русский»:

Russbach, fontina Roschi — 2 названия.

Если населенные места могли получить свое русское имя случайно, напр. от русских пленных, переселенцев, то всякая подобная случайность немыслима, раз идет речь о названиях гор, разбросанных по всей стране; такие названия могли появиться лишь при условии, что всюду жило автохтонное славяно-русское население. Эти названия показывают, что страна была близка, была своей тому народу, который ее горам давал свои русские имена, и что эти орографические имена несравненно должны быть старше подобных имен для населенных мест. Но если основание *Rusmarkt'a*, *Forum Ruthenorum* относится к началу XIII столетия, то русские имена гор должны были появиться в обиходе жителей Трансильвании еще раньше. Таким косвенным путем мы получим указание на существование имени «русский» ранее XIII столетия.

Наконец, некоторые «*vestigia*» русского имени мы найдем и в самих грамотах XIII века.

Так, в грамоте 1228 года, в перечислении гор: «...mons Csuz-berez, caput Bodgt, *Ruscia*, Okar...». В юго-западном углу Трансильвании, выше Железovorотного прохода (*Eisenthorpass*) и теперь возвышается Русская гора, *Russberg*, еще выше *Pojana Rusca* (т. е. Поляна

¹ Р. 249, 254. Конечно, этим мемуаром г. Пича мы воспользовались при печатании настоящего реферата, а не при докладе его на съезде, ибо он вышел лишь летом 1888 года, т.е. через год. Г. Пич работал независимо от нас; если же мы в общем пришли к одному результату — о туземности русской стихии в Трансильвании, тем большее, кажется, значение имеет этот результат. Таким образом, с уважаемым исследователем мы сошлись в главном выводе, расходясь с ним в его румынофильстве, как это видно из предшествующего нашего изложения и в некоторых побочных вопросах.

Русская). У подошвы этой горы вытекает Черный поток, образующий затем историческую Черну — из эпохи имп. Траяна...

В грамоте 1278 года (№ CXVIII), в описании границ вотчины: «...et procedit usque terram Michaelis filii Ruoz Kuchard uocatam... et in *dumbo potaco* descendit...». *Ruoz* = рус, русский. Ср. в грамоте между 1290—1301 годами (№ CCXXVIII) *villa Ruscmak* = *Forum Ruthenorum*¹.

Наконец, к слову о *Forum Ruthenorum* прибавим, что вблизи него лежит теперь одно немецкое поселение, но основание которому положили, вероятно, тоже русские. Это *Toportscha*, иначе, в обезображенном виде, *Schaportsch*. Впрочем, на «*Tabula generalis*» и в «*Repertorium*» Липского еще правильно *Topertsch*. У мадьяр также правильно *Toporcsa*. Уже с 1593 года здесь лютеранские пасторы². Почему же основатели — русские? Потому, что слово *топор* иранского происхождения и, вероятно, через скифов войдя в состав русского языка, не переходит этнографической области последнего.

В заключение сделаем отважное припоминание.

Между городов древней Дакии импер. Траяна, которые обыкновенно оканчиваются на словцо *dava*, был город *Rusi-dava*. Киперт помещает его на Алуте, в нынешней Валахии, между *Burridava* на севере и *Acidava* на юге. У Спрунер-Менке *Rusidava* на Алуте же, но повыше к северу, у самых гор³.

Настоящим докладом мы имели в виду обратить внимание русских историков на забытую русской наукой русскую стихию в далеком Придунайском Залесье, в надежде, что совокупными трудами историков и филологов вопрос об имени «русский», о начальном происхождении имени Русской земли и самого народа получит более естественное разрешение, чем какое дается этому вопросу обыкновенно.

Источник: Кочубинский А.А. О русском племени в Дунайском Залесье// Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. Т. 2. / Под ред. графини Р.С. Уваровой. М.: Типография. Э. Леснера и Ю. Романа. 1891. С. 9—66.

Source: Kochubinskii A.A. Regarding the Russian Tribe in the Danubian "Lands Beyond the Woods" in: Uvarova, P.S. (ed.) Trudy Sed'mogo arkheologicheskogo s'ezda v Yaroslavle [Proceedings of the Seventh Archeological Congress in Yaroslavl]. Moscow: Printing house of E. Lesner and Yu. Roman. pp. 9—66.

¹ *Deutsch-Firnhaber*, op. c.

² «*Siebenbürgische Provinzial-Blätter*», B. III, p. 146.

³ *Kiepert* «*Imperii Romani tabula geographica*», 1876; *Spruner-Menke* «*Atlas antiquus*», ed. III, 1865.

Кочубинский Александр Александрович (1845–1907) – уроженец Кишинева, русский историк, филолог, славист, профессор кафедры славяноведения Новороссийского университета, действительный статский советник. Автор многочисленных трудов по истории славяноведения, языкознанию, истории западных славян и южных славян. Ряд работ ученого посвящен истории и языку русинов Карпатской Руси и Трансильвании, а также Молдавского княжества (Бессарабии). Благодаря А. Кочубинскому в научный оборот были введены новые источники по истории русинов.

Aleksandr A. Kochubinskii (1845–1907) – born in Kishinev, a Russian historian, philologist, slavist, professor of the New-Russian University of the Faculty of Slavic Studies, actual state advisor. Author of numerous works in the history of Slavistics, linguistics, history of the Western and Southern Slavs. A series of the scholar's works were dedicated to the history and language of the Rusins of the Carpathian Rus' and Transylvania as well as of the Moldavian Principality (Bessarabia). Thanks to A. Kochubinskii new sources regarding the history of the Rusins were brought into scholarly circles.

Rusin Journal Library

Библиотека журнала «Русин»

2018. Том 8. Выпуск 1

Республиканская общественная ассоциация «Рґсь»
(г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 152 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Рґсь»
Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028,
а/я 1041
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Библиотека журнала "Русин"»:
http://journals.tsu.ru/rusin_library

Сайт международного исторического журнала «Русин»:
<http://journals.tsu.ru/rusin>

Подписано к печати 16.06.2018. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 100 экз.
Заказ 74.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.
Редакция не вступает в содержательное обсуждение материалов,
переписку по методике написания и оформления научных статей.
При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

